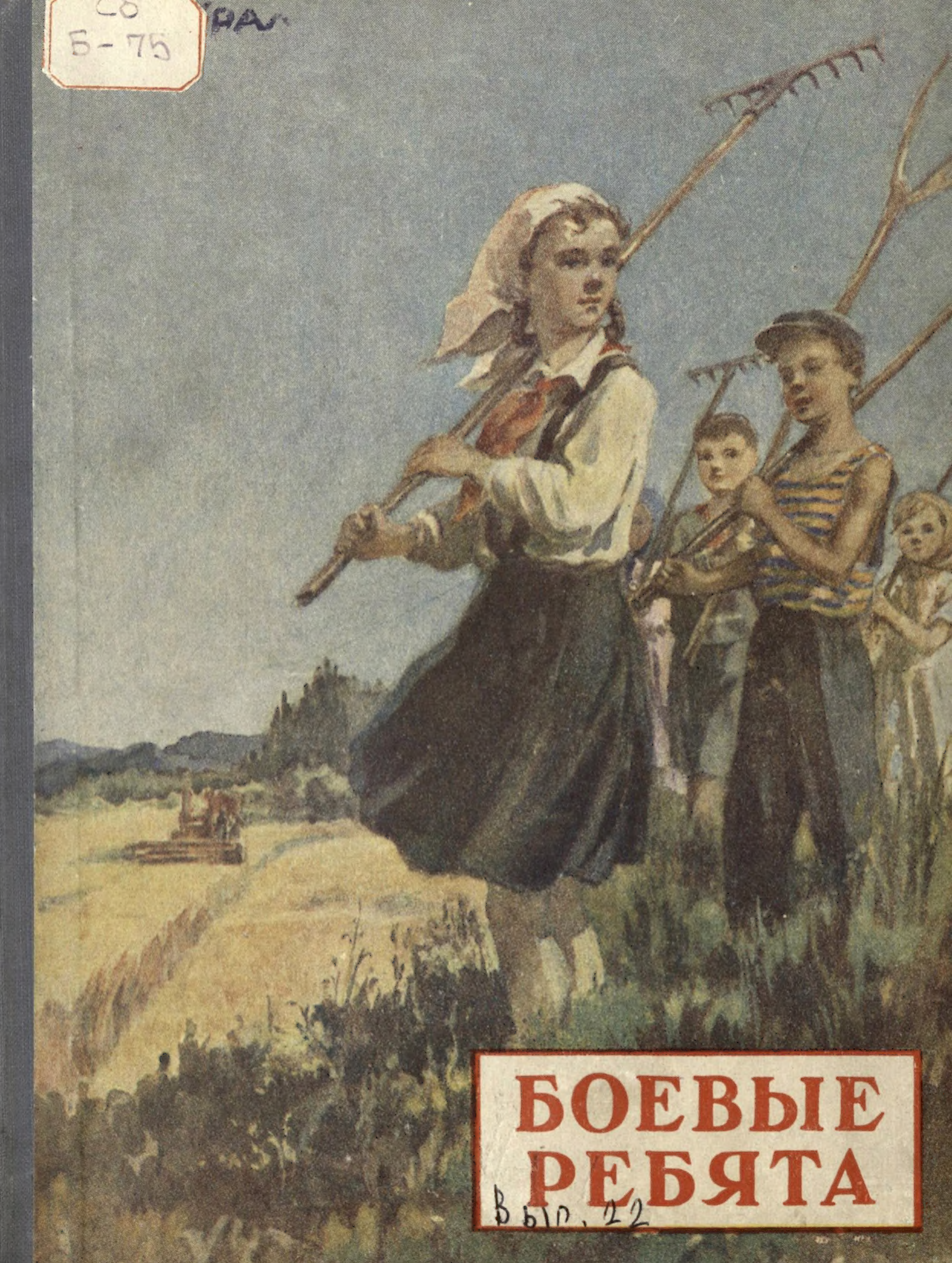

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИК
ДЛЯ ДЕТЕЙ

★

БОЕВЫЕ РЕБЯТА

ВЫПУСК ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ

Свердловское
Книжное Издательство
1955

Боевые ребята № 22

Редактор *И. Круглик* Обложка *Е. Гилевой*
Художественный редактор *Н. Крижановская*
Технический редактор *М. Ульянова*
Корректоры *М. Епимахова* и *Н. Пальмина*

Подписано к печати 27/VIII 1955 г. Уч.-изд. л. 8,74
Бумага 70 × 92/$_{16}$ = 6 бумажного + 1 вкл. — 14,04 печатного листа. НС48021
Тираж 30000. Заказ 103. Цена 5 р. 20 к.

5-я типография треста Росполиграфпром.
Свердловск, ул. имени Ленина, 49.

МЫ — НОВОЖИЛОВЫ

И. Ликстанов

Рисунки Е. Гилёвой

Игрушная улица

Чем дальше уходит в прошлое моё раннее детство, тем меньше кажется мне всё, что окружало меня. И этот домик под некрашеной и всё же никогда не ржавевшей крышей из удивительного железа, прокатанного встарину нашим заводом, и речушка, сопровождавшая своим звоном мои первые думы, и даже гора, поднявшая над лесом острую скалистую вершину,— всё кажется маленьким и хрупким...

Но моя мать не подвластна этому закону. Да, она была всегда и осталась маленькой, она сейчас на целую голову ниже

меня, но всё же это самый большой человек в моих воспоминаниях.

Она смотрит из прошлого, улыбаясь, и порой мне кажется, что весь мир моего детства создан ею с помощью этой улыбки: и солнечная тишина нашего дома, и спокойное внимание отца ко мне, и весёлые прогулки с родителями в лес, и все вкусные вещи, какие она готовила, и самые лучшие сны, которые оставляли меня смеющимся спросонья.

Открыв глаза утром, я прежде всего видел мать, склонившуюся ко мне и тоже смеющуюся.

— Что тебе снилось? — спрашивала она.— Ну, вспомни, вспомни!

Не все сны запоминались, но я наскоро придумывал что-нибудь, по-моему мнению, очень смешное и сразу начинал верить, что действительно видел этот сон.

— Мы с Кузей рыбу ловили... А Кузька в воду ка-ак упадёт! А потом вылез... Мокрый, мокрый... А рыба убежала.

— Ты часто смеёшься во сне,— говорила она.— Значит, ты здоров, и на душе у тебя спокойно... Ну, пора начинать день. Ты где будешь играть сегодня?

— К дяде Тихону пойду, пускай он мне коня вырежет.

— У тебя же есть хороший конь.

— А с него краска слезла... Я на облезлом коне поеду, пускай дядя покрасит.

Мой верный Орлик издали приветствовал меня радостным ржанием и нетерпеливым стуком копыт. Это был прекрасный конь с острой породистой мордой, лебединой шеей и развевающейся гривой. А кроме головы и шеи, ничего не было, если не считать палки, кончавшейся двумя колёсиками.

— Но-о, балуй! — сурово крикнул я, выводя Орлика из дровяника,— стой, озорной! Ишь, раздобрел на овсах-ячменях, гладкий...

Потом я оседлал его и, подражая заводскому возчику, который привозил нам дрова, басом крикнул маме, вышедшей во двор:

— Хозяйка, ворота мешают... Отложи-кось!

— Ах ты, казак! — засмеялась мама и открыла калитку.

Почуяв волю, Орлик вскинулся, залился звонким ржанием,

а седок дал ему шпоры, и началась скачка — дикая, огневая, пьянящая своей безудержной удалью. Девчонки, игравшие посредине улицы, невольно разбежались, когда увидели, что прямо на них, поднимая облака пыли, летит лихой всадник. Мальчишки сначала сигнализировали мне, как милиционеры, требуя, чтобы я остановился, но потом, увлечённые зрелищем бешеной скачки, наспех оседлали коней,— а конём мог стать любой прутик,— и помчались за мной. Ржание, свист, топот, пыль наполнили улицу, мой конь разгорячился, он разбрасывал пену налево и направо и летел вперёд, вперёд...

— Стой! — скомандовал я.

Конники остановились и, натягивая повод во всю силу, успокаивая скакунов, пошли кругами один возле другого. Здесь кончалась наша улица, на которой мы были хозяевами, и начиналась Лесная улица, принадлежавшая другим мальчишкам. Не все мои друзья решаются сунуться на Лесную, но я делаю это безнаказанно, потому что на Лесной живёт мой дядя Тихон Егорович Новожилов.

Это короткая улица в три десятка домов, но другой такой нет в нашем городе. Почти все дома одеты в пышные деревянные кружева и красуются, как девушки на гулянье. Накрылечники, карнизы, оконные кокошники, наугольники — всё сквозит резьбой, всё изукрашено, и улица кажется светлой, праздничной.

Сдерживая Орлика, который недовольно повизгивал и шёл по улице боком, кося огневыми глазами, я через открытую калитку заехал во двор, по-хозяйски привязал скакуна в тени черёмухи, обогнул угол дома и очутился возле фанерного навеса, под которым работал дядя Тиша.

Он занимался своим любимым делом и поэтому был настроен благодушно. Сидя на чурбаке перед широкой, уже наполовину изукрашенной доской, он шаркал тонкой циркульной пилочкой, кончая опиливать очередного плывущего лебедя. Из-под блестящих стальных зубчиков брызгали струйки опилок. Они запорошили кудлатую рыжую бороду дяди Тиши, его нависшие мохнатые брови. Всё вокруг дяди тоже было покрыто желтоватым пушистым снежком, остро пахнущим лесной сосновой смолкой.

— Никак заказчик явился,— с серьёзным видом сказал дядя.

В хорошие минуты он называл меня заказчиком, и это значило, что любая моя просьба будет выполнена.

— Орлик облез,— сказал я.— Совсем некрасивый стал. Я на таком коне и ездить не хочу...

— Ну, веди его сюда...

— Скоро приведу... Он под черёмухой кормится... А потом мне ещё одного коня нужно. Буланого.

— Это зачем? На двух конях сразу ездить хочешь?

— Нет... На переменки. Сперва на одном, а потом на другом.

— А потом на третьем?

— Третьего можно пока не делать.

— Ох ты, Новожильный! — И, закинув голову, дядя расхохотался, широко открыв рот и тряся бородой, с которой сыпались опилки. Он хохотал так громко, что с огорода прибежала тётя Аня, поцеловала меня и замахала на дядю руками.

— Да не грохочи ты, несуразный, на весь посёлок!.. Тьфу, самой себя не слышишь.

Ничего не добившись, тётя убежала на огород, где она садила картошку, а дядя вытер слезу со щеки и помотал головой.

— Жадный ты,— сказал он.— Все Новожиловы жадные. Тебе дай потачку, так ты целый табун разведёшь, как на коneферме. А зачем? Есть Орлик, ну и пользуйся. А табун ни к чему.

— Да-а, табун!.. И вовсе не табун, а три коня всего. Ты вон сколько коней да лебедей режешь, тебе можно, а мне нельзя.

Начался философский разговор — один из тех, без которых не обходилась ни одна наша встреча с дядей Тихоном.

— Рассуждаешь ты глупо,— подумав, сказал дядя, снова принявшийся шаркать пилочкой.— Тебе кони для баловства, для блажи требуются, а я для пользы. Мне от лебедей маломальский заработок идёт, для хозяйства как-никак подкрепление. Это раз. Второе — то, что мне от деревянной работы

после горячего цеха получается облегчение в груди. А третье — то, что людям — украшение жизни. Вот и сообрази: у меня, как ни поверни, кругом польза, выгода, а у тебя только блажь да придурь.

— А тебе уж такая польза, такая польза! — вставила тётя Аня, шедшая мимо нас за новой порцией посадочной картошки.— Весь посёлок нашу Лесную улицу из-под смеха не выпускает: игрушная, мол, улица... Была улица как улица, а стала Игрушной. Бородатый, кажись, человек, а такое затеял...

Шарканье пилочки стало ожесточённым.

— Есть непонимающие, полуглазые...— отрывисто проговорил дядя в адрес тёти Ани.— Для них то полезно, что в брюхо полезло, а глаза им будто ни к чему вставлены. А глазу, между прочим, нужно иметь удовольствие, он без удовольствия, как рыба без воды.

— Что ж ты не берёшь заказов для других улиц? — уязвила его тётя Аня.— Ходят, ходят заказчики, а ты — отказ да отказ. Всё своё художество на Лесной улице держишь.

Дядя Тихон подумал, усмехнулся и подмигнул мне.

— Пока всю Лесную улицу не обработаю — дальше мне хода нет. Сделаю улицу впрямь игрушной, тогда в газету пойду: снимайте, картинку в газете печатайте, сколь наш народ красоту любит... А?

— Хорошо будет! — сказал я.— Ты весь посёлок изукрась, слышишь?

— Очень даже просто! — тряхнул головой дядя.— Ну, веди сюда Орлика. Должно быть, он уже покормился.

— Должно быть...— И я отправился к черёмухе.

Домой я шёл, неся Орлика на плече, чтобы не размазать свежую краску. Теперь он был жгуче-вороной, и, кроме того, дядя осыпал его золотыми яблоками. Ну и конь получился — чудо-конь!..

Мой папка

Сейчас я далеко-далеко от родных мест. Моей новой родиной стал удивительный северный край, где в лесах, между железными рудниками и угольными копями, поднимается завод-гигант. Но вот закрою глаза и в памяти снова и снова возникнет старый уральский завод, возле которого я рос... Кажется, и сейчас я смогу нарисовать его, не ошибившись ни в одной чёрточке: все заводские строения, все трубы, все дымки и облака пара. А в детстве я даже умел рисовать заводские шумы: свистки паровозов взвивались над цехами по спирали, как остроклювые птицы, а заводской гудок выгибался тугой и толстой дугой.

Особенно люблю я гладкий гранитный валун, лежащий у дверей проходной будки. Этот валун-голыш называется «приёмным» камнем. Говорят, что в старину хозяйские приказчики этим камнем испытывали новых рабочих. Они брали на работу лишь силачей, которые могли поднять камень. Но один из пришлых людей взял валун в охапку, унёс за полверсты и бросил в заводский пруд. «Принеси обратно, дам хорошую работу»,— сказал приказчик. Богатырь вызволил камень из воды и вернул его приказчику. Так в сталеплавильном цехе появился первый Новожилов, искусный сталевар, мой предок.

Поселковая детвора играла на площади Труда, возле заводских ворот. Кто-то из товарищей раззадорил меня, и я заявил, что если захочу, то очень просто побываю в мартеновском цехе. Ребята стали высмеивать меня: «Задавака, задавака, а ну, захоти, захоти!». Отступать было поздно... Я пошёл в проходную будку, немного повертелся возле вахтёра — старика дяди Оси, и, когда дядя Ося заспорил с каким-то парнем по поводу просроченного пропуска, я выскользнул за спиной старика в дверь на заводский двор.

Лишь теперь я испугался и понял, что затеял опасное дело, но назад уже не вернулся. Я пошёл дальше и дальше, не по тротуару, а за кустами акации с запылёнными листьями. Никто не видел меня, а я видел всех, кто проходил мимо.

За двухэтажным зданием лаборатории я свернул в сторону шихтарника и мартеновского цеха. Стало шумно и как будто

жарче. Проезжали тяжёлые грузовики, а на заводских путях свистели и гудели маленькие приземистые и бочковатые паровозики... Прошёл известный мне начальник мартеновского цеха, прошла известная мне работница шихтарника, а я, притаившись за кустом акации, всё ждал и ждал. Наконец, стало на минуту тише, я пробежал через рельсы, через полоску асфальтированной дороги и очутился на железном мосту, который вёл к воротам мартеновского цеха.

Странное ощущение испытывал я во время этого путешествия. На заводе я был впервые, несомненно, впервые, и всё же мне казалось, что я уже не раз видел всё, что сейчас меня окружало. Когда? Во сне? Нет, не во сне,— но видел и знал. В этом нет ничего удивительного. Так часто говорилось о заводе у нас в доме, так много я слышал о нём от жителей посёлка... По мосту я дошёл до железных цеховых ворот и подумал, что всё потеряно: они, эти громадные ворота, были заперты для меня своей невероятной тяжестью. Что делать?

Вдруг мост загрохотал. К цеху шёл паровоз с целым составом низких платформ, поперёк которых, прижавшись одна к другой, стояли мульды, похожие на чёрные чугунные ванны. В мульдах лежали куски металла, чушки чугуна, пакеты спрессованной токарной стружки. Ворота открылись перед паровозом. Взявшись за бортовой брус платформы, как за руку друга и покровителя, я прошёл в цех, никем не замеченный...

Мартеновский цех открылся передо мной.

Невероятно большим, бесконечным показался он мне с первого взгляда. Его крыша была, как чёрный небосвод, где-то там, высоко-высоко... Дымные солнечные лучи прорезывали цех внаклон, и туда, в бесконечность, уходили мартеновские печи. Широкие, приземистые, они стояли в ряд и казались небольшими под высоким железным небом цеха, хотя каждая была, как двухэтажный дом.

Меня задержала первая печь. Это для неё паровоз притащил мульды с шихтой, это её надо было завалить, то есть накормить металлическим ломом. Загрузкой печи занималась умная машина — завалочный кран. Она была похожа на башню, но построенную очень странно, сверху вниз, и не доведённую до железного пола. Она начиналась тележкой, которая

ходила по крановому рельсу, проложенному на колоннах, потом шла кабина, в которой сидел машинист, а в самом низу башня кончалась отставленным в сторону железным бревном. Это бревно напоминало хобот слона.

Как споро, быстро работал железный послушный слон! Он хватал тяжёлую мульду своим хоботом, плавно разворачивался и нёс её к печи. Поднималась печная кирпичная заслонка, и слон двигал мульду в печь. Ослеплённый блеском огня, шумевшего в печи, я не видел, что там происходило, но через секунду уже опорожненная мульда появлялась из печи, усеянная жёлтыми искрами. Конец хобота раскалился докрасна, но слон снова и снова лез в печь...

— Ты что тут делаешь?

Чья-то рука легла на мою голову. Я вывернулся из-под этой руки и увидел сталевара Петра Носова, который не раз бывал у нас в доме.

— А я к папке пришёл...

— Зачем?

— Нужно, значит,— заверил я.— Дядя Петя, дай стёклышко, посмотреть.

Он засмеялся, вынул из нагрудного кармана своей блузы синее стекло в широкой алюминиевой оправе и поднёс к моим глазам. В эту минуту заслонка печи поднялась, чтобы пропустить очередную мульду, и сноп прекрасного синего огня вошёл в моё сердце.

— Пётр Иванович! — позвал кто-то Носова.

Он пошёл на зов, а я двинулся дальше, пробираясь между стеной цеха и колоннами и удвоив осторожность, так как по моим расчётам я был уже на площадке второй печи, в хозяйстве моего отца.

Потом я прижался к колонне и стал смотреть.

На площадке перед печью стоял человек в серой блузе, в грубых рабочих ботинках на толстой подошве, в войлочной широкополой шляпе, к которой была прикреплена густая сетка — забрало из железной проволоки. Этот человек прошёл по железным плитам к двум другим сталеварам, стоявшим возле кучи руды, взял лопату из рук одного из них, набрал её полную руды и, шагая легко, упруго, направился к печи.

Казалось, что печь подстерегала смельчака.

Подняв заслонку, она бросила навстречу человеку весь свой огонь. Его было так много, он так шумел, что моё сердце сжалось: сейчас человек растает, испарится, исчезнет, потому что никто не может противостоять большому, яростному огню. Но человек вошёл в огонь и бросил руду в печь таким длинным, длинным движением, будто бросил не только руду, но и свои руки, вытянувшиеся вслед за лопатой. Секунду или час — не могу сказать сколько времени — человек стоял неподвижно, лицом к лицу с огнём, и огонь понял, что с ним ничего не поделаешь. Он загудел ещё громче и разошёлся справа и слева от человека широкими, напряженно дрожавшими ослепительными лучами. А человек стоял, окружённый лучами, и был сильнее всего на свете.

Это папка, это мой папка работал!

Заслонка стала на место, отец передал лопату своему подручному, увидел меня, неосторожно выставившегося из-за колонны, и подошёл.

— В чём дело? — спросил он своим глубоким голосом, нависнув надо мною.— Ну?

Я промолчал.

— Зачем пришёл? — спросил он.

— Так...— ответил я.

— Кто привёл?

Подчиняясь лаконичности его вопросов, я также коротко ответил:

— Сам...

Его рука, в которой очутилась моя рука, была горячей, от него ощутимо шло тепло, и я вспомнил о раскалённом докрасна хоботе железного слона,— вероятно, папка тоже умел раскаляться докрасна. По боковой летнице мы с отцом вышли из цеха, молча и быстро прошли через завод и очутились в проходной будке.

— Что же ты, Алексеич, пускаешь на завод таких вот? — сказал отец вахтёру и вывел меня на улицу.

Несомненно, наше появление было триумфальным. Мальчишки, дожидавшиеся меня у «приемного» камня, получили неоспоримое вещественное доказательство того, что я побывал в мартеновском цехе. Этим вещественным доказательством был мой отец — самый лучший сталевар завода. А вещественное доказательство повернуло меня лицом к дому и отпустило такой шлепок, что я перелетел через улицу и чуть не сшиб лотошницу, торговавшую пирожками. Это был первый шлепок, полученный мною от отца, но зато какой! Удивительный шлепок! Держась за то место, к которому он был припечатан, глотая слёзы, я пошёл домой, сопровождаемый мальчишками.

Матери я не сказал ничего и с беспокойством ждал отца. Но всё сошло благополучно: ни за обедом, ни вечером и вообще никогда отец не сказал ни слова о моей выходке. Почему? Он не хотел тревожить мать — и я это понял.

Вечером отец принялся чинить угловую водосточную трубу нашего дома. Я нерешительно подошёл к нему. Он сказал:

— Принеси плоскогубцы. Они в инструментальном ящике, знаешь?..

Прежде чем выполнить поручение, я сказал:

— Ты больше так не дерись, а то сидеть больно.

— Плоскогубцы, ну! — повторил отец.

Я направился к крыльцу, услышал какой-то странный звук и оглянулся. Отец, стоявший спиной ко мне, весь трясся: он смеялся, смеялся с ног до головы всей своей фигурой.

— Тебе, конечно, смешно,— упрекнул я его.— Тебя бы так, знал бы... Подожди, стану сталеваром, так попробуй драться. Новожильный...

— Где плоскогубцы? — с преувеличенной строгостью спросил отец.— Смотри, ещё получишь!

И вот странное дело,— после этого случая я почувствовал большую близость к отцу: может быть, потому, что у нас появилась общая тайна, которую мы сберегли от матери, и ещё потому, что, кажется, в тот день я решил в своё время по-отцовски схватиться с огнем.

Гордость

Слава отца быстро росла...

Однажды — это случилось уже во время войны — мы с мамой нетерпеливо ждали его три смены подряд, хотя и знали, что отца задерживает на заводе срочная работа... И вот он пришёл, внешне по-обычному спокойный, но в то же время особенный... Его лицо было усталым, побледневшим, но сквозь усталость просвечивала улыбка.

Из карманов он достал две банки сгущённого молока и отдал маме со словами:

— Директорский подарок...

Потом он протянул мне плитку шоколада.

— А это тебе от директора...

— Ты не спал двое суток,— сказала мама, когда отец сел за стол.— Сколько ты пробудешь дома?

— Не беспокойся, успею выспаться...

— Что там случилось на заводе?

— Новую марку стали сварили,— ответил он коротко, и по его тону почувствовалось, что дело это секретное, о котором лучше не распространяться. Но, поддавшись желанию поделиться с нами своей удачей, отец рассказал всё, что можно.

— Прилетел самолёт из Москвы с профессором Смолиным Алексеем Петровичем. Привёз он рецепт новой стали. Никогда мы такой металл не варили и никто не варил. Противоречивая сталь: даёшь в неё по рецепту присадки — одну примет, а другой не хочет, не усваивает, в шлак сбрасывает. Рецепт, знаешь, это одно, а практика, конечно, другое. Однако ничего: уложил я в эту сталь всё, что нужно. Профессор даже удивился: «Я не надеялся на такой быстрый успех». А всё дело в температурном режиме. Я на температуре, как на баяне, сыграл...

Стали прокатывать сталь: никуда, ни в какую... Трещины пошли вдоль и поперёк. Я опять-таки предложил повести прокат на предельном нагреве. Мы сутунку так разогрели, что она чуть не плавилась, а лист, однако, получился правильный. Пассажирский самолёт полторы тонны стального листа в Москву утащил, а остальные курьерским поездом отправили...

Вечерело...

— Ложись спать, Витя,— сказала мать.

— А вот и не хочется даже,— с удивлением проговорил отец.— Кажется, и не засну никогда. Разворошила меня эта сталь... Посидеть бы немного на воздухе...

Вечер был тёплый и тёмный, урожай звёзд в эту ночь был особенно хорош. Сидя втроём под рябинами нашего садика, мы смотрели на огни заводского посёлка, которых было так мало в это скупое время, и на звёзды, которых было очень много.

— Два дня ты, Маша, меня по задачнику не гоняла,— вспомнил отец.— Нехорошо...

— Ничего, нагонишь,— ответила мать.

— А ты что делала, Маруся? — уже тускнеющим голосом спросил отец.

— Дел хватало... Наш уличный комитет проверяет, как школы готовятся к учебному году... Помогали школы ремонтировать... Читала ещё...

— Что? — сонным голосом спросил отец, и его рука, лежавшая на моём плече, стала тяжёлой.

Он сам читал мало — газеты только,— а мама каким-то

образом умудрялась читать много, и отец любил слушать её рассказы о книгах.

— Попалась такая интересная книга по астрономии,— сказала мама.— Ждала тебя прошлой ночью, засиделась над книгой и размечталась...— Мама, увлекаясь, заговорила быстро:— Какой вокруг нас большой мир, вселенная! В нём миллионы таких солнц, как наше! И, наверно, вокруг этих солнц вращаются такие планеты, как наша Земля, и на них, наверно, уже давно живут разумные существа... И на многих планетах, наверно, уже давно разумные существа решили те задачи, над которыми мы бьёмся. И живут они мудрые, могучие, счастливые...

— Очень даже свободно...— согласился отец.— Ишь, звёзды как близенько. Кажись, протяни руку и в самую гущу угодишь... Да-а... Близок локоть, а не укусишь.

— До них очень, очень далеко,— озабоченно вздохнула мама.— До самой близкой звезды надо лететь четыре года со скоростью светового луча, сотни тысяч километров в одну секунду.

— Побыстрее курьерского поезда,— сказал отец.— Словом, не доберёшься...

— Нет, нет! — запротестовала мама.— Сознание никак не хочет примириться с этим, не хочет! Я уверена, что эти существа уже завладели мировым пространством, что они летают... Может быть, летают недалеко от нас, только ещё не завернули к нам, потому что наше солнце маленькое, а земной шар, как песчинка. И вот думала: «Прилетите к нам, голубчики, помогите. Трудно, ох, как трудно нам! Помогите победить врага, научите, как побеждать болезни и старость, как добывать много пищи, чтобы все были сыты, счастливы»... Так размечталась, что даже расстроилась... Смешно!

Рука отца, лежавшая на моем плече, отвердела.

Он сказал тихо, как будто укоризненно и немного обиженно:

— Ну и зря ты, Маруся!.. Зря помощи запросила, будто сами мы не управимся. Не бойся — управимся! Вот Черчилль всё никак не соберётся второй фронт открыть. Что ж нам, плакать, что ли? Нет, без его подмоги фашистскую мразь давим... Новая сталь понадобилась— даём для победы новую сталь, у

американцев её не просим. Я сам уговорил ту сталь свариться и подмоги со звёзд что-то не видел. Нужно для Красной Армии, значит, сделаем всё, что требуется... А победим фашистов — и этой самой рукой будем коммунизм строить. И построим, не сомневайся!

Его железная рука крепко сжала моё плечо.

— Гордый ты,— сказала мама с усмешкой.— Одним словом, Новожилов...

— Новожиловы люди вполне обыкновенные,— возразил отец.— А народ у нас гордый, это правда... Чем плохо? Человек без гордости, как мягкое железо, гнётся да гнутым остаётся. А нас не согнёшь, нет!..

Родители ушли, а я остался в садике. Через минуту вернулась мама, проводившая отца до постели.

— Сразу заснул,— сказала она.— Вот, Сеня, возьми стакан. Не пролей. Здесь молоко. Выпей на свежем воздухе. Это очень полезно. Выпей с шоколадом, хорошо?

Из серебряной бумаги, блестевшей в темноте, я вынул плитку шоколада, отломил себе краешек, а остальное отдал маме.

— На, мама, ешь...

— Что ты выдумал! Это всё для тебя...

— Возьми! — настаивал я.— Ты же любишь...

— Хорошо... Вот я уже взяла кусочек за щёку... Спасибо!

— А ну, покажи! — я ощупал её щеку, и такой худенькой в то время была мама, что я сразу нащупал кусочек шоколада, положенный мамой за щёку, чтобы он медленнее таял.

Так мы сидели под большими звёздами, которые скопились над невидимой вершиной горы, словно светоносный пчелиный рой.

— Ребята говорят, что папке за эту сталь орден дадут,— сказал я.— Никто такой стали не варил, а Новожилов сварил, во!.. Ты думаешь, я не знаю, для чего эта сталь? Всё знаю... Это для самолётной брони, самая броневая сталь... Я, мама, буду тоже шибко гордый, как наш папка, вот увидишь...

— Гордым для того, чтобы варить хорошую сталь? — переспросила мама.

— А то для чего? — удивился я.

— С такой гордостью я согласна...— задумчиво одобрила мама.

Сколько лет прошло с тех пор, но никогда не исчезнет из моей памяти этот ночной разговор под звёздами, которые не могут нам помочь и без помощи которых мы, гордые люди, обойдёмся.

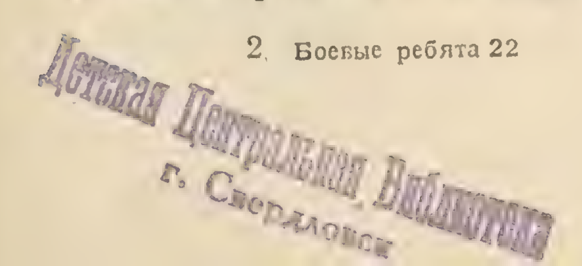
Орденская планка

Кончилась война. Человеческое счастье хлынуло в наш посёлок бурно, неудержимо... Возвращались фронтовики, и катился по улицам шум радостной встречи. Жители посёлка праздновали встречу бойцов, открыв окна, чтобы все слышали, чтобы все видели их радость. Хозяйки выбегали к нам, ребятам, с кусками пирога на тарелках, оделяли нас и шептали на ухо: «Викторушку моего вспомни... Не вернулся... Не вернётся, голубчик... Ваня пришёл, а Викторушка...» — женщина, не договорив, убегала в дом, унося слёзы в шум и песни радостной встречи Ивана, который вернулся.

Прибавилось забот нам, ребятам посёлка, в эти дни. Надо было вести строжайший учёт, сколько знаков отличия принёс домой тот или иной фронтовик. Когда по улице шёл фронтовик, мы сопровождали его, идя не позади, а впереди, лицом к нему, и не отрывая глаз от боевых наград. И как завидовали мы Петьке Савостину, старший брат которого принёс с фронта Золотую Звезду. Петька так загордился этой Звездой, будто сам заслужил её; рассказывая о подвигах брата, он говорил: «У нас на батарее такое дело было...»

А однажды этот самый Петька Савостин вышел на улицу с Золотой Звездой на груди. Конечно, это была не настоящая звезда, а деревянная, покрытая золотой краской, но что с того: все ребята признали, что коль скоро у Петьки брат Герой, то и Петька имеет право носить медаль. Сколько горьких минут пережил я, молчаливый свидетель шумного торжества Петьки. Мой отец не был Героем Советского Союза, он не был даже фронтовиком...

— Ну и что? — спросил дядя Тихон, когда я рассказал ему о моих горестях.— У твоего родителя сколько орденов-медалей?

— Два ордена, две медали,— ответил я угрюмо.— Так не боевые.

— Не боевые! — передразнил меня дядя.— Ишь, голова с дыркой! И чему только вас в школе учат... Из чего да чем Савостин в фашистов стрелял?

— Ну, из пушки... снарядами...

— А пушки-снаряды из чего поделаны?

— Из стали...— ответил я, уже поняв, куда ведёт дядя.

— А сталь кто варит? — допытывался дядя Тихон.— Понял теперь? Без твоего родителя и пушка не выстрелит, да и пушки той не будет. А ты говоришь — не боевые.

Отложив пилочку, дядя взял свой рабочий нож, отколол от доски щепочку, превратил её в гладкую, выпуклую с одной стороны планку и приказал мне:

— Принеси из дому ящичек с красками да баночку с водой. Скажи тёте Ане, что мне всё требуется. Пускай выдаст...

Под мою диктовку он наложил на планку поперечные полоски краски, а тётя Аня двумя стежками чёрной нитки прикрепила планку к моей рубашке. Великолепно! Но было так страшно сунуть нос на улицу.

— Сниму,— сказал я.— Ребята побьют.

— А ты сдачи дай,— посоветовал дядя Тихон.— Не можешь, что ли, Новожилов? Бьют не слабого, а трусливого.

Он похлопал меня по спине и, схватив сзади за плечи, свёл лопатки, заставив меня выпятить грудь. Я вышел на улицу с гордо выпяченной грудью и со страхом в сердце. И надо же, чтобы на первых же шагах я встретился с Петькой Савостиным, который сидел на пригорочке, окружённый ребятами. Планку на моей груди, вовсе в тот момент не выпяченной, ребята увидели, кажется, раньше, чем самого меня. Что тут поднялось: шум, крик, смех... Петька, переваливаясь с ноги на ногу, подошёл ко мне, нос к носу.

— А ну, снимай! — приказал он, не вынимая рук из карманов.

— Не сниму...— ответил я, положив руку на планку.

— А ну, снимай! — повторил Петька, уже вынув руки из кармана.

— Не сниму,— повторил я.

— Разве твой отцуха воевал? — спросил Петька, заложив руки на спину.— Воевал он, да?

— А хоть и не воевал...— ответил я, тоже заложив руки за спину.— А ты скажи, из чего твой братенник в фашистов стрелял? Скажи вот... Из чего да чем?

— Ясно, из пушки снарядами. Будто сам не знаешь...

Тогда я сказал Петьке:

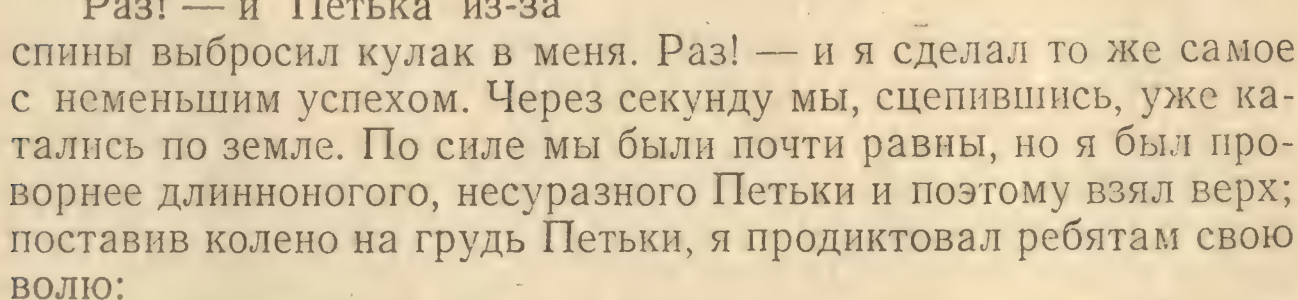
— Если бы мой папка сталь для пушек-снарядов не варил, так твой братенник и не стрелял бы вовсе. Понял?

Моя дерзость заставила ребят открыть рты, а Петька зловещим шёпотом спросил:

— Кто не стрелял бы вовсе? Мой братенник не стрелял бы? Ты это о ком говоришь, а?

— О ком сказал, о том и говорю.

Раз! — и Петька из-за спины выбросил кулак в меня. Раз! — и я сделал то же самое с неменьшим успехом. Через секунду мы, сцепившись, уже катались по земле. По силе мы были почти равны, но я был проворнее длинноногого, несуразного Петьки и поэтому взял верх; поставив колено на грудь Петьки, я продиктовал ребятам свою волю:

— Буду носить планку, а кто сунется, тот получит ещё и не так. Сказано, не замазано, к уху привязано, чтобы всегда так было!

С выпяченной грудью и расквашенным носом я пошёл к дяде, который курил в тени единственной черёмухи его двора.

— Уже подрался...— сказал я.— С Петькой Савостиным... Пускай за мою планку не цапается. Ох, и дал ему!

— А нос-то у тебя балбешкой раздуло.

— А у Петьки два...

— Это ты, положим, перехватил. Двух носов у человека не бывает,— спокойно образумил меня дядя и, не выдержав серьезного тона, расхохотался, тряся бородой и хватаясь обеими руками за бока. А когда прибежала тётя Аня, напуганная этим грохотом, дядя прохрипел сквозь смех и кашель:

— Сенька у Савоськиного Петюшки сразу два носа расквасил... Ах ты, Егорий-Воин, поразитель супостатов! Вытри-ка ему нос да холодное приложи...

— Мам, смотри, что!— вернувшись домой, сказал я маме.— Планку дядя Тиша сам сделал. Вот какой у нас папка, видишь?

Мать, готовившая обед, улыбнулась мне.

— Да, папка у нас боевой... Он сейчас был дома с хорошей вестью. Его назначили обер-мастером мартеновских печей. Ты рад, воробей?

Был ли я рад? Я был просто счастлив. Это так здорово, так внушительно звучит: обер-мастер. Обер-мастер — значит самый старший, самый главный, самый уважаемый сталевар на заводе.

— Мам, теперь папка будет во какую получку домой приносить! — сказал я.— Правда?

— Ошибаешься, воробей! Обер-мастер зарабатывает не больше, чем хороший сталевар. И разве нам нужна очень большая получка? Разве нам сейчас не хватает?

— А велосипед?— напомнил я.

— И велосипед как-нибудь купим...

Отец пришёл домой встревоженный, но явно довольный. За обедом он о чём-то думал, вероятно, о заботах обер-мастера, но, слушая мать, добродушно улыбался. А после обеда у нашего дома прогудела машина, присланная директором завода, потому что директору срочно понадобился наш папка. Понятно, что я тоже забрался в машину, жалея о том, что она закрытая и знакомые ребятишки не увидят, как по улице катит в директорской машине сын обер-мастера Новожилов.

— Останови-ка твою пыхтелку, Миша,— сказал мой отец шоферу в одном квартале от заводоуправления.

Отец открыл дверцу, и, когда я, немного разочарованный, собрался вылазить, он одним движением своих железных пальцев снял с моей груди планку, пояснив:

— Ордена-медали — не игрушка, Семён. Кто заслужил, тот и носит, а кто не заслужил, пускай заслужит. Понятно?

И это меня не обидело, не огорчило. Всё равно я чувствовал себя именинником и самым счастливым мальцом в посёлке.

Как умчалось детство

Жаль только, что потом, года через два, мы сменили наш маленький бревенчатый дом под нержавеющей вечной крышей на трехкомнатный коттедж — один из тех, которые строились на улице Металлургов. Нет, ничего плохого нельзя сказать о коттеджах, но трудно было расстаться с говорливой речушкой, отгородившей наш старый дом от леса и сопровождавшей чистым ласковым звоном мои детские игры и мои первые думы.

Коттеджи строились и строились, отцу не раз предлагали взять любой из них, но он отказывался, и мама поддерживала его: «Здесь у нас больше воздуха,— говорила она.— А улица Металлургов такая пыльная...»

Но отец неожиданно изменил своё решение.

— Знаешь, Маруся, всё-таки придётся, видать, нам в новое гнездо перебраться,— сказал он однажды за обедом.— Все удобства там, даже отопление от теплоцентрали дадут. Мне будет ближе до завода, а Семёну до школы.

К моему удивлению, мама тотчас добавила доводов в пользу коттеджа:

— И до трамвайной остановки оттуда близко. Можно будет ездить в театр. И магазины там лучше.

— А сберкнижку придётся тряхнуть, — сказал отец. — Стану сразу гасить ссуду, которую мне дают. Хочу за год-два расплатиться.

— Правильно! Терпеть не могу долгов...— снова одобрила мама.

Через несколько дней мы с мамой пошли смотреть наш коттедж. Это было в начале лета, и мама, конечно, нарочно выбрала день посветлее, чтобы впервые переступить порог нового жилья лёгкой ногой.

Старик-сторож повёл нас через просторный двор к молчаливому белоснежному дому, который, казалось, с любопытст-

вом и немного испуганно приглядывался к своим будущим хозяевам. Сторож повернул ключ в замке, открыл дверь, и мы очутились в передней, а потом в столовой. Эта комната показалась нам невероятно большой, потому что она, понятно, была пустая, и солнечная пустота отражалась в блестящем жёлтом полу.

— Как хорошо! — радостно вздохнула мама.— Как много воздуха... И потолки вдвое выше наших.

И уже по-хозяйски уверенно она пошла из столовой в кухню, потом поднялась в мезонин, спустилась и заглянула во все стенные шкафы.

— Всё хорошо, очень хорошо! — повторяла она.— Я и не думала, что здесь всё так хорошо...

— Да уж, построено...— солидно подтверждал сторож.

— Дворец, одно слово...

А я забился в свою — шутка ли! — в свою комнатенку, очень маленькую, но, безусловно, прекрасную, которая находилась в мезонине, рядом со спальней, и мечтал, как я здесь устроюсь: вот сюда поставлю столик, которого ещё нет, но который мне сколотит дядя Тиша, а сюда книжную полочку, а на подоконнике...

— Как сильно пахнет краской,— сказала мама, войдя в мою комнату.— Открой окно, Сеня. Каждый день до переезда буду приходить сюда проветривать комнаты...

Окно распахнулось, и я засмотрелся.

По другую сторону улицы до войны и в военное время были построены бараки — обыкновенные бараки, очень длинные, с широкими окнами. Теперь эти бараки таяли, словно были сделаны не из камня и дерева, а из снега, и очутились под горячим солнцем. Таяли бараки начиная сверху. Вон там, на одном из них, растаяла крыша и открылись стропила, как кости разрезанной впласт рыбы, на следующем растаяли стропила, потолки, и видны были комнаты, как пустые пчелиные соты, у третьего барака исчезли стены и полы в комнатах и коридорах, и в земле чернели ямы подполов, по одному на каждую комнату... Таяли, таяли бараки и дольше всего, как грязные сосульки, наросшие снизу вверх, сохранялись печи. Но затем приходил их черёд, и на той площадке, где недавно стояли бараки,

ползал струг, выравнивая землю. Так расширялась улица, которой было суждено превратиться в широкий и зелёный бульвар, а вплотную к таявшим баракам уже поднимались стены новых больших домов. И над этими домами стояли ажурные краны, медленно и как бы задумчиво переносившие высоко над землёй корзины с кирпичом, пучки жёлтых досок и железные бадьи с белыми известковыми потёками. Шла стройка.

Мать закрыла окна, спрятала ключ в сумочку, и мы с нею отправились домой. Недавнее оживление оставило маму; она шла молча, и лицо её казалось грустным.

— Чего ты, мама? — спросил я.— Тебе же нравится коттедж.

— Да, конечно...— тихо ответила она и вздохнула.

Наш старый дом стал уже не совсем нашим. В нем должна была поселиться семья каменщика Трушкова, нового человека на заводе, и неприятно было видеть, как чужие люди осматривают наше жилище, стараясь умалить его достоинства, и тычут вязальной спицей в стенные брёвна, проверяя, нет ли гнили. Но особенно неприятен мне был самый маленький Трушков, белоголовый Котька. Он всюду совал свой вздёрнутый носишко, и у меня на глазах входил в права владения домом. Я стерпел, когда Котька забрался на тополь, росший во дворе, но вдруг в руках Котьки оказался мой Орлик, мой верный друг Орлик, в золотых сильно потускневших яблоках, так как славный скакун провёл уже несколько лет под крыльцом, забытый его подросшим хозяином.

Зардевшись от восторга, Котька любовался Орликом.

— Но-но, балуй, животина!..— шептал он.— Я тебя!.. Ишь, озорной!

— А ну, отдай,— разозлился я.— Тоже ловкий нашёлся...

Мальчонка растерялся, но всё же крепко держал палку, соединявшую голову коня с колёсиками. Он смотрел на меня умоляюще, просительно.

— Да-а, жалко тебе,— сказал он сипло.— Дай покататься... Жалко тебе, да-а?

— Обойдёшься! Носом не вышел... Отдай, а то отлетишь!

Послышался голос матери, вышедшей из дома:

— Ты бы постыдился, Сеня!

Потом она высвободила из моих рук голову Орлика и сказала Котьке:

— Садись на коня, казак молодой!

Не спуская с её лица счастливо заблестевших глаз, Котька оседлал Орлика и натянул пожухлый и потрескавшийся ремешок поводьев.

— А теперь скачи! — приказала мама.— Пускай Орлик копытами бьёт, пускай он скачет через поля и леса.

Ох, как взвился Орлик, как звонко и тонко заржал, как круто ударил всеми четырьмя копытами,— и помчался, помчался кругом по двору, мотая головой, кося глазами,— огневой и неукротимый чудо-конь.

Обняв меня за плечи и прижав к себе, мама, смеясь, подзадоривала Котьку, опьяневшего от чувства своей молодецкой удали:

— Ходу, ходу, казак лихой!

И Орлику стал нестерпимо тесен наш двор. Он отчаянно взвизгнул, вылетел на улицу и помчался, полетел неведомо куда, взбивая пыль и оглашая улицу заливистым ржанием.

Это моё детство умчалось неведомо куда, а я, почему-то опечаленный, остался посредине двора.

— Мой сын уже большой,— сказала мама, как бы объясняя мне то, что произошло.— Ему исполнилось двенадцать лет, он перешёл в шестой класс, и ему нужен настоящий конь, а не деревянный. Но на худой конец он удовлетворится и велосипедом, не так ли, воробей? Скажи, тебе ещё жаль Орлика?

— Ничего...— ответил я.— Знаешь, мама, я отдам Котьке и мой конёк-двухколёску. Пускай катается по асфальту. Мне ни к чему...

— Какой ты большой, взрослый! — вдруг удивилась мама.— Смотри, ещё немного — и мы сравняемся, а потом ты перерастёшь меня... Мой большой сын!

Голос её прозвучал так странно,— тепло и горько; на её глазах заблестели слезы.

— Чего ты, мама? — спросил я.— Чего ты плачешь?

— Ничего...— шепнула она и легонько оттолкнула меня.— Ты растёшь, а мы с отцом стареем... Мне уже тридцать пять, папке за сорок... Пока жили здесь, это как-то не замечалось, а теперь будто итог подвела. Здесь нам было очень, очень хорошо, а что будет там, как сложится жизнь?

— И там хорошо будет, даже ещё лучше! — сказал я уверенно.

— Да?..— она вытерла глаза.— Конечно, в новом доме должно быть ещё лучше, чем было в старом. Знаешь, воробей-забияка, у меня столько планов. Будем в новом доме жить по-новому, совсем не так, как раньше. Папка по-настоящему возьмётся за учение, сдаст в будущем году на аттестат зрелости; потом поступит на вечернее отделение политехнического института. Мы будем читать хорошие книги, журналы, следить за литературой. Выпишем «Литературную газету». Вы с папкой будете культурными металлургами, новаторами... Да?

Так мечтала она, снова обняв меня за плечи, и я радостно всматривался в её худенькое личико, ставшее светлым и счастливым.

Послышались голоса. Это, кончив осмотр приусадебного участка, возвращались Трушковы и мой отец.

— Тсс! — лукаво улыбнувшись, предупредила меня мама, будто мы задумали что-то подлежащее хранению в глубочайшей тайне.

Мне было жаль нашего старого дома, но этот разговор с матерью ослабил грусть расставания с ним.

Спор

Итак, мы поселились в новом доме на улице Металлургов.

И теперь, когда наш скарб очутился в светлых комнатах, с жёлтыми блестящими полами и со стенами, отделанными «под атлас», стало до боли в глазах видно, как мало всего у нас и как некрасиво всё то, чем мы обладаем. В четверть часа вся мебель была расставлена, шум переезда внезапно оборвался, и наступила какая-то недоумевающая, трудная тишина. Мама стала посредине столовой, обвела её взглядом, прижала руку к груди и сказала отцу, курившему у открытого окна:

— Обер-мастер, это ужасно! Нет, сознайся, что это просто ужасно...

Отец тоже обвёл взглядом столовую и смущённо улыбнулся.

— Залетели вороны в барские хоромы,— пробормотал он.— Знал бы, что такое получится, так и с места не тронулся бы.

— Если бы сюда ковёр! — топнула ногой мама.— И туда что-нибудь,— указала она на стену.— К этой стене буфет, хотя бы маленький, но светлый... А вместо этого урода...— она обеими руками качнула наш обеденный стол,— вместо этого чудовища раздвижной стол. А для спальни никелированные кровати... Сейчас в пассаже продаются кровати, хорошие и недорогие...

Дядя Тихон слушал её, прислонившись к дверному косяку и ероша свою буйную рыжую бороду.

— А фарфоров-хрусталей не хочешь? — спросил он.— А то ещё есть картины-пейзажи и натюрморты в золотых багетах.

— Хочу! — с весёлой отчаянностью воскликнула мама.— И шифоньер с зеркалом, и книжный шкаф, и туалетный столик. И Сене в его комнатёнку тоже кое-что нужно.

«Велосипед»,— подумал я.

— Эх ты, учительша! — ухмыльнулся дядя.— Откуда ты такого набралась, понять невозможно. Кажись, не в особняках рощена, а в детском доме. Крылышек тебе и не положено, а забираешься высоконько. Сказано — интеллигентка.

Лицо мамы порозовело, стало чуть-чуть виноватым; она искоса посмотрела на отца, который продолжал курить, будто ничего не слышал,— и стала оправдываться.

— Нет, конечно, достаточно и того, что мы имеем, вполне достаточно, но хочется помечтать. Не о вещах, нет, а о том, чтобы жизнь становилась всё красивее и удобнее. И люди... люди ведь смотрят, как живёт учительница, активистка уличного комитета... Так хотелось бы показать им новое, дать какой-то пример...

Падкий на философские темы, дядя Тихон возразил:

— Мечты это что? Это есть недовольство жизнью: хочу, мол, не так, а этак, бунтую, мол... От этого получается что? Одно беспокойство. Ты, учительша, пойми, что жизнь твоя уже построена и нечего, значит, трепыхаться. Задумал Витька машину покупать. Это, положим, тоже глупость, баловство, но всё ж таки от машины может пойти польза: с вокзала пассажиров возить — заработок. В лес по грибы, по орехи съездить — опять заработок... А от твоего раздвижного стола какая польза? Стол — престол, а каша — царица, в ней вся сила. Ты свой стол хаешь, он и урод, и чудище, а за этим столом Новожиловы, железные души, чуть не двести лет щи хлебали. Хоть стол никуда, а прожили двести лет, на худом счету никогда не были. Чего ж ты трепыхаешься, своим пределом брезгаешь? Нос обломаешь, другого не выдадут.

— Чепуха! — сказал отец и погасил папиросу о свою чугунную ладонь.— Почему это надо двести лет непременно за шатучим столом сидеть? Ну, привык я к этому столу, верно, а теперь смотреть на него не хочется.

— А ты не смотри! Ты на стол бутылочку поставь, да соленый огурчик предъяви и получится стол — красота. И стол без внимания, если на столе такая благодать.

— Вот тебе и весь рай жизни — бутылочка да огурец! — досадливо крякнул отец и, наморщив лоб, закурил новую па-

пиросу, хотя обычно курил мало — пять папирос в день и никак не больше.

Он вышел в переднюю и оттуда сказал маме:

— В цех ухожу, Маруся.

— Ты же взял на сегодня отгульный день.

— Всё равно надо к печам наведаться. А ты в уличном комитете долго будешь?

— Ох, долго, наверно... Сегодня у нас вопрос о летнем пионерском лагере.

— Ладно... Всё ж таки ты не забудь, что у нас в воскресенье народ будет. Имеешь в виду?

— Ты не беспокойся... Устрою пир на весь мир ради новоселья.

— Да не скупись, не скупись, хозяюшка, на горючее,— шутливо посоветовал дядя Тихон.— Новому дому плыть полагается, а по сухому не поплывёшь. Понятно?

— Пошли, пошли, Тихон! — деловито проговорил отец.

Старшие ушли, а домовничать остался я, и, конечно, забравшись в свою комнату, стал разбирать, раскладывать и пристраивать к месту мои немудрёные пожитки. Тихо, очень тихо было в доме, и тем громче показался гудок автомашины на дворе. Что такое? Я выскочил из дому и увидел машину, нагружённую мебелью. Здесь был шифоньер с зеркалом, блестящие никелированные кровати, в кабине водителя стоймя были прислонены два полосатых пружинных матраца, на боку лежал круглый стол, как желтая луна, выглядывавшая из-за борта машины.

— Открой-ка дверь пошире,— приказал мне отец.— Ну, Митя, давай!..

Для таких двух силачей, как мой отец и шофёр заводоуправления Митя Косых, привезённые вещи не тяжелее пушинок. А я, переполошенный этим событием, вносил в дом стулья, замечательные стулья с высокими спинками и матерчатой обивкой, стараясь не задеть за двери, так как боялся оцарапать и стулья и наш новый дом.

— Давай, давай, Митроха! — сказал отец, забираясь в шофёрскую кабину.— Тихон, должно быть, уже ждёт. А ты, Сеня, сиди дома.

— Куда ты, папа? — спросил я.

— Дырки в рублях делать! — ответил Митя Косых.

Ошеломлённый всём случившимся, я побрёл из комнаты в комнату, осматривая новые вещи, присаживаясь на стулья, окружившие стол.

Снова во дворе загудела машина. Теперь на ней было меньше вещей, но удивительные это были вещи. Отец и Митя Косых внесли в дом две широкие трубы и какой-то пёстрый свёрток. Ковры? Да, два ковра и цветастый палас... А дядя Тихон осторожно достал из мешка и водрузил посредине стола что-то необъяснимое: сверкавшее тысячами разноцветных огоньков, отбросившее на стол и потолок крохотные радужные зайчики.

— Что это, папа? — спросил я.

— Хрустальная лоханка,— сказал дядя Тихон, как будто сердито, но в то же время любуясь сверкающим чудом.

— Хрустальная ваза,— поправил его отец.

— Когда ковры положим? Сейчас или как? — осведомился шофёр Митя.

— К приходу хозяйки всё сделаем,— решил отец.— Давай, Тихон!.. Ты, Семён, знаешь, где лежат гвозди. Принеси-ка!

Постелили ковёр в столовой, закрыли паласом стену над новенькой кушеткой, ковёр поменьше украсил спальню родителей, кроме того, в спальню внесли две тумбочки и столик с зеркалом на три части, а в моей комнатёнке поставили крашеную железную кровать с сеткой и тюфячком...

Шофёр увёл машину в гараж, до которого было недалеко, и вернулся. Старшие перенесли нашу старую, уже ненужную обстановку в сарай и забрались на кухню, а я всё ходил по дому, не узнавая его и восторгаясь. Комнаты стали как-то мень-

ше, но были теперь такими нарядными, уютными, что я сам себе казался гостем, пришедшим сюда на часок,— только уходить не надо было.

Когда я заглянул на кухню, старшие уже сидели за столом; посредине стола блестела бутылка водки.

— Ну, желаю тебе, обер-мастер! — сказал шофёр, все чокнулись стопками, молча выпили, сморщились и закусили зелёным луком, макая его в соль, насыпанную горкой на блюдце.

— Видел чудову голову, репу с глазами? — спросил у шофёра дядя Тихон.— Все деньги на машину прикапливал, хотел весь посёлок удивить, а сейчас — шварк! — сберкнижку из левого рукава на ветер пустил, хрусталей, ковров накупил. Можешь ты в этом видеть явление разума, скажи?

— Очень просто,— ответил Митя Косых.—Уважаю культуру.

— Культура? А что за польза в этой культуре? Какой доход, спрашиваю? Блажь и только...

— А тебе только бы доход,— усмехнулся отец.— Много ли ты доходов имеешь от своего художества на Игрушной улице? Не платят ведь тебе...

Шофёр Митя Косых прервал их; подняв налитую стопочку на уровень глаз, он заговорил, и грусть разлилась по его широкому, рябоватому лицу:

— Эх, стопочка милая, до чего ж ты тонка, а перешибёшь любого мужика, до чего же ты мала, а весь мир взяла. Эх, водочка горькая! Ты в горло, а добро из кармана. Выпьешь — запоёшь, проспишься — заплачешь. Да если бы наш заводской народ пореже стопочку в руках держал, так мы бы все на коврах барились. Ты, обер-мастер, мужик трезвый: на машину копил, а ковров накупил, однако ты и в своей машине рано-поздно поедешь. А где мои ковры? Вот в этой бутылочке растреклятой сложены!

— Умные речи приятно слышать,— сказал отец.

— Однако коли налито, так пей,— напомнил дядя Тихон.

— Это так!..— шофёр понёс свою стопку чокаться и пожелал отцу: — Ну, возить к вам — не перевозить, таскать — не перетаскать. На добром новоселье на лёгком веселье. Желаю,

чтоб и вам хватало, и Жучке под крылечком, и Ваське на печке, и мышке в подполье.

— Новожиловы! — стукнул кулаком по столу дядя.— Новожиловы народ такой: для своего нрава последнюю копейку винтом в землю загонят. Однако к чему же хрустали?

— Ну, ну! — попридержал его отец.— Не на пустое потрачено.

— Услужаешь интеллигентке своей, учительше! — обвинил его дядя Тихон.— В ней вся загвоздка.

— А хотя бы! — принял его вызов отец.— Желаю, чтобы она за Новожиловым пожила по-людски. Что имеешь возразить?

— Уважаю! — поддержал его шофёр.— Мария Савельевна вполне заслужила. Это так!

И дядя Тихон не возразил.

В семье

Когда мы остались одни с отцом в затихшем доме, я почувствовал, что отец томится, что он задним числом испугался своего мотовства и поэтому стал меньше и сутулее. Вообще я заметил, что смелость делает человека больше, чем он есть, а испуг убавляет ему роста. Стараясь не встретиться со мной взглядом, отец всё ходил и ходил из комнаты в комнату, заложив руки за спину, искоса поглядывая на обновки и думая о своём поступке: копил-копил деньги, и вот всё насмарку. Морщинки — твёрдые морщинки на его лице, запечённые мартеновским жаром,— как бы углубились и стали ещё резче. Очень хотелось мне сказать ему: «Скоро мама придёт, обрадуется» — но я не решился нарушить молчание.

— Та-ак! — вдруг произнёс отец, остановившись в столовой перед буфетом, пожал своими круглыми тяжёлыми плечами и, недоумевая, добавил: — Эка чертовщина!

Стукнула дверь, послышался голос мамы:

— Кто дома?

Мы с отцом вышли в переднюю и стали рядом. Показав глазами на разбухшую сумку, мать виновато сказала:

— Обер-мастер, ты будешь меня так ругать, так ругать...

Я купила две бутылки шампанского... Полусухого... Продавец говорит, что оно очень вкусное, приятное... Для твоих сталеваров оно вряд ли подойдёт... Я главным образом для подружек-учительниц, на новоселье. Ну, выругай меня...

— Чего там...— усмехнулся отец.— В старом доме не спорили и в новом не надо.

— Конечно, не надо! — обрадовалась мама, унесла сумку в кухню, тотчас же вернулась в переднюю, посмотрела на отца, на меня и удивилась: — Что это вы стоите, как столбики!

По выражению наших лиц, по нашим улыбкам, она поняла, что случилось нечто важное, сдвинула брови и вдруг втянула воздух.

— Что это так сильно пахнет лаком?.. Ну да, лаком...

И пошла в столовую.

Мы услышали восклицание, закончившееся глубоким вздохом:

— Обер-мастер, боже мой!

Мама обошла столовую, потопталась на ковре, щелкнула по краешку вазы, провела рукой по паласу, поднялась в мезонин и снова сбежала вниз по лестнице; и на её лице светилась та улыбка, которая, казалось, создавала мир заново. И впервые я увидел и понял, как неоспоримое, что моя мама очень молоденькая, почти девочка: худенькая и стройная... Её радость смотрела из широко открытых глаз и разгоралась всё ярче.

— Что же ты не спросишь, сколько за всё плачено? — спросил отец, который снова вырос, стал по-обычному большой.

Мама сказала, взяв его за руки:

— Зачем мне это знать?

— Как зачем? Вся твоя зарплата на сберкнижку шла... На машину... А теперь?

Неожиданно наклонившись, мама поцеловала его руку — твёрдую и тёмную руку с беловатыми шрамами от ожогов.

— Ты что! — отец густо покраснел и бросил на меня сконфуженный взгляд.

— Знаешь, сколько всё это стоит? — Это стоит столько... Нет, это стоит в миллион раз дороже денег,— горячо и тихо проговорила мать.— Это твоя любовь ко мне... Ко всем нам...— Поспешно закончила она.

— Да ты спроси хоть, сколько на сберкнижке осталось?

— На новоселье хватит?

— Ясное дело...

— Ну и чудесно! А как хорошо ты выбрал ковры. И вазу. Именно такую, о какой я мечтала. Как громадный алмаз...

— Тихона хвали. Он соображал на свой вкус.

Ужинали мы в столовой, возле хрустальной вазы, пощелкивая по ней и вслушиваясь в ее чистый и долгий звон. Скромным был наш ужин. В его меню значилось лишь одно блюдо: жареный картофель. Но когда мы сели за стол, мама молча поставила возле каждого из нас стакан.

— Не шевелитесь! — сказала она, ушла на кухню, через минуту там что-то звонко хлопнуло, мама вбежала в столовую испуганная, зажимая горлышко большой черной бутыли ладонью, и затем в стакан отца полилось белое, кипящее, блестящее... Это была пена, и казалось, что в бутылке только пена. Но под блестящей шумной пеной появилась прозрачная, золотая влага.

Это было впервые увиденное мною шампанское. Восхищённо вглядывался я в живое прозрачное золото, в котором бесконечно рождались серебряные пузырьки, бежавшие вверх один за другим, как бусинки ожерелья, как искорки.

Мама налила мне четверть стакана, налила себе и приказала:

— Каждый пьёт за здоровье всех! — и шепнула, глядя на отца и меня: — Любимые мои... Будьте здоровы!

Как-то очень уж быстро я выпил всё, что было в стакане,

вылил на язык последнюю каплю, и живое золото растеклось по моим жилам, мягко согрело грудь, а потом вдруг обожгло щёки.

Отец медленно выпил стакан, поставил его на стол и качнул головой:

— Что ж, хорошо...— признал он.— Весёлое будто вино.

Долго сидели мы в тот вечер за столом, и настроение у нас было такое, когда человеку кажется, что всё задуманное возможно и стоит лишь сделать один шаг, чтобы достигнуть желанного. Мама снова рассказала о своих мечтах, я подсказывал ей упущенное, а отец, опершись локтями о стол и подперев голову кулаками, слушал, улыбался и одобрял.

— А ты поступишь на вечернее отделение института... Ведь ты убедился, что у тебя есть способности, что ты можешь учиться... Ты должен стать инженером! Должен и можешь...

— Могу,— согласился отец, как соглашаются с мечтами ребёнка.

— И мы будем, будем счастливы! — сказала мама.— Все будем счастливые.— Ее губы вздрогнули, когда она закончила: — Дети мои дорогие!

— Всё можем! — воскликнул я с запалом, чувствуя необычный прилив сил.

— Спать иди! — сказал отец.

Так началась наша жизнь в новом доме; она началась мечтой о счастье, до которого всегда, всегда дальше, чем думается.

Сенькина школа

Д. Бор-Раменский *Рисунки Ю. Лихачёва*

Грязная сапожная мастерская находилась в таком низком подвале, что мастер Ганька, который задевал потолок головой, называл её гробом. В ней сильно пахло затхлой сыростью, застарелым дымом, политурой, промозглым клейстером и помоями. В углах и на прогнившем полу всегда валялись окурки, кожаная обрезь и всякий мусор. Перед маленьким пыльным окном, затянутым паутиной, стоял в полумраке низенький верстак. На его исколоченных досках, замазанных сапожной грязью и сажей, были рассыпаны гвозди, разбросаны ножи, клещи, молотки, валялись колодки. В этой промозглой яме, среди застывшего беспорядка стоял, озирающийся, как пойманный зверёк, Сенька. Волосы его в беспорядке торчали в разные стороны, по лицу от пота и слёз протянулись грязные полосы.

Мальчик обозлённо глядел на низкий потолок, откуда доносилась из хозяйского этажа пьяная ругань, грохот падающих стульев и что-то тяжёлое громыхало с таким звоном и треском, что в мастерской затряслась висячая лампушка. Сенька сбросил с худеньких плеч рваный фартук, натянул застиранную ситцевую рубашонку, схватил ремешок и, хлопнув расхлябанной дверью, выбежал на двор. Утреннее солнышко так его обдало светом, что он, зажмурившись, пошатнулся.

Ух, как хорошо!.. Вот так праздник! Сарапул, освещённый солнцем, точно помолодел. По Старцевой горе в маленьких домишках светились окна. Кама вышла из берегов и, заливая южную окраину, играла золотистыми бликами. Над городом гудел колокольный звон.

Вырвавшийся на волю Сенька, хлопая опорками, перемахнул огородами через крутые берега Юрманки, выбежал на Зелёную улицу, осторожно просунул в кособокую калитку свою лохматую голову. Там, у крылечка, понуро сидел окружённый курами такой же мальчик.

— Коська, ты чего нос-то повесил или выволочку получил для праздника? — полушёпотом прохрипел Сенька, сверкнув озорными глазами на своего дружка.

— Дядя Ваня велел, чтобы сегодня не бегать по улицам...

— А нам плевать на улицы! Мы на Каму сиганём! Сам-то Ваня, небось, с утра—шляпу набекрень, а нам в конуре сидеть? Хозяин-то где?

— Он с хозяйкой в церковь ушёл. Ермилко к отцу в деревню убежал. Дома одна старуха...

— Ну и пусть она, старая злыдня, караулит... Ермилке — хорошо: дома — корова, мать шаньгами накормит, рубаху выстирает, а нам с тобой некуда... Айда на Каму!

Ребята выбежали на Соборную площадь, пахнувшую навозом, заставленную крестьянскими телегами, торговыми палатками, в которых продавались рыбные пироги, баранки, огромные подрумяненные караваи хлеба.

Коська засмотрелся жадными глазами, но Сенька, сплюнув, сердито дёрнул его за руку.

— Айда, чего тут шары пучить: и без того есть хочется! Вон

какие сидят толстопузые, поглядывают, чтобы хлеба кусок не стащили... Эх, хоть бы одна копейка была...

На паперти стояла густая толпа нищих. Степенные домохозяйки подавали им из белых узелков домашние ватрушки, пирожки, куски белого хлеба, но ребятам стыдно было протянуть

руку. Сенька, чувствуя голод, хмуро остановился, но Костя толкнул его:

— Дядя Ваня говорит — кто просит милостыню, тот не уважает себя и не может бороться за свободу.

Ребята свернули за угол церковной ограды и увидели на растрепанной телеге старушку, с караваем в руках. То ли она заметила голодный взгляд или просто для праздника захотелось приласкать взъерошенных мальчишек.

— Што вы, милушки, какие чумазые? — спросила она.— Или матерей-то нету?

— У сапожников в ученье, потому и грязные. Вот пошли на Каму мыться.

— Мыться-то мыться, да ведь от худобы не отмоешься! Поди-ка ещё не ели сегодня? — она отломила половину каравая и протянула ребятам.— Нате-ка, поешьте свежего пшеничника!.. Ну, чего стали, идите ближе!

Коська толкнул Сеньку, Сенька, потупившись, сказал:

— Мы ведь, бабушка, не нищие, а рабочие.

— Ох ты, какой сверчок!.. Не нищие! Вот поешьте — силу почувствуете и праздник будет веселее. Я раньше, в ваши годы, сама в няньках жила, так знаю, каково хозяйский кусок выглядывать, чтобы бросили тебе, как собаке. Вон они, хозяюшки, в церковь-то идут — смиренные да ласковые, а дома за крошку хлеба рычат. Вот у них бог-от какой!

Ребята, уминая мягкий хлеб, сидели на берегу и смотрели, как полная Кама несла по широкому плёсу подхваченный мусор, коряги, брёвна. Они с удовольствием помылись, пригладили вихры и, чем дальше уходили от душных мастерских и драчливых хозяев, тем становились беззаботнее и веселее.

На Богоявленской улице они видели, как, цокая копытами, промчалась куда-то группа конной полиции и жандармов. Коська посмотрел вслед и тихонько сказал:

— Знаешь, Сенька, я вчера маленько подслушал, как дядя Ваня шептались с вашим Ганькой во дворе, что будто сегодня все сарапульские рабочие соберутся на маёвку в Шаровском лесу.

— Так чего же ты молчал?!. Сколько времени зря провели! Айда скорее!..

— Маленьких-то ведь не пустят...

— Не болтай!.. Мы найдём Ганьку, и с ним везде пропустят. Он вон какой напористый!.. Мы с ним вчера всю ночь работали, а хозяин злится, что сапоги к сдаче не поспевают. Наберёт, жадный чёрт, а нас гнёт! Под утро я и сам не заметил, как задремал. А хозяин со всего маху как полоснёт меня ремнём по спине, так я едва дух перевёл! Ганька и говорит хозяину: «Первый май подходит, а ты бьёшь ученика»... Хозяин — на него: «Молчи, бунтовщик!.. Тебя давно надо в полицию отправить!»

Ганька вскочил: «Давай расчёт, кровосос!..» Тут у них и пошла катавасия! Ганька ведь не больно тужит: мастер первой руки. Его хоть кто на работу возьмёт. Вытеребил расчёт, взял свою зелёную тросточку и ушёл совсем. Хозяин ругался, грозился, куда-то бегал и напился в стельку. Теперь дня три подряд будет дурить! А мне жалко, что ли!.. Взял да и убежал!..

В лесу было прохладно, щебетали птицы, пахло смолистой хвоёй. Ребята рыскали по всем тропинкам, но никаких маёвщиков не находили. И вдруг между елями заметили они человека в шляпе, в манишке с чёрным галстуком. Он закинул одну руку с тросточкой назад, другой держал пригнутую ветку и, вытягиваясь, смотрел в заросли.

— Коська, это же шпиён? — насторожившись, прошептал Сенька.

— Ври больше! У шпиёна бывает воротник поднят. Это просто приказчик на свиданье пришёл.

— Я тебе говорю — шпика!.. Видишь, озирается и туда глядит. Наверно, там маёвщики!

Пригибаясь к земле, ребята нырнули под развесистые пихты и поползли в ту сторону, куда глядел человек. Вскоре где-то впереди прокуковала кукушка. Дальше отозвалась другая, и над оврагом затрещала сорока.

Не обращая внимания на эту перекличку, ребята уже подползали к оврагу, как вдруг перед ними выросла среди пихтарника фигура рабочего.

— А ну, стрижи, вертай обратно! — строго сказал он.

— Нам надо...— взъерошился было Сенька.

— Ничего вам не надо! Сверкай пятками, пока прутом не огрел. Я — лесник, лес берегу. Ещё запалите, озорники!

— Дяденька, нам Ганьку-сапожника надо! — возбуждённо взмолился Костя.— А то, может, Ваню Азиатцева знаешь?

— Крути, крути назад!.. Ни Ганьку, ни Ваньку не знаю!

— Да слушай ты! — даже взъелся Сенька.— Мы в лесу, вон там, шпиёна видели, а в городе конные стражники гоняют...

На лёгкий свист вышел из чащи молодой парень, в чёрном пиджаке, в жилетке и красной рубахе навыпуск. Фуражка с лаковым козырьком была лихо сдвинута на ухо.

— Сведи этих к Ганьке. И сейчас же пошли ко мне Михаила Глухова. Вы, чижики, расскажите Ганьке про шпиона и конную полицию.

В низине, на большой поляне, окружённой густым ельником, пестрела многолюдная толпа рабочих. В средине, выше всех, стоял на пне человек с обнажённой головой и, взмахивая сжатой в кулаке фуражкой, говорил:

— ...Товарищи, Первое Мая — это боевой смотр революционных сил не только Сарапула, Ижевска, Воткинска, Урала и целой России, но и других стран. Это праздник труда и борьбы за жизнь, свободу, за правду. В чем же наша правда?.. Вот марксистская газета «Искра», руководимая Лениным, писала, что три четверти населения Сарапула сидят на седухах и шьют сапоги. Эти сарапульские сапоги славятся в Сибири, по всей России, были на Парижской выставке. О сарапульском способе изготовления кож знают в Швейцарии, но всю эту честь и славу вместе с золотыми барышами загребает жадная свора толстосумов Смагиных, Михеевых, Барабанщиковых, Кривцовых, Пешехоновых и многих других. Они от нашего пота и крови жиреют, жрут наш последний кусок! Но те, кто любуются сарапульскими сапогами, не знают, как работают наши чеботари полуголодные, в грязных, сырых и тёмных мастерских, в цехах с коптилками, как живут в казармах, спят на голых нарах, как душат их штрафами, бесправием, грошовыми заработками и длинным рабочим днём...

Коська отыскал в толпе знакомых сапожников. На пень было поднялся дядя Ваня, но Ганька остановил:

— Погоди немножко, Иван. Нам, товарищи, плохо, а вот таким — в сто раз хуже! — Он поднял Сеньку на пень, завернул его рубаху и показал оголённую спину. От левого плеча к правому боку, по костлявой спине, пролегла чёрная, с зеленоватым оттенком и багровыми пятнами полоса.— Вот вам тут вся парижская выставка нарисована!.. Видите — кожа да синяки, но тут ещё не записаны все пинки и зуботычины, а ведь это растёт рабочий человек!..

Иван вместо речи вдруг запел сильным басом:

Вставай, поднимайся, рабочий народ...

и высоко поднял красный флаг. Люди разом подхватили песню. Знамя поплыло над головами. Маёвщики двинулись.

— В город, товарищи, в город! — кричал Ганька.— Покажем сплочённость и силу своим врагам!..

Иди на врага люд голодный!..

хором сильных голосов отвечала густая толпа.

Сенька и Костя, крепко взявшись за руки, шли рядом и звонко подпевали:

Вперёд, впе-рёд, вперёд, вперёд, вперёд!..

Город сердито гудел колокольным звоном.

Какой-то человек, в шляпе, с чёрной бородкой, подняв руки, силился перекричать песню:

— Безумцы, остановитесь!.. В городе полиция, казаки!.. На смерть идёте!

Чем ближе подходили к окраине города, тем шире становились ряды. Примыкали реалисты, гимназисты, телеграфисты и разные мелкие чиновники. На Песьянскую площадь вылились широкой лавиной, и дружное пение заглушило звон колоколов. Купеческий Сарапул насторожился.

На площади навстречу демонстрантам бежал парень в распахнутом чёрном пиджаке, в жилете, красной рубахе и махал фуражкой с лаковым козырьком.

— Товарищи, на Ерусалимской казаки!

Центр колонны сомкнулся плотнее, песня зазвучала громче.

Из-за угла Ерусалимской улицы вылетел на площадь эскадрон казаков и стражников.

— Разойди-ись!!! — высоким голосом взвизгнул офицер в белом кителе, размахивая над головой блестящей саблей.

Ему кто-то звонко ответил:

— Сторонись, богачи: беднота гуляет!..

Лицо офицера исказилось злобой.

— Взять в нагайки подлецов, крамольников!

Вскипела людская колонна, смешалось пение. Крики и хлёсткие удары заполнили площадь.

— Коська, казаки наших бьют! Хватай кирпичину!.. Ух, пошла-а!..— крикнул Сенька и бросился в гущу. Он только на миг

видел, как Ганька, схватив трость за другой конец, отбивался от нагаек и так ударил напиравшего стражника своей тяжёлой тростью по спине, что тот изогнулся и повалился с лошади.

Костя и Сенька отбивались камнями. Они мстили за украденное детство, за тяжёлую жизнь. У Коськи мелькнуло перед глазами разгоревшееся лицо молоденькой гимназистки. На неё наезжала гнедая лошадь. Девушка, пятясь, протянула руки. Черноусый казак, накренившись в седле, так хлестнул нагайкой, что с головы девушки слетела рассечённая соломенная шляпка, по лбу потекла кровь, и девушка упала под ноги лошади и бегущих людей.

— Фараон проклятый!—крикнул Сенька и запустил обломком кирпича. Казак взвыл, схватившись руками за лицо. Сенька винтом выбрался из толпы. За ним бежал Коська с окровавленной щекой.

Площадь опустела. На земле валялись сломанные зонты, палки, шляпы, фуражки. Группу, перебегавшую через овражистый проулок, преследовали казаки.

— Эх вы, сучьи дети, победители!—дрожащим голосом сказал им вслед седой старик, выглядывая из калитки.

Дядя Ваня в чьей-то замызганной фуражке и заплатанном пиджаке маляра, опираясь на Ганькину трость, догнал ребят у Нагорной улицы и, не останавливаясь, не поворачивая головы, торопливо шепнул:

— Молодцы!.. Экзамен выдержали!.. Костя, давай бегом к нам, скажи матери, чтобы всё лишнее спрятала: может, будет обыск... Мы с отцом сегодня не придём. Если спросят, пусть скажет — в деревню уехал. Беги!

Сенька похвастался:

— А я, дядя Ваня, одного усача кирпичиной так саданул! Ну и меня кто-то по спине опоясал здорово, аж рубахой задеть нельзя.

Дядя Ваня осторожно приподнял Сенькину рубаху и ужаснулся:

— Здорово отделали тебя, парень, ну, ничего, Сенька, мы своего добьёмся: народ здорово поднялся повсюду. А ты к хозяину больше не ходи. Это он съел Ганьку. Мы ему, предателю, так припомним, что он нигде спокойного места не найдёт!

Из времён гражданской войны

И. Горбунов

Рисунки В. Бубенщикова

I.

— Д-е-д!.. Деду-у-шка-а!..— неслось по реке, и гулкое эхо перекатывалось и замирало где-то далеко, в высоких лесистых берегах.

С другого берега реки, с силой налегая на вёсла маленькой рыбацкой лодчонки, плыл старик.

Солнце садилось. Косые лучи его отражались в воде мелкими, слепящими глаза, блёстками. Высоко в небе, застыв в своём гордом полёте, плыл коршун.

Где-то на песчаной отмели тоскливо кричала чайка-плакунья.

— Де-ед!!! Деду-у-шка!!! Е-езжай ско-о-рей!..— тревожно звал детский голос.

«Что-то неладное,— думал старик, сильней взмахивая вёслами.— Пошто кличет?..»

Возле старенькой рыбацкой избёнки, прилепившейся к скалистому выступу берега, стояла девочка лет четырнадцати. Белокурые волосы выбились из-под платка, голубые глаза с нетерпением следили за приближающейся к берегу лодкой.

Вот она уже близко, слышно, как скрипят уключины и всплескивает под вёслами вода.

— На что звала, чего случилось? — вылезая из лодки, спросил дед.

— Человек там... в избе... В тальнике лежал, едва дотащила... В крови весь... мокрый... Идём скорей... Идём! — говорила девочка, задыхаясь от волнения.

У самого порога, на чисто вымытом полу избушки лежал человек в полосатой тельняшке и тихо стонал. Вся голова его была в крови.

Старик опустился на колени, осторожно поднял голову раненого, под которую девочка быстро подсунула маленькую подушку.

Человек открыл глаза, испуганно посмотрел на деда и тихо проговорил:

— Не выдавай!.. Не выдавай, отец...

— Э-эх, горе-то какое. Куда ж я дену-то тебя... Куда?.. Ша-

рятся проклятые, везде нос суют... Комиссара какого-то партизанского ищут... Не тебя ли?

— Меня...— слабеющим голосом проговорил раненый, закрывая глаза.

— Ну и задачу ты мне задал,— подымаясь и почёсывая седую голову, протянул дед. Он долго стоял в раздумье, а потом, оживившись, подозвал внучку.

— Беги, Наташка... на берег беги... Смотри в оба... Ежели заметишь что, упреди.

Девочка выбежала из избушки.

Старик вытащил из-под кровати небольшой сундучок, достал из него чистые тряпки и пузырёк с густой коричневой жидкостью и, налив из ведра в глиняную чашку воды, принялся осторожно промывать разбитую голову раненого. Тот тихо стонал.

Долго возился старик. Потом он перенёс комиссара на постель, переменив на нём измокшую окровавленную одежду на сухую, свою. Раненый перестал стонать. Он спал.

Тихий летний вечер ласково обнимал землю. Густая синева неба становилась всё темней. Ночной мрак незаметно растворял контуры кустов, деревьев, берега.

В избушку вернулась Наташа.

— Ну што? — шёпотом спросил дед. Он сидел у стола, завязывая в узелок варёную картошку, хлеб и несколько сухих рыб.

— Никого нет, деда. Только в Заречье, на том берегу, пели, а потом стрелял кто-то,— также шёпотом ответила Наташа.

— Ладно. Пожуй вот картошки и спать ложись на печь.

— А ты куда?

— Ешь, ешь давай и спи... я лягу... лягу...

Когда Наташа уснула, дед разбудил своего гостя.

— Что?!. Что такое?..— испуганно спросил тот, но тихий голос старика успокоил его.

— Ничего, родной... ничего... В укромное местечко тебя свезти хочу. Спокоен там будешь... Ни одна душа про него не знает.

Раненый хотел было подняться, но силы изменили ему, и он со стоном опустился на постель.

— А здорово они тебя изувечили, ой, и здорово.

— Выхода не было, кабы не я... так они бы десяток партизан наших расстреляли. Я ихних на обмен повёл, что у нас в плену были... полковник Сардобельский по-честному обещал обменяться... А вот разменялись когда, наши ушли, они меня и схватили. Расстрелять хотели, дорогой вот утёк от них... С тремя бился... винтовкой по голове ударили, думали, зашибли... а я очухался, да в воду... часа три плыл, из сил выбился... едва вот до кустов добрался... Лежал там, а тут твоя девочка.

— Они не силой честной, а обманом только и держатся...— и дед крепко выругался,— ну, сынок, давай собираться. Ночь-то сейчас недолгá... Час, другой и светать зачнёт. Вот валенки. Тулупишко... Теплее будет тебе. Ночами прохладно. Шубёнку на запас прихватим,— говорил дед, одевая раненого.

Закончив сборы, он вышел за дверь, осмотрелся и, убедившись, что всё спокойно, снова вернулся в избушку.

— Ну, пошли. Теперь в самый раз,— и он повёл раненого к двери.

— Э-эх, и слабоват же ты, милок. Ну, да это — ничего... Поправишься... На молодом теле рана быстро заживает. А сила она такая, коль молод, кровинка есть малость, сила-то — она и придёт,— успокаивал дед, ведя раненого к лодке.

Ночная прохлада бодряще действовала на моряка. Он старался дышать полной грудью,— боль в голове утихала, но в теле свинцовой тяжестью разливалась слабость. Раненый шёл, наваливаясь всей тяжестью тела на деда.

Где-то далеко на востоке чуть-чуть начинала алеть розовая полоска утренней зари. В прибрежных кустах просыпались птицы, их голоса, звонкие и свежие, разрывали предутреннюю тишину. На том берегу, в лугах, нудно скрипел коростель.

Дойдя до лодки, старик уложил раненого на дно, прикрыл сверху сетями. Сбегал снова в избушку, захватил приготовленный «провиант» и, сев в лодку, быстро оттолкнулся от берега.

Старик грёб медленно, течение само несло лодку, и скоро невдалеке стал вырисовываться силуэт наносного островка, поросшего густыми кустами ивняка.

Наконец лодка, ткнувшись о мель, стала.

— Ну вот и приехали.

Старик помог раненому подняться и, взвалив его себе на спину, понёс через воду в кусты.

Там стоял маленький шалаш деда, крытый берёстой.

— Вот и живи здесь пока, поправляйся, а там видно будет. Съедобу через день-два возить буду. Вода в шалаше в ведёрке... ковшичек там же... Вот только насчёт курева не обессудь: не курю я... Коли достану — привезу. Тулупишко-то не скидывай с себя... сыро — и дед заботливо укутал раненого.— Ну, счастливо!.. А насчёт того, чтоб выдать тебя, спокоен будь... не сумлевайся, не из болтливых я... У самого сын где-то у красных сражается.

Раненый пожал шершавую руку деда.

— Спасибо тебе, отец... спасибо.

— Не за что, милок, не за что благодарить. Ну, поправляйся!.. Мне уже пора... светает.— И дед скрылся в кустах.

Над рекой подымался густой молочно-белый туман. Наступало раннее летнее утро.

II

Только успел дед вернуться в свою избушку, как к берегу пристала серая моторка, оглашая воздух тупым однообразным туканьем мотора. На берег сошло несколько солдат и офицеров.

Распахнув дверь, один из них, не входя, крикнул:

— Эй, хозяин!

— Чего изволите? — отозвался дед.

— Посторонние есть?

— Никак нет... я только вот да внучка моя.

В избушку ввалились люди. Запахло табаком, водкой, сапогами. Наташа проснулась. Она быстро соскочила с печи и испуганно прижалась к стенке.

— Не проходил ли мимо человек здесь... в матросской тельняшке? — спросил офицер.

— Не видал.

— На лодке не проплывал ли кто?

— И-и-и, какие теперь лодки, все поотбирали, на войну эту самую... Только и осталось, что у меня, да ещё у зареченского попа...— простовато улыбаясь, ответил дед.

— Странно, очень странно...— и офицер сел на лавку у стола.

— Не иначе, как утоп, вашескородие,— вытягиваясь, сказал один из солдат.

— Упустили, олухи, надейся на вас,— и офицер нервно забарабанил пальцами по столу.

— А ты, девочка, тоже не видела? — вдруг обратился он к Наташе.

— Я?

— Ну да, ты.

— И что она может видеть, ваше благородие,— торопливо заговорил дед,— дитёнок ещё, несмышлёныш... Целый день только и знает, что по лесу за ягодами бегает.

— Я не тебя спрашиваю, она сама может сказать,— сердито оборвал офицер.

— Да я что... я ничего... Я это только так... пускай сама скажет,— и дед посмотрел на жмущуюся к стенке избы Наташу.

— Я... я не видела... Я в лесу была,— скороговоркой ответила Наташа.

— Так... значит, ничего не видели? — настаивал офицер.

— Ничего...

— А почему у тебя подушка в крови? Кто лежал на постели?.. Кто?..— и офицер быстро подбежал к кровати.

— А это еще вечор у меня из носа, ваше благородие... У меня это часто бывает... от жару, что ли, не знаю.

Лицо офицера покрылось красными пятнами. Он шарил глазами по избушке и вдруг его взгляд упал на брошенную под стол окровавленную матросскую тельняшку, забытую дедом.

— А это у тебя откуда? Где взял? — дико закричал офицер, размахивая тельняшкой перед лицом старика.

— Это... это... это я на берегу нашёл... Чья она, не знаю. Ну и принёс сюда... в избу, думаю, постираю, пригодится вещь,— заикаясь от волнения, заговорил дед, не глядя на разъярённого офицера.

— Врешь!.. Куда запрятал матроса?

— Говорю, нашёл я её... на берегу.

— А ну, ребята!

И двое солдат бросились на деда. Они сшибли его с ног ударами кулаков. Били по лицу, голове, пинали ногами.

Дед только глухо стонал.

— Ну что?.. Скажешь? — допытывался офицер, стоя над избитым стариком.

— Ничего я не знаю... ничего...— отплёвывая кровавую слюну, тихо ответил дед.

— А ну, подбавьте ему!

И снова удары посыпались на деда.

Наташа не выдержала. Она бросилась к офицеру и, отталкивая его от деда, закричала:

— Не смей бить!.. Не смей!.. Я.. я всё... всё скажу!

— Наташка! — глухо простонал дед.

— Убрать его! Говори, девочка, говори, не бойся!

Деда оттащили в угол избушки и бросили на старые сети.

— Я видела... вчера... какой-то человек вот в этой рубахе сидел на берегу... А потом... потом он скинул её и поплыл на тот берег... В Заречье... Я не сказала деду... Он вернулся поздно... Я спала... Он не видел! — выкрикивала сквозь слезы Наташа.

— А он... старик, где был?

— Дедо?.. Дедо морды ставил.

— А ты не врёшь?

— Нет... не вру... право слово, не вру!

Офицер, подойдя вплотную к солдатам, закричал на них.

— Слышали? Ушёл!.. В Заречье ушёл! Там его спрячут... Там этих большевиков в каждой избе понатыкано. Негодяи — трое с одним не могли справиться! — и офицер, плюнув, выскочил из избушки, за ним вышли и солдаты.

Моторка отошла от берега и вскоре за поворотом реки затихло нудное туканье мотора.

Дед лежал, закрыв глаза, и тяжело дышал.

— Дедо, а дедо, тяжело тебе... тяжело?.. Больно?..— и Наташа, плача, прижала к себе голову деда.

— Ничего, Наташенька... Ничего... Видела, какие они есть?.. Видела?.. А ты у меня — молодец, крепкая...

III

Вторую неделю дед лежал в постели. Наташе одной приходилось управляться с хозяйством: ставить на реке морды для ловли рыбы, снимать их, таскать из леса сучья, варить обед и через день-два, как обещал дед, навещать раненого на островке.

Накопав в огороде молодого картофеля и сварив его, она ездила по ночам на островок.

Между раненым и Наташей завязывалась дружба.

Девочка рассказывала ему все новости, какие знала. Раненый засыпал её вопросами, а иногда даже и давал кое-какие поручения: узнать, далеко ли фронт, какие части белых проходят мимо.

Под видом покупки молока для больного деда Наташа, переехав реку, пробиралась и в Заречье, занятое карательным отрядом белых. Всё, что видела там, рассказывала своему новому другу.

В одну из ночей у деда кто-то угнал лодку. Но Наташа не растерялась: она отходила подальше от избушки, привязывала себе на спину «провиант» и вплавь добиралась до островка.

Раненый поправлялся. Его лицо обрастало густой бородой. Он уже начинал немного ходить. Девочка была его единственной связью с миром, его «газетой», собеседником, посыльным, разведчиком.

— Белые-то бегут... Жмут их. Вчера солдаты меж собой баяли, будто Пермь уже сдали, а не сегодня-завтра Сарапул сдадут. А здесь близко... всего тридцать пять вёрст.

— Да что ты?!!

— Ей-богу!

— Ну, Наташа, прогоним вот беляков со всей России, власть закрепим и будет жизнь у нас — малина.

— Малина, скажешь тоже!

— По-другому всё пойдёт. Бедные на первом месте будут. Дед твой отдыхать станет, а ты... Ты учиться! Нам учёных людей много надо будет.

— Как бы не так, станет дед отдыхать. Вон он какой... не усидит. Опять бакены ставить станет. Вот только лодки теперь нет.

— Лодка будет. Твоему деду лодку смастерят.

— Кто же это?

— Советская власть, да ещё такую, что только ахнет — не лодка, а бот настоящий!

— Наскажешь ты, слушай тебя... Ну, мне пора. Дед наказывал — осторожней будь, на пески не ходи, заметят. Народу теперь разного много шатается.

И Наташа опять вплавь возвращалась домой.

— Ну, как он там? — спрашивал дед.

— Живёхонек. Жизнь, говорит, скоро замечательная будет... Ты отдыхать станешь, а я... я учиться! Лодку тебе такую смастерят, что только ахнешь. Бот целый!

Ночью с низов прошли с потушенными огнями пароходы белых, буксируя гружённые награбленным добром баржи.

Наутро по берегу проходили остатки разбитых белогвардейских частей, ломая на своём пути всё, что только представляло какую-либо ценность.

Поздно вечером около избушки деда стал на якорь небольшой буксирный пароход. На мачте по ветру развивался красный флаг.

— Деда, красные! — крикнула Наташа.

— Погодь, узнать надо... всяко бывает, может, обман.

Поддерживаемый Наташей, дед сошёл к самой воде.

Из приставшей к берегу лодки вышли люди, на фуражках которых были красные звезды. Они долго выспрашивали деда — когда прошли пароходы белых, сколько, какие части были последними.

Дед обстоятельно рассказывал, а потом осторожно спросил:

— А кто из вас старшо́й будет?

— Я старшо́й,— отозвался высокий человек в кожаной куртке.

— Дело у меня к тебе есть.

— Что за дело такое?

— Да вот оно, дело-то мое, какое — человека я храню вашего. Избили меня за него... Не выдал... Внучка вот выхаживала.

— Где он у тебя, человек-то этот?

— А вон, на том островке, в шалашике живёт... раненый

был... Теперь ничего... поправляется... Съездить бы за ним надо, да вот лодки у меня нет... угнали.

— За этим дело, дедушка, не станет.— И старшой отдал нужные распоряжения.

Раненого доставили через каких-нибудь полчаса.

— Андрей, ты? — крикнул старшой и начал обнимать раненого.— Да мы тебя мёртвым считали! По флотилии приказ даже был, что расстреляли тебя беляки.

— Рановато с приказом-то... поторопились... Спасибо вот деду с девочкой, выходили. Сами пострадали, а меня не выдали.

— Спасибо, дед, спасибо! — и он крепко поцеловал старика.

Красноармейцы обступили бакенщика, и каждый старался пожать его руку. По щекам деда текли слёзы радости.

— Спасал ты, кормил, сам пострадал, а вот имени твоего не знаю.

— К чему имя... имя тут необязательно... бакенщик я...— Трофим Николаевич Баринов... да вот только не люблю я фамилию-то свою, потому как ничего во мне барского нет... природный бурлак я. А по округе зовут меня просто — Бахорыч — прозвище это моё. Зови и ты так.

Пароход простоял у берега до утра, а утром, дав три громких гудка, ушёл вверх по реке.

Долго дед с Наташей смотрели вслед ему.

У берега, покачиваясь на волнах, стояла новенькая однопарная лодка.

РУССКАЯ ПАРТИЯ

А. Исетский *Рисунки В. Васильева*

Вовка сидел у чердачного окна и наблюдал за тем, что происходит в посёлке. Он нервно перекусывал жёсткие золотистые соломинки и резко отбрасывал их.

— У, подлые! Радуетесь... дорвались. Ну, тащите, обжирайтесь, чтоб вас прорвало! Всё равно вам не покоримся! Ни за что!

По улицам посёлка рыскала гитлеровская солдатня. На дороге стояли тёмнозелёные транспортёры и грузовики, накрытые пёстрыми маскировочными брезентами. Захватчики тащили из дворов к машинам трепыхавшихся кур и гусей, визжащих поросят, посудины с маслом и яйцами, узлы одежды. Порой во дворах раздавался плач или надрывный крик, после чего сухо хлопало несколько выстрелов.

Гитлеровцы весело переговаривались, хохотали, горланили песни.

Простояв в посёлке около получаса, транспортёры и машины умчались на восток, откуда глухо слышалась канонада.

Боя за Кондраковку не было. Новый оборонительный рубеж был подготовлен в восьми километрах от посёлка по берегу речки Ужовки, и советские войска отошли ночью.

До отхода войск Вовка ходил на Ужовку вместе с поселковыми комсомольцами. По указаниям сапёров они рыли окопы, ходы сообщения, ставили дзоты. Ещё в те тревожные дни Вовка подал Ефиму Щепету заявление о своём горячем желании вступить в ряды комсомола. Он так и писал:

«...Перед фашистской угрозой я, советский пионер из Кондраковской дружины, всем сердцем прошу принять меня в комсомол. Хочу в его рядах защищать мою любимую Родину от ненавистных захватчиков...»

На берегу Ужовки, в новом, только что отстроенном молодёжью дзоте, на заседании комсомольского комитета Вовку приняли в члены славного ленинского комсомола. Тогда же для себя он решил: если в родные края придут враги — уйти в партизанский отряд.

Несколько дней тому назад секретарь организации Ефим Щепет сказал:

— Наш комитет получил указание... Часть ребят уйдёт в партизанский отряд, часть останется в посёлке. Некоторым разрешено эвакуироваться.

Обида пламенем охватила Вовку. Ему почему-то показалось, что Ефим сказал это «некоторым» с каким-то особым ударением.

— Я в тыл не поеду! — сверкнул он на Ефима решительным взглядом.

Щепет улыбнулся.

— Не торопись решать. Ты член организации и должен подчиняться дисциплине. Кстати, мы и не предлагаем тебе эвакуироваться. Ты останешься здесь и будешь выполнять поручения партизанского отряда.

Вовка нахмурился: ведь ему мерещились уже автомат, гранаты, взрывчатка, глухой таинственный лес.

Щепет посуровел:

— Зачем ты вступил в комсомол? Ты сказал, что отдаёшь всего себя Родине. Так почему теперь ставишь свои условия?

Вовка молчал, и Ефим, более мягко глядя на него, стал говорить, как он должен вести себя при немцах.

— То, что узнаешь, будешь передавать штабу партизанского отряда через человека, который сам тебя найдёт и скажет

«Лес шумит». Что бы ни случилось — ты не комсомолец, комсомольцев и партийцев не знаешь. Прощай. Не вешай головы. Ты нужен Родине тут.

И вот Вовка сидит на чердаке и наблюдает за улицей. Переносье его перечёркнуто глубокой морщинкой, в глазах ненависть. Сидит и перекусывает соломинки.

А на улице уже снуют легковые машины, некоторые въезжают во дворы. Из автобусов расходятся по домам офицеры, за которыми денщики тащат тяжёлые чемоданы и ящики.

«Эти, наверное, на постой»,— думает Володя.

Эсэсовский отряд и впрямь располагался в посёлке, видимо, не на одну ночёвку. Над зданием поселкового Совета затрепыхался флаг со свастикой, которая при колебании извивалась, как какая-то чёрная многоголовая гадина. Над крыльцом появилась вывеска: «Комендант», и из новоявленной комендатуры по улицам побежали фрицы в мышатых френчах, расклеивая на заборах и столбах «приказы».

Населению приказывалось немедленно сдать оружие, в течение суток сообщить комендатуре о скрывающихся большевиках и комсомольцах, советских работниках; запрещалось, кажется, кроме дыхания, всё: брать воду из колодцев, останавливаться и заглядывать в окна домов, где живут эсэсовцы, появляться на улице без неотложного дела, выходить и входить в посёлок без пропуска, держать без разрешения скот и птицу, петь русские песни, закрывать ворота и двери...

Уже смеркалось, и Вовка спустился с чердака. Вдруг калитка с шумом распахнулась, и два гитлеровца вошли в дом. Окно сейчас же осветилось колеблющимся светом, и мальчик прильнул к нему, следя за фашистами, которые, освещая комнату электрическим фонариком, кричали, вызывая хозяев.

Из задней комнаты вышла бабушка Глаша и, ослеплённая ярким лучом, закрыла глаза рукой. Фрицы прошли мимо неё в двери. Вышли они из комнаты, неся в руках клетчатый шахматный ящичек.

Это были Вовкины шахматы — первый приз областного пионерского шахматного чемпионата прошлого года. На ящике, на серебряной пластинке, было выгравировано: «Лучшему шахматисту — пионеру Володе Кравцову. Первый приз».

Фигурки были искусно выточены из слоновой кости, приятно тяжеловаты, а сама доска — ящичек с инкрустациями из той же кости и чёрного дерева, с красивой золотистой рамкой.

И тут Вовка сделал неосторожный шаг. Он вихрем ворвался в комнату и вырвал ящичек из рук эсэсовца.

Дальше всё произошло очень быстро. Гитлеровцы даже не ударили Вовку. Они просто заломили ему назад руки и связали их верёвкой с длинными концами. Так, за верёвку, они вывели Вовку на улицу и направились к комендатуре. В комнате остались онемевшие от страха старики.

«В первый же день... В первый же день так глупо попасться...— в отчаянии думал Вовка.— В партизанском штабе будут надеяться, что комсомолец Кравцов считает орудия, танки, живую силу врага, выведывает вражеские военные тайны, следит за предателями, а он... а его волокут на верёвке, как брехливую дворняжку, и весело хохочут. И даже пнуть этих эсэсовцев невозможно. А что будет в комендатуре?»

И Вовка, закрыв глаза, видит себя истерзанным, на окровавленном полу. «Нет, он ничего не скажет, никого не предаст».

Однако Вовку в комендатуре не стали бить и допрашивать. Ему словно даже обрадовались. Вылощенный эсэсовский офицерик с невероятно вздыбленной тульей фуражки, что должно было подчёркивать надменность духа и высоту его расы, побежал с шахматами в глубину здания.

По некоторым словам и жестам гитлеровцев Вовка стал догадываться, что он представляет интерес для комендатуры не как маленький большевик, а именно как обладатель шахмат.

Так оно и было.

Комендант Эрих Гешке считал себя непревзойдённым шахматистом. Этому способствовало то обстоятельство, что в батальоне, которым он командовал, игроки поддавались ему из угодничества и лести, чтобы заслужить его благосклонность и быстрее продвинуться в служебной карьере.

Самовлюблённый «шахматный фюрер» намерен был продемонстрировать перед русскими медведями несомненное превосходство своей расы и в этой области.

Кондраковка была первым пунктом в Советском Союзе, где банде капитана Гешке было приказано расквартироваться по-

сле долгого пути из Греции. Банда должна была обеспечить безопасность продвижения гитлеровских полчищ, их защиту от партизан. Выполнить эту задачу эсэсовскому капитану казалось делом не очень сложным. Пока его головорезы займутся распутыванием большевистских «концов», он, Гешке, потешится за шахматной доской.

Но поиски шахматистов в Кондраковке были безуспешны, и капитан впал в крайнее раздражение. Только к вечеру положение спасли двое завзятых мародёров, случайно напавших на шахматы и их обладателя.

Мальчику развязали руки и втолкнули его в кабинет коменданта.

Гешке сидел, развалясь за столом, в расстёгнутом голубом кителе, расшитом золотыми знаками офицерского различия, всевозможными фашистскими эмблемами и увешанном гитлеровскими орденами.

«Вот гадина!» — подумал Вовка, хмуро глядя на нациста.

Мальчик напряжённо соображал, как ему нужно держаться. Вспомнил инструкцию Ефима: «...быть мальчишкой, не лезть ни в какую ссору, вести себя как бы благожелательно, но при этом держать ухо востро...».

— Садись,— сказал эсэсовец по-русски.— Это твой такой чудесный игра?

Вовка утвердительно кивнул.

— Значит, ты есть Володя Кравцов? Лутший шахматист? Я не будет тебя допросить, почему ты есть пионер. Ты ещё дурак в политически вопросах. Тебе большевики набили голова разной красной дурьём. Ты будешь скоро забывать, что ты есть пионер. Сегодня я хочу смотреть — какой ты есть шахматист. Давай играть.

Гешке пододвинул к мальчику доску и сделал первый ход. Особо не раздумывая, выдвинул пешку и Вовка.

«Щепет и не представляет себе, где я сижу... А старики убиваются... Дать бы им знать, что живой... У, гадина, куда лезешь со своим ферзем...»

Вовка делал ходы машинально, и скоро нацист торжествующе выкрикнул:

— Мат! Лутшему шахматисту — мат!

Вовка ничего не ответил, соображая, как бы ему все-таки улизнуть отсюда.

Несколько раз заглядывавший в кабинет адъютант снова приоткрыл дверь и, увидев, что партия окончена, доложил коменданту, что пришёл старик и просит отдать ему «этого мальчишку».

— Но! Пошёл домой,— сказал капитан.— Завтра будешь приходить снова. Эрих Гешке покажет тебе классический игра. Но ты выбрасывай из голова красный дурьём. Пошёл!

Вовка протянул руку за шахматным ящичком, но Гешке отбросил её.

— Шахмат будут здесь.

Дед прослезился, увидев внука, и они торопливо пошли к дому. Бабушка Глаша долго целовала Вовкину голову и плакала, плакала и целовала, а он, утомлённый впечатлениями и переживаниями дня, отказался что-либо поесть и сразу уснул.

Утром он тревожно вскочил, и первая его мысль была об Ефиме: «Как сообщить ему обо всём, что произошло? Как быть дальше? Где этот человек с паролем «Лес шумит»? А если он его не встретит?»

Вовка быстро позавтракал и, несмотря на уговоры стариков, вышел на улицу...

Ефим Щепет сидел на чурбаке у шалаша и принимал разведдонесение от Василя Бочара. Бочар рассказывал:

— Часов в 11 бандиты из комендатуры стали расклеивать на столбы и заборы приказание Гешке о наборе «добровольцев» на работу в Германию. К объявлениям народ сошёлся, Вовка тоже подошёл. Я встал с ним рядом и тихо сказал пароль. Он вздрогнул, но не обернулся. Поговорили мы с ним во взорванной котельной МТС...— и Василь передал Ефиму на словах «оперативную сводку» от Кравцова и его вопрос — как ему быть — продолжать ли сеансы шахматной игры с комендантом.

Позиция Володи Кравцова в качестве шахматного партнёра коменданта Гешке оказалась очень удачной. От него начали поступать очень важные «оперсводки», и партизанский отряд

провёл ряд успешных операций по уничтожению на шоссе вражеских подкреплений, двигавшихся на восток, и по обезвреживанию предателей в окружающих сёлах. В руках партизан оказался и вылощенный бахвалистый адъютант коменданта, отважившийся с группой эсэсовцев выехать из Кондраковки, чтобы «проучить» жителей села Валюковичи за изгнание ретивого старосты.

Вскоре в штабе партизанского отряда было принято решение — подготовить операцию по уничтожению всей банды Эриха Гешке.

Затишье в действиях партизанского отряда в период этой подготовки было истолковано капитаном Гешке, как результат карательных действий его батальона. Высшему начальству он донёс, что партизаны в его районе разбиты.

* * *

Эрих Гешке находился в прекрасном расположении своего «арийского духа». Он почти не появлялся в своём кабинете. Заняв для квартиры чудесное помещение детского сада, Гешке весело проводил дни в обществе приехавшей к нему в гости из Брауншвейга огненно-рыжей невесты, с утра до вечера переодевавшейся в платья, наворованные ее возлюбленным в разных странах Европы и в самой Кондраковке.

Вовке тошно было смотреть на эту жирную, жадную «медхен» Вильгельмину, объедавшуюся кондраковскими поросятами и курами, но он должен был скрывать клокочущую в нём ненависть и даже улыбаться, когда эта разодетая и намалёванная девка спрашивала его:

— Но, красни чертонка, карош Вильгельмина? Красиво?

Комендант часто вызывал Вовку то в комендатуру, то к себе на квартиру и, как он говорил, «тренировал свой мозг для будущих шахматных побед».

Вовка скоро убедился, что Гешке бездарный игрок, и выработал свою тактику: он то «давал зевков» к удовольствию капитана, то неожиданно, когда Гешке был уверен в выигрыше, вдруг оказывал ему яростное сопротивление, строил всяческие козни, красиво снимал его, казалось бы, надёжно защищённые

фигуры. «Шахматный фюрер» начинал нервничать. Вовка ослаблял свой натиск, и капитан снова хохотал, хлопал в ладоши. Вовка стремительно нападал, прорывался в глубокий тыл противника, громил и расстраивал его ряды. Тогда Гешке свирепел, требовал у денщика подать ему вина, сопел и, когда чувствовал, что полнейшее поражение неизбежно, багровел, начинал ругаться и в конце концов кричал на Вовку:

— Пошёл! Пошёл чёртовой мать! Твой конь партизан! Такой ход дурацки! Пошёл! — и, смахнув с доски фигуры, выгонял мальчика.

В один из вечеров Вовка пришёл на очередной сеанс игры чем-то возбуждённый, и это не укрылось от капитана.

— Ты много дурашился или мой денщик давал тебе вино?

— Я не пью,— сухо ответил мальчик.— Я хочу сегодня показать господину капитану русскую партию.

Гешке закатился визгливым хохотом:

— Хи-хи-хи... Он будет показывать Эриху Гешке свой дурацки русский партий. Хи-хи-хи... Но, давай показать твой глюпый выдумок.

Володя Кравцов побледнел, морщинка перечеркнула переносье, но он сдержал себя и не отозвался на оскорбительную тираду гитлеровца.

Перед ним раскинулось шахматное поле, на котором он видел чёрную армию врага, полчища разбойников и грабителей, ворвавшихся на солнечные просторы его Родины, оскверняющих её святыни. У Владимира Кравцова они отобрали его счастливую юность, любимые книги, радостные, так легко осуществимые мечты...

Издевательская ухмылочка на выхоленном белобрысом лице эсэсовца сменяется хмурой задумчивостью, подёргиванием щеки, суетливым оглядыванием шахматного поля. А армия комсомольца Кравцова развёртывается, теснит коварного врага, на удар отвечает двойным ударом.

Заныл зуммер телефона. Не отрываясь от игры, Гешке берёт трубку и рассеянно слушает. Дежурный по комендатуре, волнуясь, докладывает капитану, что с поста у Каменных горушек поступило сообщение о подозрительном шуме, доносящем-

ся с болота. Возможно, что около Кондраковки снова появились партизаны. Капитан раздражённо кричит в трубку:

— Надо поменьше пить вина — не будет мерещиться. В моём районе партизан нет.

Бросив трубку на аппарат, Гешке углубился в прерванные звонком размышления.

Он едва вывел из-под удара своего последнего коня и злился, что этот мальчишка не позволяет ему сегодня не только нападать, но ход за ходом взламывает его оборону и создаёт сильную угрозу на королевском фланге.

Новый вызов по телефону опять оторвал его от игры. Он схватил трубку.

— Да, Гешке. Ну, Гешке, чёрт возьми! Какой олух висит на проводе?! Слышу, слышу, ну, в чём дело? Нет связи с Вальтером? Так что я тебе линейный надсмотрщик? Вот я проучу вас... Где Иоган? Что? Где Иоган? Алло! Алло! У, чёрт! Франц! — крикнул капитан денщика.— Пойди и узнай, какой олух сегодня сидит на коммутаторе, и чтобы немедленно мне дали связь.

В комнате наступила тишина. Наморщив лоб, Гешке уставился на доску. Положение его было безнадёжно. Но вдруг его лицо прояснилось, и он вскинул на Вовку злорадно сверкающие глаза.

— О, твой ферзь, как стрекоз, прибегает с белый на чёрный поле.— Так полагается в русской партии? Хи-хи-хи...— залился Гешке визгливым хохотом.

Поправляя фигуру, Вовка сказал:

— Это вы сдвинули проводом, когда говорили по телефону. Причём тут русская партия?! Можно проверить, что ферзь не мог тут оказаться. Когда вы сходили конём отсюда сюда, мой ферзь стоял...

— Не надо проверять! Ясно! — и капитан Гешке разразился ругательствами.

Было очевидно, что он, придравшись к случайно сдвинувшейся фигуре, решил прекратить явно проигранную для него партию. Но на этот раз Вовка не хотел уступить и, побледнев, доказывал свою правоту. Он понимал, что это бесполезно, что гитлеровец всё равно продолжать игру не будет и выгонит его.

«Как это некстати вышло,— нервно дрожа, думал мальчик.— Не надо было мне так поспешно напирать на него. А теперь может сорваться наша операция. И чего они медлят?»

Мальчик тоскливо посмотрел в окно и вздрогнул — из чёрного квадрата рамы на него весело смотрел Ефим Щепет и подмигивал: — «Действуй! Мы тут».

Мальчик задрожал всем телом и пронзительно крикнул:

— А всё равно мат! Мат вам, гитлеровские гадины!

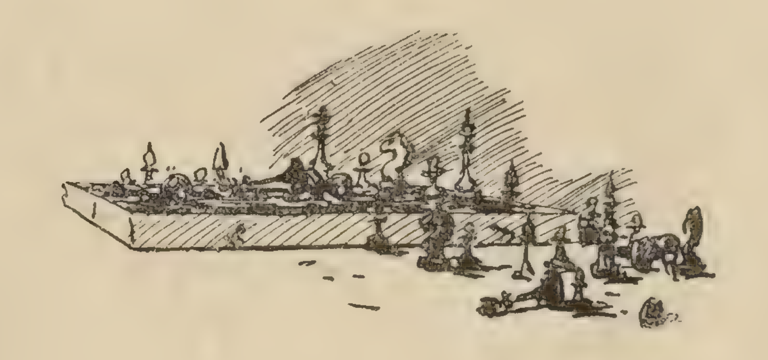
Эсэсовец крикнул: «Франц, ко мне!» и бросился к роялю, на котором лежал его парабеллум. Но в этот момент дверь распахнулась, и в комнату вбежал Ефим Щепет со своими товарищами.

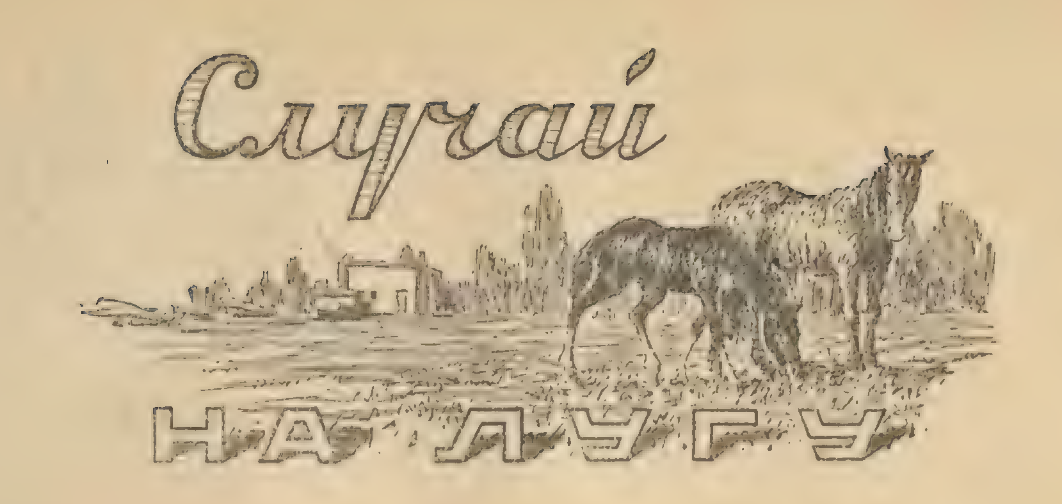
И Эрих Гешке, с отвисшей трясущейся нижней челюстью, медленно поднял руки. Василь Бочар вытолкал из спальни простоволосую, обезумевшую от страха «медхен Вильгельмину».

— Ну, молодец, Володя! — сказал Ефим Щепет.— Мат ты ему закатил мировой. Забирай свои боевые шахматы. Ты пойдёшь теперь с нами, в партизанский отряд,— и Ефим крепко сжал руку комсомольца Кравцова.

Банда Эриха Гешке к утру была разгромлена. Уцелевшие «неустрашимые» гитлеровцы понуро брели под партизанским конвоем, за ними в лес втягивался обоз с боевыми трофеями.

На одном из возков сидели бабушка Глаша и дед Карп, за которыми шла внушительная колонна кондраковцев — новых добровольцев партизанского отряда, вставших в ряды народных мстителей.

Случай на лугу

Г. Шумилов *Рисунки П. Никулина*

У нас на аэродроме была лошадь, звали ее Минуткой. Ничего примечательного в ней не было,— кобыла, как кобыла: рыжая, среднего роста, тощая. Когда-то Минутка была верховой лошадью, а теперь на ней возили воду, дрова, продукты в столовую, словом, использовали для всяких хозяйственных нужд.

Зато жеребёночек у неё был очень красивый: вороной, с белой звёздочкой на груди, с тонкими изящными ножками, как бы одетыми в белые носочки. Он всюду сопровождал свою мать. Когда Минутка, тяжело нагруженная, двигалась медленно, жеребёнку делалось скучно, и он начинал резвиться: то забегал вперёд и останавливался поперёк дороги, тогда матери приходилось мордой осторожно подталкивать его, то отставал, а потом вскачь догонял мать, то отбегал далеко в сторону и, привлечённый незнакомым ему предметом, останавливался, не торопясь рассматривал его и даже пробовал своими тёмносерыми губами.

В таких случаях Минутка всегда беспокоилась, настораживала уши, косила глаза в сторону жеребёнка, длинным призывным ржанием звала его к себе, замедляла шаг, а иногда и совсем останавливалась.

Это вызывало неудовольствие ефрейтора Колесниченко, сидевшего на возу.

— Но, но, пошла,— негромко произносил он, дёргая вожжами,— никуда твоё сокровище не денется.

Колесниченко, солдат второго года службы, до призыва в армию работал помощником колхозного конюха. И хотя здесь, на военном аэродроме, ему приходилось «командовать» только Минуткой и её сыном, появившимся на свет всего пять месяцев назад, Колесниченко не унывал.

— Вы ухаживаете за механизмами,— говорил он сослуживцам,— а я за живыми организмами, у меня, пожалуй, работа потоньше вашей будет. Машину можно разобрать и посмотреть, что там в ней не ладится, а попробуй, вот, разбери мою Минутку — ничего не выйдет.

Однажды в середине лета Минутка стала какой-то скучной, почти не притрагивалась к свежему, душистому сену, сильно уставала, везя даже небольшой груз.

Колесниченко доложил об этом начхозу и, выполняя его приказание, повёл Минутку в город, в ветеринарную лечебницу.

Ветеринар — усатый грузный мужчина — сначала велел Колесниченко провести Минутку по двору, затем сам несколько раз обошёл вокруг нее, иногда останавливался, вздёргивал на лоб очки, внимательно вглядывался в круп лошади и ощупывал казавшиеся подозрительными места. Затем начался осмотр ног. Ветеринар нагибался, брал одной рукой ногу лошади, а другой очищал копыто от присохшей грязи и смотрел, нет ли повреждений. После этого он прослушал Минутку и в заключение широко раздвинул ей челюсти и посмотрел язык.

— Ну, вот что, дорогой товарищ ефрейтор,— сказал ветеринар, вытирая полотенцем

руки,— у вашей кобылки большое переутомление. Лекарства никакого не выписываю, а дайте ей недельку-полторы отдохнуть, погулять на полянке, пощипать травку.

— Есть недельку-полторы отдохнуть, пощипать травку, товарищ доктор,— по-военному ответил Колесниченко, беря под козырёк.— Только будьте настолько добреньки — выдайте на неё больничный лист, чтобы всё форменно было.

Заручившись больничным листом, Колесниченко явился на аэродром и обо всём доложил своему начальнику.

— Скажите пожалуйста, у Минутки переутомление обнаружили, — сказал тот, — какая это может быть такая болезнь у лошади,— переутомление, а, ефрейтор?

— По-моему, может, товарищ старший лейтенант. Вон у нас моторы на самолётах из самолучшей стали и те устают, ремонтировать приходится, чистить да смазывать, а лошадь все-таки — живая тварь. У Минутки к тому же ещё и жеребёночек-сосунок имеется, он её утомляет, нервирует. Так что вполне возможна такая болезнь.

Лейтенант ещё раз внимательно перечитал заключение ветеринара, немного подумал, потирая при этом большим и указательным пальцами кончик носа, и сказал:

— Ничего не поделаешь, медицина есть медицина, придётся временно переключиться на механическую тягу.

* * *

Большой луг, где гуляла Минутка со своим жеребёнком, находился тут же, рядом с аэродромом.

Справа от луга протекала речка, а слева виднелась полоса лиственного леса, смыкавшегося вдали с прибрежными зарослями ивняка.

Первый день Колесниченко сам водил Минутку на луг, а потом всё изменилось. Там, где пасётся лошадь, да еще с таким красивым жеребёнком, обязательно должны появиться мальчишки: разве без них обойдётся такое интересное дело? И они появились. Это были друзья — четырёхклассники Игорь и Коля, дети официанток аэродромной столовой.

Дни стояли жаркие. Ребята бегали в одних трусах, сильно загорели, волосы и брови у них выцвели, стали белесыми, а ступни ног сделались грубыми, точно кожаные подошвы.

Ещё вчера, идя на речку, ребята заметили, как солдат вёл под уздцы рыжую лошадь, а сбоку у неё шёл, пританцовывая, вороной жеребёночек. Ребята удивились: какой чудак этот солдат, зачем же идти рядом с лошадью, если можно сесть на неё верхом и ехать!

Солдат привёл лошадь на луг, стреножил и пустил пастись, а сам ушёл, помахивая уздечкой.

Лошадь некоторое время стояла не двигаясь, потом потопталась на месте, наклонила голову и начала щипать траву, передвигаясь мелкими шажками. Жеребёнок кружил около неё.

Ребята решили познакомиться с солдатом и на другой день рано утром уже сидели на полянке недалёко от конюшни, поджидая его. Как только Колесниченко появился, ребята подошли к нему, и Игорь, немного выдвинувшись вперёд, спросил:

— Скажите, пожалуйста, товарищ солдат, почему вы не верхом едете, а пешком шагаете рядом с лошадью?

— Во-первых, я, хлопчик, не солдат. Видишь? — Колесниченко наклонился плечом к Игорю и, трогая рукой узенькую белую полоску, пришитую поперёк погона, важно продолжал:— Это означает, что мне командованием присвоено звание ефрейтора. Чуете? Значит, постепенно приближаюсь к полному офицерскому званию. Так что называйте меня «товарищ ефрейтор».

— Есть, товарищ ефрейтор! — откликнулись ребята.

— Ну, то-то! Пора бы вам уже разбираться в воинских званиях, не маленькие. А во-вторых, на ней нельзя ездить верхом, у неё серьёзная болезнь: переутомление всего организма. Имеет от ветеринарного доктора полное освобождение от всякой работы. Чистый воздух да нежная травка ей нужны. Понятно, хлопчики?

— Понятно, товарищ ефрейтор,— ответил Коля,— так и разрешите нам за ней поухаживать. Вы человек занятой, а у нас весь день свободный, мы её быстро поправим!

Колесниченко сначала расспросил, чьи они, в какой школе учатся, состоят ли в пионерах. Только после того, как оказалось, что он знает их матерей, он вручил Коле поводок и сказал:

— Ну что ж, попробуй, поведи.

Так началось знакомство ребят с Колесниченко. Он научил их стреноживать Минутку, а спустя два дня разрешил даже садиться на неё верхом и ехать, только непременно шагом, до луга и обратно.

— Да следите за жеребёнком, он ведь ещё глупый. Глядите, чтобы не забежал на лётное поле или куда-нибудь далеко, тогда ищи-свищи его,— наказывал ребятам Колесниченко.

— Не беспокойтесь, товарищ ефрейтор, всё будет в порядке!

У Игоря и Коли появилось новое увлекательное занятие. Теперь каждое утро они приходили на конюшню, под присмотром Колесниченко взнуздывали Минутку и выводили на волю. Тот из ребят, чья была сегодня очередь, садился верхом и направлялся на луг, а другой шёл рядом в компании жеребёнка.

Обычно с утра ребята, помня наказ ефрейтора, давали лошадям как следует покормиться сочной прибрежной травой, а

сами, выкупавшись, располагались под ивами. Делали из тонкой ивовой коры свистульки или, вырубив палки, мастерили трости, вырезая на них замысловатые вензеля со своими инициалами. Когда же и это занятие надоедало, они начинали бороться, как в цирке, стараясь положить друг друга на обе лопатки, или соревновались, кто дальше проскачет на одной ножке, а потом простоит на руках.

Но вот солнце поднимается выше и выше, тени прибрежных деревьев всё больше укорачиваются, становится жарко. Минутка давно уже перестала хрустеть травой и стоит, отмахиваясь хвостом от овода, а вплотную к ней примостился жеребёнок.

Тогда ребята надевают на Минутку узду и ведут к речке, жеребёнок бежит за ними.

Речка очень мелкая, поэтому ребята вооружаются консервными банками и начинают обливать Минутку и жеребёнка.

Купание продолжалось долго. Закинув на берег жестянки, ребята сами бросались в воду, обдавали друг друга множеством брызг, а потом снова принимались за Минутку: пригоршнями загребали воду и бросали её с обеих сторон на лошадь.

Однажды выдался особенно знойный день. Под вечер Игорь и Коля решили ещё раз выкупать лошадей — очень уж жарко.

Игорь ловко забрался на Минутку и поскакал к речке, гикая и насвистывая.

Лошадь, добежав до самой воды, внезапно остановилась. Лихой всадник, не удержавшись, перелетел через её голову и бултыхнулся в воду.

— Здорово у неё тормоза работают,— проговорил он, выбравшись из воды.

— Зато у тебя они никуда не годятся,— хохотал Коля,— ловко она тебя сбросила!

Мальчики, весело смеясь, начали окатывать лошадей. Лошади фыркали от удовольствия. Но вдруг жеребёнок забеспокоился: быстро-быстро замотал головой, потом выскочил из воды, проскакал немного вдоль берега и скрылся в прибрежном ивняке.

Это случилось так неожиданно, что ребята не успели его задержать.

— Ничего, побегает да прибежит обратно, никуда не денется,— спокойно сказал Игорь, продолжая купать Минутку.

* * *

Лётчики, закончив полёты, спешили к речке.

Но вот один из них пошёл медленнее, а потом остановился и сказал:

— Посмотрите, друзья, что там происходит?

Все остановились и повернули головы в ту сторону, куда указывал товарищ.

И вот что они увидели.

На середине луга резвились вороной жеребёнок и серая собака.

— Играют,— заметил один из лётчиков.

— Играют-то играют,— откликнулся другой,— но почему собака всякий раз преграждает жеребёнку путь к речке и заставляет его бежать в сторону леса? Вот понаблюдайте-ка сами.

Жеребёнок и собака, действительно, были уже недалеко от кромки леса.

— Братцы,— тревожно воскликнул бритоголовый лётчик,— это же волк, его повадки!

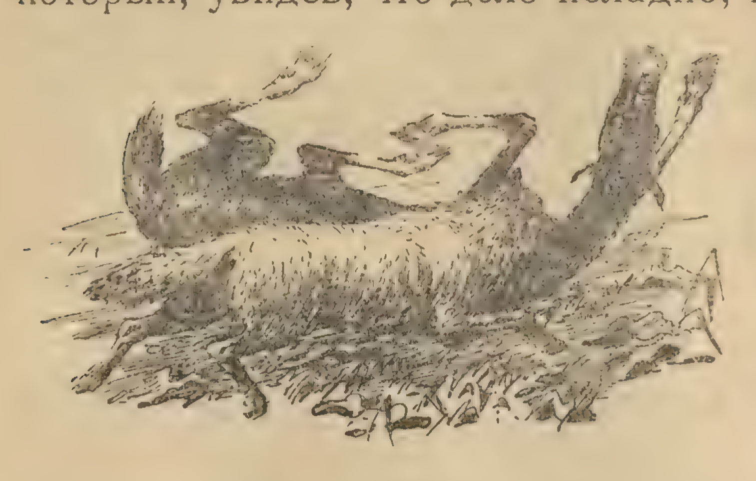
И он, сбросив с себя китель, побежал к лесу. За ним устремились остальные.

В это же время со стороны реки показалась скачущая во весь мах Минутка, услышавшая визг жеребёнка, а за нею бежали Игорь и Коля.

Между тем волк быстро догнал жеребёнка и вонзил зубы в шею. Но, видимо, укус был не очень сильный: жеребёнок рванулся, вскочил на ноги и понёсся навстречу матери. Разъярен-

ный неудачей волк устремился за ним, но тут ему путь преградила Минутка. Зверь бросился на неё, но Минутка сильно ударила его задними ногами.

Однако волк оправился и на глазах у людей снова стал преследовать жеребёнка. На этот раз он наткнулся на Игоря, который, увидев, что дело неладно, подхватил на ходу суковатую палку и изо всех сил ударил ею волка по спине. Зверь злобно зарычал, но обежал его и бросился к Коле, с трудом сдерживающему жеребёнка. Мальчик не струсил, хотя единственным его оружием была уздечка. Он размахнулся ею и с силой ударил волка по носу. Зверь взвыл от боли, остановился и в этот момент получил от Минутки новый удар, отбросивший его в сторону.

Исход борьбы решил подбежавший быстрее всех молодой лётчик. Он на ходу выхватил пистолет и выстрелил в волка. Зверь сделал прыжок, затем прополз немного и приник к земле. Он был мёртв.

Жеребёнка окружили. Игорь сорвал широкий лист подорожника и прикладывал его к ране, стараясь унять кровь.

Коля, побледневший от волнения, сокрушался:

— Как ефрейтору на глаза покажемся? Скажет,— вот, мол, и доверяй вам!

— Ничего, я за вас замолвлю словечко,— сказал бритоголовый лётчик, обнимая мальчиков за плечи.— Вы смелые ребята. Подрастёте, приходите служить к нам в авиацию.

ПУТЕШЕСТВИЕ В АФРИКУ

А. Мякишев *Рисунки В. Васильева*

В Египет!

В конце прошлого века работали в Берёзовском заводе, на золоте, двое рабочих — Пётр Ковалёв да Бороздин Дмитрий. Парни оба были молодые, ладные, грамоте немного знали — как никак, а по два класса начальной школы окончили и, значит, фамилии свои писать научились. Дальше учиться не смогли: до ученья ль было, когда родители концы с концами не могли свести!

С десяти лет пошли ребята на завод коновозчиками. Руду на лошадях подвозили и по гривеннику в день зарабатывали.

От завода до дому, да опять к заводу — одна дорожка была. А подросли — на россыпях да в шахтах работать начали. И вышли из них здоровые и старательные парни.

Стукнуло Петру и Дмитрию по двадцать лет. Стали они внимательнее к жизни присматриваться. Ясно, что плоха она, тяжела, да где её искать, хорошую-то? Уехать бы из Берёзовска, посмотреть, как люди живут на свете белом...

В ту пору вернулся в Берёзовский завод после долгих лет отсутствия старый солдат Иван Солодянкин. Сказывал тот Солодянкин, что он в турецкой войне воевал, Плевну у турок забирал да другие города отвоёвывал. Всего он на свете насмотрелся, страны какие есть и люди — и про то знает!

Не раз вечерами сиживал солдат на скамеечке у своего дома и говорил занятно о разном. А всё больше опять же о турецкой войне, да о том, как он Плевну брал, как его генерал Скобелев крестом «Егоринским» наградил за храбрость.

Видно, к слову пришлось, сказал и о том, что есть, мол, на свете страна такая, Африкой прозывается, а в ней поголовно турки живут. В той Африке у турок город славный есть — Египет, а в Египте самое богатейшее на свете золото добывают. Одно у них, у турок, неладно: не умеют они хорошенько золото добывать.

Сидят Пётр с Дмитрием, не шелохнутся, слово пропустить боятся: больно уж интересно солдат рассказывает. Вот съездить бы в Египет да показать, как золото следует по-настоящему разрабатывать, а за одно и белый свет посмотреть...

— А далеко ли, дяденька Солодянкин, тот Египет?

Солдат нахмурил брови и закурил трубочку: он и сам-то хорошо не знал, где находится такая страна, но человеку бывалому и всё знающему на свете молчать не пристало, и Солодянкин важно ответил:

— А правду сказать, ребята, не близко... Идти надо сначала нашей землёй до самого Чёрного моря, до города, значит, Одесты, а от Одесты уже нет земляного пути, дальше по морю ко-

рабли ходят, а на другой стороне моря и есть та турецкая земля. В турецкой земле попадёт первым город Царьград. Значит и катать следует наперво до Царьграда. А там, в Царьграде, просто: грузись на любой корабль, он тебя и домчит до самого Египта, тут и пути конец.

— А ведь не ближнее место ехать до Египта,— молвил Ковалёв после некоторого раздумья.

Вынув изо рта трубку, Солодянкин поглядел в темнеющее небо:

— А кто ж сказывает, что ближнее? Знамо, не ближнее... А коли смекалка есть — так с ней куда угодно уедешь...

— Правильно, дяденька,— согласился Ковалёв.— Смекалка, она, точно,— всему голова. Тут и спорить нечего.

Солодянкин глубокомысленно подумал и досказал как бы самое главное:

— Только вот какое дело, ребята. Если кто вздумает ехать в турецкий Египет, так напреж надо паспорт заграничный выправить... Вот она в чём штука-то.

— А где же его взять, такой паспорт?

— По начальству обратиться надо. Если кто военный, командиру полка, значит, следует докладную писать и подать её обязательно по команде, а кто по-граждански живёт — губернатору, его превосходительству.

— Да неужто нельзя с тем паспортом, который выдают у нас в волости? — воскликнул Ковалёв.

Солдат Солодянкин подумал, а потом сказал, что, пожалуй, можно и с волостным паспортом за милую душу до Одесты добраться. А с Одесты на любой пароход садись, да и чаль в турецкий город Царьград, к царьградским туркам. А туркам-то и на самом деле, на что они, эти паспорта? У них и своих много, хоть отбавляй. А в Царьграде на другой пароход забирайся смело, да и дальше поезжай прямо до Египта.

— Так ты, дяденька Солодянкин, верно сказываешь, что золото там добывать не умеют? А как они живут — не знаешь? Хорошо аль плохо? — допытывались Ковалёв и Бороздин, а другие парни только зевали да семечками плевались.

В путь

Подумали-подумали друзья и решили: едем, значит, в Египет!

Далеко он, конечно, да как-нибудь доберёмся. Посмотрим на белый свет, как там трудовой люд живёт, так ли, как мы, мается.

Сборы не очень долгими были. Подсобрали ребята денег, что-то немногим больше сорока рублей, паспорта годовые выправили в волости.

— Айда, катай, ребята! Может, и в самом деле такой край найдётся, где нашему брату хорошо живётся...— напутствовали друзей земляки.

Вышли из родного Берёзовска Пётр и Дмитрий в начале зимы, чтобы к весне уже в Одессе быть. За зиму пересекли всю Центральную Россию. И пешком шли, и с попутными обозами ехали, а где и железной дорогой «зайцами», без билетов, пробирались. Наконец, к Чёрному морю пришли.

На юге уже весна началась. Деревья в цвету стояли, а солнышко на небе день-деньской сверкало. Ветерок тёплый, душистый.

Так шли бы они и шли всё дальше, хоть до самого турецкого Царьграда, а там и до Египта, да только море на дороге легло. Безбрежным и бескрайним казалось оно. Да, море не река — на лодке не переберёшься.

Походили по городу, в порт пришли. Много в Одесском порту пароходов всяких, а как на них попасть и куда они пойдут — неведомо.

Зашли ребята в портовый кабак. В кабаке — матросы всяких наций, а каких — опять неизвестно. Были тут и русские. Славными ребятами они оказались. Ковалёв и Бороздин обсказали им всё своё положение и совета попросили. Матросы обещали помочь:

— Не трусь, ребята, выручим! Всё устроим. Определим вас к торговцу-капитану, скажем, беглые, мол, из России — из тюрьмы бежали... Возьмёт вас капитан. Это ему выгодно: работать заставит даром. Кормить, поить, конечно, будет, ну, а уж больше ничего не ждите...

LION

Сдержали своё слово моряки, привели Ковалёва и Бороздина к капитану французского купеческого парохода. Здоровые, в плечах косая сажень, парни понравились толстяку-капитану Висклеру. Сразу смекнул он, что не останется в убытке, если примет «русских медведей». Висклер велел им переодеться в форму французских матросов и назваться Пьером и Диком.

Пароход «Лион» шел из России вокруг Африки на остров Мадеру.

Тяжеленько пришлось «русским медведям» на этом корабле. Они должны были подавать каменный уголь к топкам котлов парохода. Редко-редко удавалось выйти на палубу подышать чистым воздухом. Только ребята не жаловались, уже тем довольны были, что в Африку плывут.

Как-то вечером, после суточной работы, стояли они у борта парохода и разговаривали меж собой вполголоса. Вдруг подходит к ним пожилой господин с седой бородкой и спрашивает, не русские ли они.

Обрадовались наши путешественники, что родную речь услышали.

Господин оказался профессором из Петербурга. Всю свою историю рассказали ему друзья.

Похвалил учёный человек земляков за смелость, потом пояснил, что в Египте золото, конечно, есть, но самое богатое

в Африке золото не в Египте добывают, а в Трансваале, далеко от Египта. Живут в Трансваале буры — белые люди, голландского происхождения. Удобнее всего попасть туда через Средиземное море.

Подробно рассказал профессор, как ребятам добираться следует, а они поблагодарили своего земляка и всё, что он говорил, крепко-накрепко запомнили.

Царьград — город турецкий

Ни мало ни много времени прошло, пароход «Лион» прибыл, наконец, в Царьград — город турецкий.

С парохода город этот хорошо был виден. Мечетей — церквей турецких — множество. И в садах весь — они прямо к морю спускаются.

— А интересно посмотреть на турецкую жизнь! — сказал Ковалёв Бороздину. Да навряд ли капитан пустит. Побоится, не сбежали бы...

И тут ребят смекалка выручила: попросили профессора с капитаном поговорить. Не больно охотно, но всё-таки отпустил Висклер их и ещё нескольких матросов на берег.

Прошли друзья через порт, отправились дальше по первой попавшейся улице. Лавчонок, кабаков, шашлычных на ней — тьма! Всюду громкая незнакомая речь слышится. Вдоль стен мелькают не то люди, не то тени в длинных цветных покрывалах. На головах несут подносы, корзины с фруктами.

Свернули друзья в другую улочку. Здесь тоже — кабаки, весело, шумно. Из одного кабака вышел огромного роста, бритый, толстошеий матрос. За ним — музыканты с флейтами. Увидел матрос незнакомых людей, остановился и что-то сказал. Что такое он говорил, друзьям, конечно, непонятно, а матрос вдруг обхватил обеими руками Бороздина и давай свою силу показывать.

Тут уж смекнули ребята, в чём дело. Хоть и неудобным казалось с человеком, неведомо чьей нации, на чужой земле в бой вступать, да нельзя и в грязь лицом ударить!

Схватился Бороздин с матросом по-настоящему, и минуты не прошло, как тот лежал уже на земле.

Боялся Бороздин, рассердится матрос и в драку полезет. Но нет! Отряхнулся тот и, как будто ничего не случилось, подал Дмитрию руку и музыкантам приказал громче играть. Музыканты играют, а вокруг большая толпа собралась. И все кричат, в ладоши хлопают. А матрос, которого поборол Бороздин, что-то лопочет на своём языке, палец ему, Бороздину, показывает, знаки делает, дескать, давай ещё один разок поборемся, кто кого одолеет? Не струсил Бороздин и снова схватился с чужестранцем. А тот, хоть и осторожнее стал, но всё равно скоро опять лежал на земле по всем правилам, на обеих лопатках.

Тут такой гам поднялся, что хоть уши затыкай! Откуда ни возьмись — два полицейских подошли. Оба с саблями. На головах — красные ермолки с кисточками.

— Айда, Митюха, подальше от греха! Бережёного бог бережёт! — зашептал Бороздину Ковалёв. — Чего там с полицией связываться! Везде она одинаковая, известно...

Взялись ребята под руки и отправились город смотреть... Увидели большую улицу, выложенную каменными плитами, и зашагали по ней. А сами ко всему приглядываются, рассматривают всё внимательно.

Видят, дома стоят каменные, с узкими окнами, да и окна сделаны не по-нашему: одно выше, другое ниже.

Народ по улице идёт — всё турки. И мужики турецкие и бабы. А бабы-то в штанах. И лицо у каждой завешано занавеской.

— Пошто у них так, а, Петя? — удивился Бороздин.

— А вера такая глупая...

Посредине улицы по каменным плитам мужики поклажу разную везут. А на ком? На ишаках, ослах, значит, да верблюдах. И ни одного коня! И вожжей нет. Не телеги, а арбы да двуколки, а мужики сидят верхом и правят. Вот порядки-то!

Большой город Царьград! А только, присмотревшись, поняли друзья, что простому турецкому народу плохо тут живётся. Нищеты — прямо тьма, непочатый край.

Наступил вечер. Попы турецкие с вышек мечетей «аллу» прокричали. Вспомнили ребята, что давно уже бродят по городу. Посмотрели ещё раз на кривые грязные улочки, на турецких жителей и отправились обратно на корабль.

Аден

«Лион» отходил из Константинополя тихим тёплым вечером. Издали, при закате солнца, город казался розовым и очень красивым. Трудно было поверить, что в таком городе есть мрачные грязные улочки, по которым ходят нищие, изможденные люди.

Нарушая тёплую тишину вечера, долго и протяжно гудел свисток парохода. Наконец, он замер. Ковалёв и Бороздин, сбросив куртки, спустились в трюм.

И снова началась их каторжная жизнь. Не меньше чем по четырнадцать часов в сутки работали друзья в угольных ямах парохода. Только поздно вечером выбегали на палубу глотнуть свежего воздуха да полюбоваться на море. Красивое оно было ночью, море-то чужеземное! Волны так и играли, так и переливались сине-зелёными огоньками. Это медузы, да рыбы, да морские звёзды светящиеся плавали в воде.

На седьмой день плавания добрались до порта Аден. Это уже почти Африка была! Вон куда уехали!

Русский профессор долго рассматривал в бинокль Каирский порт, а потом сказал ребятам, что им надо плыть на корабле ещё с месяц. Доплывут до Капштадта, а там и в Трансвааль пусть идут, африканский город, где золото добывают.

Эка, месяц! Да много ль это? Теперь уж они, понятно, доберутся!

В Адене пароход к порту не причаливал, только свистки давал, чтобы выслали катер.

Катер забрал сходивших в Адене пассажиров. Профессор снял шляпу и крепко пожал руки Ковалёву и Бороздину:

— Ну, земляки, счастливого пути вам.

— Вам счастливо, ваше степенство!

Исчез вдали катерок, грустно стало ребятам.

Ну, да не век же печалиться!

С парохода виднелся стоящий на взморье город. Он весь утопал в зелени, и можно было даже различить диковинные деревья — пальмы. Какая нация живёт в Адене? И как живёт?

Хотелось побывать друзьям и в этом городе, но разве у

Висклера куда-нибудь попадёшь! Пароход дал долгий отходной свисток и поднял якоря. А матросы опять спустились к угольным ямам.

Вместе с русскими работали на угле два француза — Рудольф и Тюваш. Славные они были ребята, весёлые. Уважали они русских за громадную физическую силу и всеми способами, как могли, учили их говорить по-французски.

За разговорами да за работой время быстро летело. Шли уже Атлантическим океаном. И вот миновали крупные английские порты Ист-Лондон, Дербо. В них также не заходили, а только высаживали на катер сходивших пассажиров.

Рудольф говорил, что «Лион» задержится в Капштадте, уголь будет запасать. Капитан отпустит матросов на берег часов на пять, до погрузки угля. Он, Рудольф, уже бывал в Капштадте несколько раз и обязательно угостит Пьера и Дика английским виски...

Капштадт

В Капштадте Висклер отпустил матросов на целую ночь в город, но к утру приказал возвращаться.

Ковалёв и Бороздин сошли на берег вместе с Рудольфом и Тювашем и ещё тремя моряками-французами. Навстречу им попадались люди, точно нарочно выпачканные угольной пылью.

Вот так нация! Что за люди такие?

Рудольф объяснил, что это местные жители. Коренной народ в Африке всё больше чернокожий. Живут они маленькими государствами. Племён таких тут много: кефан, зулла, зулен... Только их прибрали к рукам англичане да другие белые и держат в своём подчинении, как рабов или скот.

Привёл Рудольф Ковалёва да Бороздина в кабак. Там стойка такая же, как и в русских кабаках, бутылки большие и малые с винами. Кабатчик только одет не в купеческую поддёвку с вышитым воротом, а в белый халат и белый колпак, на Петрушку похож, какого показывают в русском балагане в праздники.

Рудольф потребовал виски, то есть английской водки, и вся компания уселась к большому столу.

Французы быстро захмелели да ещё и споры меж собой завели, а русские только этого и дожидались. Выскользнули они из трактира и направились в город.

Куда держали путь, они и сами не знали, а лишь старались от порта подальше уйти. Но как ни торопились, а всё останавливались да глазели по сторонам — больно уж любопытно кругом!

На улицах пальмы, да бананы, да ещё какие-то незнакомые деревья растут. А дома огромные, крытые черепицей, с большими красивыми окнами, не как у турок в Царьграде. Стоят дома не рядом, а разделены садами, и в садах — цветы африканские пахнут чудно́.

По улицам разгуливают в белых костюмах и пробковых шлемах англичане. На приезжих даже и не смотрят. Кичливый народ!

Но вот дома стали поменьше, потом вовсе жалкие хибарки, крытые травой и морскими водорослями, пошли. Не дома, а лачуги. Ясно, жила в них беднота.

— Куда же мы идём, Митя? — спросил, остановившись, Ковалёв. А в душе у него всё ликовало, хотя и боязно немного было: всё-таки незнакомый город-то.

— Как куда? Домой! — ответил Бороздин беззаботно, как будто они и точно шли домой.

— Как это домой? Уж не сошёл ли ты, парень, с ума от радости, что в Африку прибыл?

— Ну да, домой,— повторил Бороздин.— Вот, когда мы придём туда, куда нам, значит, нужно, да устроимся, там и будет наш дом. Не верно, что ли?

Ковалёв рассмеялся и предложил:

— А давай зайдём в какую нето хибарку и попросимся ночевать...

Так и сделали. Свернули с дороги и в первую попавшуюся дверь постучали.

В хижине горел огонёк. Хозяин-негр с женою да с чернокожими ребятишками сидели, ужинали. Как вошли наши друзья, они вскочили из-за стола, испугались. Но Ковалёв и Бороздин поклонились хозяевам, мол, вреда они им не причинят. Ковалёв закрыл глаза и, приложив ладонь правой руки к щеке,

голову склонил, дескать, устали они, просят приютить на ночь.

Хозяева заулыбались, залопотали что-то на своём негритянском языке и провели гостей в маленькую комнатушку.

Удобно растянулись ребята на какой-то мягкой траве и уснули тотчас же.

Проснулись они утром и долго не могли понять, как здесь очутились. Но тут вошёл хозяин и стал жестами спрашивать, хорошо ли гости выспались. Матросы закивали в ответ, дескать, очень хорошо. Тогда хозяин спросил, опять же знаками, куда они путь держат.

Ковалёв потоптался на одном месте, делая вид, что идёт куда-то, и сказал одно слово: «бур».

— О, бур! Претория! — понял негр и указал рукой на север.

Это только и нужно было нашим путешественникам. Теперь они знали, в какую сторону им идти.

Хозяйка поставила на стол миску бобовой каши, заправленной чем-то сладким, положила в чашку несколько хлебных лепёшек.

Сытно позавтракали Бороздин и Ковалёв, как могли поблагодарили хозяев и даже расцеловали их на прощанье. А сами вновь отправились в дальний путь.

Снова в пути

В какую сторону идти — хорошо знали теперь ребята. Одно им было неизвестно: а долог ли путь до страны буров?

Шли они сначала узенькой тропинкой, через небольшие, но густые кустарники. Кусты будто цветущим шиповником пахли, и казалось порой ребятам, что в родном лесу они... Только вот жара стояла невыносимая, такая, что спасенья не было. Залезть бы в речку, что ли. Да где её тут, речку-то, разыщешь?

Тропинка то исчезала под ползучими растениями, то снова вилась средь травы. А трава большущая да густая.

Кругом деревья высокие, прямые, как мачты, стояли. С них опять же свисали всякие пахучие растения и цветы...

Весь день шли ребята, а когда стемнело, решили устроиться на отдых где-нибудь на мягкой траве. Ночь тёплая была, точь-в-

точь как дома, на Урале, в сенокосную пору. Только дома нет такой кромешной темноты.

Ну, да ладно! У нас так, а здесь, в Африке, иначе.

Только выспаться как следует не пришлось. Среди ночи Ковалёв вдруг проснулся да как вскочит на ноги. А от него тут же тень чья-то в сторону мелькнула.

Нащупал Ковалёв камень и бросил его в темноту. В ответ послышался чей-то пронзительный визг.

— Ты што, Петя? Чего швыряешься-то? — спрашивал проснувшийся Бороздин.

— Вставай, брат! Выспались! — недовольно ответил Пётр.

Друзья снова разожгли потухший костёр, уселись около него и стали думать, что же делать, как быть дальше. Море-океан переплыли, до Африки добрались... Не попадать же в самом деле на съедение диким зверям.

— Не бойсь, Митя! Чего там горевать!

Подошёл Петр к высокому деревцу, навалился на него, деревце сломалось. Ковалёв очистил его от веток.

— Видал? Чем не дубина?

Бороздин засмеялся:

— Хороша дубина! С добрую тележную оглоблю.

— Я и тебе такую же сделаю,— успокоил приятеля Ковалёв.— Чего смеёшься-то? Зато ни один зверь не полезет...

Весь следующий день ребята шагали по лесу.

Это был настоящий тропический лес. Идти можно было только по узкому проходу, который друзья прорубали себе ножом. Деревья были такими высокими, что солнца внизу не видно было,— стоял полумрак. Вокруг стволов и ветвей деревьев, как змеи, обвивались бурные, толщиной с человеческую руку, плети растений — лианы. В ветвях трещали мартышки, и пели каждая на свой лад всевозможные африканские птицы.

А внизу за каждым кустом таилась опасность. В зарослях слышалось грозное рычанье льва или леопарда. Высоко поднимал над травой голову свернувшийся в кольца удав...

Только кострами друзья спасались: к огню звери близко не подходили.

Больше месяца шли Бороздин и Ковалёв на север. Ночевали, где придётся,— в лесах, на полянах, в негритянских поселениях.

Ещё на пароходе друзья надели на себя по три пары белья. Имелись у них деньги — двадцать российских серебряных рублей. Эти деньги очень пригодились в Африке: на них путешественники выменивали у негров продовольствие. Негры охотно брали серебряные монеты. Они украшали ими себя, так же как ракушками, когтями львов, страусовыми перьями, а взамен на каждый серебряный рубль давали матросам мясо и хлебные лепёшки.

Одно смущало ребят: а сколько же надо ещё шагать до Трансвааля?

Однажды проходили они мимо плантации, засеянной сахарным тростником. На плантации работали чернокожие. Их согнутые, мокрые от пота спины блестели на солнце.

Один из негров окликнул матросов по-французски и, кланяясь, предложил отдохнуть от пути-дороги в его доме.

Пётр и Дмитрий зашли в жалкую хижину с почерневшими от копоти, голыми стенами. Негр угостил матросов кисловатым, хорошо утоляющим жажду напитком и рисовыми лепёшками и объяснил, что служит сторожем на плантации. Когда-то он тоже был моряком и плавал на торговом судне.

Кое-как изъясняясь с негром, Ковалёв и Бороздин узнали, наконец, что до Бурской республики осталось не так уж далеко идти.

И ещё два дня шли они, а на третий, под вечер, встретили белого человека с ружьём на плече. Взглянув на матросов, человек прошёл мимо, ничего не сказав.

— Наверное, бур,— определил Ковалёв.—Видишь, белый...

В стране буров

Вот и заросли кустарников кончились. Ковалёв и Бороздин шли по открытой местности, по невысокой траве. Вдали показались какие-то постройки.

— Ну, слава богу, должно быть, и впрямь мы к бурам пришли! — сказал Ковалёв, вытирая рукавом пот с лица.

Вместо ответа Бороздин отбросил далеко в сторону палку-оглоблю, которую нёс на плече:

— Зачем они нам теперь, палки-то... В городе звери не съедят...

Пошли друзья дальше, и у самого города встречают их трое каких-то людей с оружием, с патронташами через всю грудь. Ну, ребята сразу подумали, что это бурские полисмены. Один сделал жест рукою, остановитесь, мол, и что-то сказал на незнакомом языке.

— Вот оказия! Чего ему надо, Митя? — не понял Ковалёв.

А полисмен опять чего-то спрашивает.

Тогда Ковалёв догадался: ткнул пальцем себе в грудь и закричал громко, словно с глухим говорил:

— Рус, рус!

Полисмены тогда посовещались, опять знаками показали, что надо идти с ними.

Ковалёв и Бороздин, понятно, не стали упрямиться: им и самим хотелось скорей объяснить бурскому начальству, как и зачем они попали в эту страну.

Шли городом. Город понравился. Дороги — ровные, мощёные булыжником, а домики чистенькие, в один и в два этажа, крыты черепицей.

Привели ребят в какую-то чистую и светлую комнату, усадили, подали по два стакана кофе с хлебом. Одного полисмена важный господин, начальник, видно, куда-то послал.

Через час примерно вошёл в комнату пожилой, с небольшой бородкой, хорошо одетый и весёлый на вид господин. Быстро

оглядел матросов, удивлённо развёл руками, да вдруг и говорит радостно, по-русски:

— Неужто земляки? Да как вы попали сюда, братцы?

Тут уж друзьям пришла очередь удивляться: в Африке, в этакой дали и вдруг родную речь услышали!

А господин этот давай обнимать матросов да пожимать им руки.

Ну, ребята, конечно, объяснили, кто они такие и почему попали в страну буров. Рассказали, как уходили из родного дома, как ехали на корабле и шли через африканские леса... А новый знакомец пояснил, что зовут его Иваном Степановичем Петровым. Он из города Тулы, а очутился у буров случайно. Царские чиновники сослали его в Сибирь, на каторгу, за то, что за лучшую жизнь для народа боролся. Он бежал и пробрался в Китай. В городе Гонконге завербовался матросом на английское торговое судно, объездил многие страны, попал в африканский порт Дербо, а оттуда в этот город — Блюмфенталь он называется. И вот живёт здесь уже 18 лет. Буры зовут Ивана Степановича Иоганном Петерсоном. Он занимается теперь ювелирным делом, семьёй здесь обзавёлся.

Рассказал всё это Иван Степанович и начальнику префектуры (полиции, значит), про друзей всё объяснил.

Начальник, или префект, как его там зовут, крепко пожал матросам руки и сказал, что восхищается их мужеством.

Петерсон подхватил под руки новых знакомцев и повёл их к себе.

Встречные буры вежливо раскланивались с Петерсоном. А кто и расспрашивал, что это за бравые молодцы идут с ним, Петерсон с удовольствием повторял рассказ об отважных земляках, приехавших из России...

Дом Петерсона очень понравился друзьям: в два этажа, с балконом, крытый, как все дома в Блюмфентале, черепицей. Стоял он на чистенькой, вымощенной булыжником улице.

Гостей приветливо встретила жена Петерсона, Эмма Густавовна. Она очень хорошо говорила по-русски, сыновья её тоже. Одному было девять лет, другому — одиннадцать.

Ковалёв и Бороздин прожили у Петерсонов больше месяца. За это время они и язык чужой освоили и о бурах кое-что узнали.

Узнали, что буры много лет назад пришли в Африку из Голландии, да так и остались здесь, основав Южно-Африканскую Трансваальскую республику. Президентом республики был избран Пауль Крюгер.

Буры — трудолюбивый, честный и стойкий народ. Большинство из них — охотники. Рассказал Петерсон, что положение в республике тяжёлое, потому что Англия, которая имеет свои колонии вокруг республики, хочет сделать колонией и страну буров. Очень привлекают англичан богатые залежи золота около города Иоганнсбурга. Добывают здесь золото и англичане, только на правах концессии, а им, конечно, не нравится, что республика берёт с них налог и что бурские артели сдают золото не англичанам, а республике. Вот Англия и хочет закабалить буров, сделать их своими рабами.

Но мало ли что хотят англичане! Буры рабами никогда не станут. Коль случится война, все — от малого до старого — постоят за республику.

На золотых разработках

Ковалёв и Бороздин, как ни отговаривали их хозяева, решили идти в город Иоганнсбург, где золото добывалось. Петерсон дал им письмо к Артуру Бизе — руководителю работ в местечке Кладо, недалеко от Иоганнсбурга.

Артур Бизе хорошо принял русских, расспросил их о России, о родном заводе, о том, как на Урале разрабатывается рудное и россыпное золото.

— О, Урал! Я знаю! Уральское золото! — сказал Бизе.— Очень хорошо... Очень... Будете у нас работать.

Дня через два ребята уже вышли на работу. Они засыпали породу в сетчатый, сделанный из проволоки барабан. Внизу барабана была устроена мошна наподобие шара, и в этот шар через мелкую решётку попадало крупное золото. Барабан приводился в движение приводом большого колеса, которое крутили двое рабочих.

Русским не нравилось, как устроен барабан. Крупное золото оседало в шаре, а мелкое вместе с грязью и землёй уносилось водой...

Ковалёв и предложил испробовать русский способ.

— О! — обрадовался Бизе.— Интересно! Попробуйте!

Построили Ковалёв и Бороздин два русских вашгерда [1], промыли в них столько же породы, сколько промывалось и на барабане, только теперь получилось золота на 7—8 унций больше.

Все компаньоны были очень довольны, решили теперь мыть золото по-новому в вашгердах. Дела артельщиков небольшой компании, возглавляемой Бизе, пошли вдвое лучше.

А Ковалёв и Бороздин работали себе да работали.

Война

Прошло семь лет. Ковалёв и Бороздин, конечно, очень изменились — не узнать в них прежних берёзовских парней! Многое они увидали, многому научились, а только завод свой Берёзовский никак забыть не могли!

На восьмой год Бороздин женился на дочери Бизе, красивой девушке Белле. А вскоре после этого Англия двинула на Трансвааль свою армию.

Всё население Бурской республики вооружилось. Взялись за оружие и Ковалёв с Бороздиным. С ними пошла в армию и Белла — жена Бороздина.

Буры защищали свою свободу, поэтому воевали они геройски. Война затянулась.

В одном из боёв под городом Преторией осколком снаряда была убита жена Бороздина—Белла, ни на шаг не отстававшая от мужа, командовавшего отрядом буров, а самого Дмитрия смертельно ранило.

Ковалёв узнал об этом только после боя.

---

[1] Вашгерд — аппарат для промывки и обогащения зернистых или илистых руд, особенно золотоносного песка.

Он нашёл друга в госпитале. Сразу понял Пётр, что теряет его. Хоть бы слово ещё одно услышать!

— Митя! — позвал он.

Бороздин открыл глаза и слабо улыбнулся:

— Будешь в России — поцелуй родную землю...

И ещё что-то хотел сказать он, пытался вытащить из-под одеяла руку, но не мог.

Ковалёв сам нашёл руку друга и почувствовал, что она холодеет...

Война продолжалась. Англичанам приходилось туго. Небольшую республику было не так-то просто взять.

Ковалёв всё время сражался вместе с отважными патриотами. Он попал в дивизию, которой командовал Петерсон, а дивизия эта входила в армию прославленного генерала буров — Бота.

Всё труднее становилось бурам, а англичане стягивали новые силы.

В одном из боёв погиб Петерсон. Тогда Ковалёв стал командовать дивизией и прославился как бесстрашный командир.

Ещё неизвестно чем бы закончилась война, если бы не изменил бурский генерал Савич и не открыл фронт англичанам. Всех бурских офицеров англичане арестовали и судили. А Ковалёв сумел бежать во французский Алжир и оттуда в Париж.

В Париже

Ковалёв поселился в Париже в небольшой комнатке по улице Сен-Жермен, около Гревской площади. Денег ему не надолго хватило, и он устроился на механический завод Макс-Ошан.

На заводе Ковалёва считали хорошим слесарем. Вскоре у него и друзья появились — такие же рабочие, как и он. И отцы и деды у них были рабочими. От друзей своих узнал Ковалёв, как французский народ боролся за свою свободу. Дед одного из друзей погиб на баррикадах Парижа.

Познакомился Пётр и с русскими революционерами, которые скрывались во Франции от царских палачей.

После встреч с земляками Ковалёва потянуло домой, на родину. Он храбро боролся за свободу буров, так неужели останется в стороне, когда русские рабочие начали борьбу с царизмом!

В апреле 1905 года Ковалёв рассчитался на заводе, распростился с товарищами, взял явочные адреса, письма, несколько номеров газеты «Искры» и выехал из Парижа в Россию.

Снова на Родине

Тринадцать лет не был Пётр Ковалёв на Родине! Очень волновался, когда пароход приближался к петербургскому порту.

В Петербурге Пётр разыскал на Гороховой улице дом, где жил рабочий Обуховского завода Василий Фёдорович Загоскин.

Загоскин как раз дома был.

Пётр вынул из подкладки пиджака письмо и подал Загоскину.

Тот прочитал, улыбнулся и обнял Ковалёва. Письмо было от родного брата жены Загоскина — Степана Кузнецова, политического ссыльного. Кузнецову удалось бежать из Сибири и после долгих мытарств пробраться в Париж.

В письме Кузнецов просил Василия Фёдоровича помочь Ковалёву устроиться на работу и связаться с нужными людьми.

Вечером к Загоскиным пришли рабочие с Путиловского и Обуховского заводов. Читали последние номера «Искры», привезённые Петром из Парижа, обсуждали их.

Через несколько дней Ковалёв уже работал слесарем на Путиловском заводе, а жил неподалёку от Загоскиных, у солдатской вдовы-старушки, на которую жандармерия никакого внимания не обращала. Вечерами собирались у Ковалёва рабочие с разных заводов.

Было что рассказать Петру! Недаром объехал он полсвета, насмотрелся, как повсюду помещики и фабриканты угнетают простой народ и как трудно победить его, если он отстаивает свою свободу.

Петербургские жандармы следили за Ковалёвым, но схватить его живым им не удалось: Ковалёв погиб во время Ок-

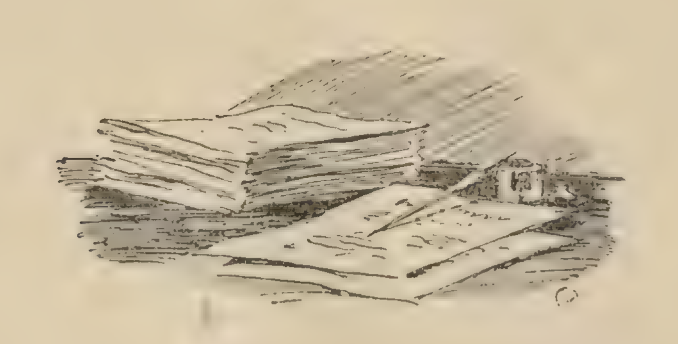

тябрьских событий 1905 года, в Петербурге, на баррикаде, с красным знаменем в руках.

Кто такой был Ковалёв? Откуда он родом? Этого жандармы так и не узнали. В кармане убитого они нашли лишь документ на имя Пьера Ковалёва—русского подданного, бывшего командира Северной Трансваальской республиканской армии, участника англо-бурской войны, эмигрировавшего во Францию. Второй документ был на имя Пьера Ковалёва — рабочего-слесаря завода Макс-Ошан (Париж, Франция).

Это было всё, что имела жандармерия в своих руках.

Литературная обработка
Н. Катковой

В автобусе

Виктор Стариков *Рисунки П. Никулина*

Сорокаместный автобус отходил с часовым опозданием. Пассажиры, утомлённые ожиданием, торопились занять свои места. Все были немного раздражены, нервничали.

Молодая женщина, в простеньком сером платье, расталкивая всех, поспешно пробивалась к входной двери.

— Не успеете? Никто вашего места не займёт,— заворчали в очереди.

— У меня больной ребёнок,— несколько раз негромко ответила она.

Перед ней посторонились.

Женщина поднялась в автобус и тотчас обеспокоенно прикрикнула на замешкавшегося мальчика лет двенадцати:

— Что ты стоишь? Шевелись...

Мужчина помог мальчику, прижимавшему к груди большой свёрток, перевязанный верёвкой, подняться на ступеньку.

Следом вошли две юные девушки-туристки с большими продолговатыми мешками из зелёного брезента, добродушная компания рыбаков, с зачехлёнными удочками, горняки в форменных тужурках, металлурги, профессию которых выдавали слегка подпалённые огнём скулы, колхозницы с ворохами городских покупок. Один из пассажиров бережно внёс большой радиоприёмник в картонной упаковке.

Маршрут автобуса проходил по живописной дороге Среднего Урала мимо старых и новых заводов и рудников, многочисленных озёр. Только двадцать шесть пассажиров имели нумерованные мягкие места, четырнадцати надо было разместиться в проходе, приготовиться выстоять на ногах длинный путь.

Последним поднялся только что подошедший пожилой мужчина, похожий на учителя, в соломенной шляпе, в белой расшитой по вороту рубашке, с двумя тяжёлыми связками книг. Его место в конце автобуса оказалось занятым больным мальчиком. Мать стояла рядом.

— Это моё место,— сказал мужчина, показывая билет.

— Тут будет сидеть ребёнок,— твёрдо сказала женщина и повернулась спиной к пассажиру, загораживая мальчика.

— У меня на это место билет,— настаивал пассажир.

— Ради вас не буду сгонять ребёнка,— решительно возразила женщина, повышая голос, и резко обернулась. Глаза её враждебно смотрели из-под нахмуренных бровей, губы плотно сжаты.

— Вы полагаете, что я могу стоять, а мальчик будет сидеть? — спокойно спросил пассажир.

— У ребёнка туберкулёз позвоночника,— громко сказала она.— Он едет в санаторий. У вас сердце есть?

Мужчине стало неловко. Он сконфуженно улыбнулся и примирительно заметил:

— Напрасно вы шумите. Могли бы спокойно попросить уступить место.

— Кто же уступит? А больной ребёнок имеет право сидеть. Не смей, Юрик! — повелительно сказала она, заметив попытку мальчика подняться.— Никто тебя не тронет. Сиди, сиди... Ты больной ребёнок и едешь в санаторий. А тут все здоровые! Постоят.

Мужчина вздохнул и опустил на пол книги. Ему казалось, что все в автобусе враждебно смотрят на него.

Девушки-туристки положили мешки в проходе и приглашали пассажиров, не имевших мест, садиться с ними. Инженер-горняк, узнавший, что девушки ленинградские студентки, расспрашивал, что они успели повидать на Урале. Между пассажирами налаживались дружеские отношения попутчиков.

Вошла кондуктор, пересчитала пассажиров.

— Это почему же у нас сорок один пассажир? Кто не взял билета?

— У меня нет билета,— отозвалась женщина.— Провожаю больного ребёнка.

— Сходите, сейчас отправляемся.

— Поезжай, Юрик, поправляйся,— сказала женщина.—Береги себя. Если будет трясти — ты привставай.

Она торопливо зашептала что-то упрямо отодвигавшемуся от неё сыну, потянулась его поцеловать, но мальчик отвернулся, и поцелуй пришёлся возле мочки уха.

Дверь за женщиной закрылась, автобус тронулся.

Больной мальчик привлёк всеобщее сострадательное внимание.

Знаменитый костнотуберкулёзный санаторий находился на полпути, в красивой местности, в сосновом бору на берегу большого озера. Там подолгу лечились дети, страдавшие самыми тяжёлыми формами костного туберкулёза.

Автобус миновал окраинные городские дома и катил по асфальтированному шоссе. Сосняк плотной стеной подступал с

двух сторон к дороге. В открытые окна вливался свежий воздух, густо пахнущий смолой.

Пожилой пассажир (он был, действительно, учителем), лишённый места, сидел в проходе в неудобной позе на пачках книг, сочувственно поглядывая на своего юного соседа.

У мальчика были крупные серые глаза, полные, казалось, затаённой недетской печали. В остальном же это был вполне для своего возраста физически развитый ребёнок. Но уж очень встревоженно вёл он себя, посмотрит быстро и внимательно на пассажиров и опять потупит стриженую голову.

«Бедняга! — думал о нём учитель.— В таком возрасте лишиться многих летних радостей. Не побежишь свободно по лесу, не прыгнешь с каменного берега в озёрную воду. Возьмут твоё тело в тугой корсет или твёрдый панцырь гипса и уложат на долгие недели в постель».

— Что же тебя мама одного отпустила? Некому проводить? — спросил учитель.

Мальчик замялся с ответом:

— Мама и папа работают...

Учитель понимающе кивнул головой.

Всем хотелось как-нибудь и чем-нибудь выразить ему сочувствие. Колхозница, сидевшая рядом, развернула на коленях платок и стала завтракать. Она протянула Юре большую ватрушку и похвалила:

— Домашняя, вкусная! Возьми, Юра!..

Он застенчиво отказался.

Девушки-студентки, порывшись в одном из многочисленных карманчиков, нашитых по длине мешка, протянули пачку открыток.

— Любишь открытки? Бери — ленинградские, товарищам покажешь.

От них он не мог отказаться и, взяв, с заблестевшими глазами тихо поблагодарил.

— Ты в каком классе учишься? — спросил учитель.

— В шестой перешёл,— быстро ответил мальчик.

— Отметки хорошие?

Юра кивнул головой.

— А двойки бывали?

— Не-ет...

— Ну, какое же это учение без двоек?— Учитель хитро подмигнул Юре, и мальчик засмеялся.

— Немного бывает...

— Вот видишь... Коли немного — это нестрашно. По собственному опыту знаю.

Проезжали мимо широкого поля учебного аэродрома. Кто-то из пассажиров крикнул:

— Смотрите, смотрите!..

Высоко в небе летел самолёт, из которого только что двое совершили прыжок. Купола парашютов крохотными белыми пятнышками сверкали в голубом небе.

Юра порывисто вскочил и потянулся к окну. Он оглянулся на учителя, возбуждённо блестя глазами.

— Садись к окну,— предложила Юре своё место колхозница.

— Нет, нет,— испуганно отказался мальчик, сел на своё место, кинул быстрый взгляд на соседей и опять потупился.

Учитель, сидевший на связках книг, никак не мог найти удобного положения для ног. Он вставал, разминая затекающие ноги, снова садился.

Колхозница спросила Юру, знает ли он, в какой из двух санаториев у него путёвка, как доберётся он до них от автобусной остановки (до одного два, а до другого четыре километра), встретит ли его кто-нибудь?

Мальчик ответил что-то быстро и невнятно. Колхозница сочувственно покачала головой, но переспрашивать не стала.

Учитель всё присматривался к мальчику и никак не мог понять что с ним? То он весь раскроется, засверкает хорошей детской улыбкой, то вдруг весь словно сожмётся внутренне, отгоро-

дится, потускнеет взор, всех дичится. Что его так гнетёт? Санаторий, расставание с домом?

Начался участок, где ремонтировалось шоссе. Автобус, тяжело колыхаясь, свернул на обочину и запрыгал на корневищах. Ветки хлестали по стеклу.

Мальчик поспешно встал, ухватившись за переднее сидение.

Кто-то позвал:

— Юрик! Иди сюда! Здесь меньше трясёт.

Он отрицательно мотнул головой.

— Иди, иди, Юрик! — посоветовал учитель, вспомнивший о наказе матери.

Но Юрик сердито и упрямо нагнул голову, не отвечая.

Больше настаивать не стали, да и автобус уже миновал неисправный участок и снова выбрался на асфальт.

— Ты давно заболел? — осторожно спросил учитель.

Мальчик задумался, словно захваченный врасплох этим вопросом...

— Не знаю...— неуверенно ответил он.

— Ничего, поправишься... Там все поправляются. Найдёшь хороших товарищей, весело жить будете. Главное, быстрее подружись с товарищами...

Автобус неожиданно остановился.

На дороге, подняв руку, стояла женщина с грудным ребёнком. Юное существо махало полными ручонками, радуясь солнцу.

Дверь открылась, и женщина вошла. Казалось, что в узком проходе никому больше не поместиться, но все потеснились, давая ей пройти, а трое мужчин разом предложили свои места.

— Проходите сюда! Садитесь!

Вскочил и Юрик.

— Садитесь на моё место!— попросил он женщину с ребёнком.

Учитель строго сказал ему:

— Сиди, Юрик! Тебе стоять нельзя. Сиди, найдётся место.

Мальчик не слушал его и настойчиво повторял, чуть не со слезами в дрогнувшем голосе:

— Садитесь, пожалуйста!

Учитель мягко взял его за плечи, собираясь усадить на место. Гибким движением Юра уклонился от его рук и громко сказал в лицо учителю:

— Я к бабушке в гости еду. Совсем я не больной.

Все обернулись к мальчику.

— Мама всем сказала неправду.

Женщина уже опустилась на уступленное ей другим место. Автобус тронулся. Юра от толчка качнулся, роняя свёртки, которые он держал в руках, упал на своё место и заплакал, спрятав в ладони лицо.

В автобусе стало очень тихо, слышался только горький плач мальчика.

Учитель растерянно смотрел на него.

Колхозница глядела на Юру и покачивала головой.

Учитель осторожно положил руку на стриженую голову мальчика, погладил его по волосам, о чём-то задумавшись. Потом он взял Юру за подбородок и поднял его лицо, всё в слезах. Мальчик доверчиво смотрел на учителя.

— Перестань плакать, Юра! Вытри глаза... Ты — честный мальчик. Ну, вытри слёзы!..

Кому что нравится

Н. Садовый

Рисунки В. Бубенщикова

Расселись ребята
На брёвнышке в ряд
И тихо о школе
Втроём говорят.
— Мне нравится школа,—
Наташа сказала.—
Всю жизнь я о школе,
Ребята, мечтала.
— Учитель мне нравится,—
Петя сказал.—
Он строгий,
Каких я ещё не видал.
— А мне,—
Чуть подумав,
Промолвила Лена,—
Мне нравится
Больше всего...
Перемена.

Как книга состарилась

Н. Садовый *Рисунки В. Бубенщикова*

В новенькой книжке
На третьей странице
Прыгали в клетке
Щегол и синицы.
— Вот так картинка!—
Воскликнул Пахом.
Вырвал щегла
И наклеил в альбом.
В верхнем углу
На странице девятой
Пасся у речки
Козёл бородатый.
Эту страницу
С портретом козла
Вырвала Люба,
Домой унесла.
Были в той книжке
Пантера,

Волчица,
Коршун и слон,
Пеликан и лисица.
Нет больше в книжке
Ни птиц, ни зверей:
Их растаскали
Фома и Андрей.

Вредная Люба
И злые мальчишки
Век сократили
У новенькой книжки.
Где-то на полке
Пылится она.
Больше она
Никому не нужна.

Н. Садовый *Рисунки В. Бубенщикова*

Мама дочке говорила:
— Скоро сварится обед,
В магазин бы ты сходила,
Видишь —
Хлеба дома нет...
— Не могу,—

Сказала Лена,—
У меня болит...
Колено...
— Значит, плохо наше дело.
И давно болит?
— Давно...
— Очень жаль,
А я хотела
Взять тебя с собой в кино.
        Покраснев,
        Сказала Лена:
        — Кажется...
        Прошло колено...

Единоличное МНЕНИЕ

И. Пешкова *Рисунки Б. Ковецкого*

Только что окончился завтрак. Мишка знает, что сейчас все отряды в лагере начнут заниматься «по расписанию», и заранее зевает от скуки. Мишку Соловьёва оставили в лагере на вторую смену. Он снова попал в третий отряд, и лагерный распорядок, ещё не привычный для новичков, Мишке очень хорошо известен.

— Расписание для второй смены осталось то же. Это значит — после завтрака ребят ждут «прогулка в лес, игры и развлечения».

На «прогулке» все походят вокруг лагеря, девчонки пособирают цветы и, может быть, наловят бабочек. Впрочем, если говорить правду, на такой вылазке и цветов хороших не соберёшь. Откуда им взяться, если по этой дорожке каждый день «гуляют» отряды?

А игры? Мишку всякий раз разбирает смех, когда в распорядке дня он встречает это слово. Игры значит вот что. У лагеря солидный и богатый шеф — металлургический завод. Шефы очень здорово подготовили лагерь к открытию и, между прочим, понастроили много лодок-качалок, качелей, песочниц и грибков. Для малышей это ещё куда ни шло, а вот для таких, как Мишка, никак не подходит. Разве только иногда можно разгонять на качелях девчонок, так, чтобы те пищали, но, конечно, такой «игры» хватает ненадолго.

Развлечения... Тут Мишка немного оживляется: он вспоминает, что в первую смену на вечер развлечений к ним попал корреспондент городской газеты. Тогда Юля Цыпкина, старшая пионервожатая, проводила «кормление рыбок». Один пионер сидел на стуле и должен был поймать ртом приманку на удочке. Только на удочке, конечно, не было крючка. Просто к нитке привязывался кусочек хлеба со сметаной, который и нужно было ловить.

Мишка помнит, что Юле очень влетело за «рыбок», потому что корреспондент написал про них в газету. Но всё равно ему почему-то не верится, что сегодня не будет «кормления».

Мальчик уверен, что все сочувствуют ему за вторую смену. Кому станешь завидовать в таком лагере! Все, кроме единственного человека понимают, что Мишке скучно.

Этот единственный человек — старшая пионервожатая Юля Цыпкина. Ей шестнадцать лет, у неё маленький веснушчатый нос, круглые голубые глаза и тоненькие жёсткие косички. С виду вожатая совсем девчонка и скорее похожа на семиклассницу, чем на учащуюся педучилища.

Юля знает свой недостаток и очень рьяно старается его ис-

править. Говорит вожатая всегда очень серьёзно, как будто объясняет урок, и ребятам скучно её слушать.

Но Юля Цыпкина почему-то не замечает этого. Она обижается только, если пионерам не нравятся мероприятия, которые она намечает для них по плану. Цыпкина рассуждает просто: не нравится — значит, её не уважают. И сердится: она ведь старше, она лучше знает, что нужно!

Недавно Мишка подошёл к ней и очень вежливо сказал:

— Юлия Владимировна! Знаете, мне кажется, у нас не хватает живого уголка. Давайте куда-нибудь поход проведём, наловим ежей, птиц, лягушек. Ребятам понравится. Давайте, а?

Но Юля всё равно обиделась.

— На территории, которая отведена нам для прогулок, животный мир очень беден,— строго сказала вожатая.— А гербарии и насекомых мы и так собираем. По-моему, этого достаточно. Кроме того, живые уголки у нас не предусмотрены планом, и я не могу считаться с твоим единоличным мнением...

Вожатой казалось, что она ответила очень убедительно. План есть план. Его нужно выполнять и нечего нарушать разными выдумками.

Но Мишка разозлился.

Что ж, если его не поддерживают, он начнёт дело сам. Ему надоели гуляния по территории! Он сам поставит ловушку, сам поймает птиц и принесёт их в лагерь. И Юля тогда увидит, что «живой» уголок интересует не только его.

Вчера случай помог Мишке осуществить свой план. С дядей Костей, лагерным водовозом, по разрешению воспитателей всегда ездил кто-нибудь за водой на речку. Вчера в такую поездку отправился и Мишка, и, пока дядя Костя занимался своими делами, он успел установить в кустах за пригорком своё сооружение.

Сегодня Соловьёва уже определённо ждал улов, и мальчик готовился убежать из лагеря, чтобы довести свой план до конца. К тому же случай опять помог ему. Воспитательница Клавдия Петровна дежурила по столовой, а Юля Цыпкина уехала в город за новыми книгами для библиотеки. Его отсутствия никто не заметит.

* * *

В лесу было сумрачно. Только что серые лохматые облака плотно укутали солнце, словно хотели спрятать его от надвигавшегося дождя. Сосны сердито затрясли верхушками и, клонясь в разные стороны, норовили уколоть друг друга длинными упругими иглами. Стало неприветливо и тоскливо.

Мишке сделалось не по себе. Куда он идёт? Зачем? Ведь его неизбежно будут ругать. За самовольный уход из лагеря — раз, за нарушение плана — два, за...

Мальчику кажется, что он очень отчетливо слышит голос старшей вожатой: «Скажи, Соловьёв, ну где твоя сознательность?»— и в испуге оборачивается. Нет, это ему только кажется. И потом вообще не так страшно. Солнце снова выскользнуло из-за тучи, деревья перестали сердиться и только лениво отмахивались от беспокоившего их ветра.

Мишку уж не тревожит, будут ли его ругать. Ведь он скоро вернётся, принесёт птиц, все обрадуются и, конечно, простят ему эту прогулку. Да и горка уже совсем, совсем рядом...

Но что это? Забравшись на каменистую верхушку, Соловьёв вдруг остановился, как вкопанный. У ловушки были люди! Потом он быстро хлопнулся на живот и на всякий случай, отступая, отполз ещё несколько шагов. Не иначе, Юля выследила его и подослала ребят. Ну, ничего. Ещё посмотрим, что из этого выйдет.

Мишка осторожно пополз в обход горки, чтобы, оставаясь незамеченным, ближе разглядеть своего неприятеля. Осторожно раздвинув ветки, он выглянул из укрытия и страшно удивился.

В ловушке осторожно копошились два мальчугана лет по семи. Один из них был даже чем-то похож на Мишку — лобастый, с живым подвижным лицом и такими же, как у Соловьёва, упрямыми губами. Он осторожно развинчивал проволоку, с таким трудом прикреплённую Мишкой, и деловито сопел. Дру-

гой мальчишка был маленький, толстый, с круглой, как мяч, бритой головой, на которой широко расставленные тоже круглые глаза с нескрываемым восхищением следили за действием Мишкиного двойника.

Но Соловьёв уже поднялся с места и, отбросив всякую предосторожность, грозно приближался к мальчишкам, портившим чужое сокровище.

«Неприятели» так увлеклись игрой, что заметили опасность, когда Мишка уже был рядом. Тогда «двойник» спокойно отложил в сторону ещё не совсем доломанную ловушку и с прежним серьёзным выражением невозмутимо уставился на Соловьёва. Маленький, круглый, которого Мишка про себя окрестил «ватрушкой», спрятался за спину и вот-вот готовился зареветь.

— А где птицы? Птицы где?— только и мог выдавить из себя возмущённый Соловьёв, едва сдерживаясь, чтобы не хлопнуть нахального, как ему казалось, мальчишку по носу.

— Мы её хотели подержать,— начал объяснять «двойник». По очереди подержать. Сначала он, потом я... Ну, а она...

— Улетела,— захныкал «круглый».— Мы не нарочно, вот, честное слово.

Мишка не слушал.

— Где только вы взялись на мою голову? Что мне с вами делать?

Оказалось, что мальчишки «взялись» из соседней дачи заводского детского садика, что вместе с Надеждой Ивановной и другими ребятами они отправились гулять в лес, потом играли

в жмурки, убежали и нашли ловушку. «Когда это было?» «Утром»,— неопределенно сказал «круглый».— «Ну когда все на прогулку ходят, понимаете?»

Мишка поднялся. Так вот, оказывается, в чём дело! Мальчишки просто-напросто заблудились. Нечего сказать, весёлая историйка! Их уже, наверное, ищут, сбившись с ног, а они...

— А ты знаешь, где твоя дача? Помнишь? — спросил Соловьёв у бойкого.— Ну-ка? Расскажи, как надо идти, налево или направо?

— Налево,— решительно ткнул рукой в сторону лобастый.— Всё говорят, что дача налево от дороги, а дорога...

— Эх ты! — презрительно перебил Мишка.— Рассуждаешь! Говоришь «налево», а сам в правую сторону тычешь. Ну-ка за мной, марш!

Мишка размашисто зашагал в сторону, и мальчишки послушно побежали за ним. Но не успел Соловьёв обогнуть пригорок, как почти нос к носу столкнулся с незнакомой девушкой. Казалось, она только и ждала этой встречи.

— Толя, Серёжа! — закричала она.— Нашлись, негодники! А я сколько обегала, как волновалась! Безобразие!

Однако по лицу девушки никак нельзя было подумать, что она сердится. В глазах её прыгали счастливые огоньки, и вся она светилась такой радостью, что Мишка сам начал улыбаться.

— Надежда Ивановна! Надежда Ивановна, это он! — завизжали мальчишки.— Мы вместе пришли, у него ловушка...

Девушка обернулась к Мишке. Она посмотрела на его пионерский галстук и сказала с сожалением:

— Мы задержали тебя, мальчик? Тебе в лагере, наверное, поручили какое-нибудь дело? Представляю, как вам интересно в этом лесу!

Через минуту она почему-то забыла, что только что назвала Мишку «взрослым» и совсем, как маленькому, объяснила:

— Ты мне очень помог. Понимаешь, я так волновалась, думала, что они утонули, заблудились... Так что можешь считать, что ты спас утопающих...

Она весело засмеялась, тряхнув кудряшками, и протянула Соловьёву руку.

— Ну, до свиданья, мальчик. Нам нужно торопиться.

Она подхватила «ватрушку» и «двойника» за руки и быстро исчезла в кустарнике.

Мишка постоял немного и тоже зашагал по направлению к лагерю. Он торжествовал. Значит, не только он, значит, и взрослые, и Надежда Ивановна понимают, как много можно сделать в этом лесу. Значит, это совсем не его индивидуальное мнение. Сейчас он скажет об этом старшей вожатой. И пусть она обижается сколько угодно, всё равно нужно создать живой уголок, собрать коллекции, пойти в настоящий поход...

„Начальник“

Е. Хоринская

Рисунки Е. Гилёвой

Вова Пнёв почти с пелёнок
Стал активней всех ребят,
— Замечательный ребёнок! —
Так про Вову говорят.

Вова всем даёт заданья,
Вове некогда вздохнуть —
Совещанья, заседанья,
Заседанья да собранья.
Он актив — не кто-нибудь!

Услыхав про чью-то двойку,
Скажет: мы должны помочь!
Прикрепит он Славу, Клаву.
Ну, а сам уходит прочь!

Если выведет бригаду
Вова в школьный огород,
Сразу он даёт команду:
— За работу все! Вперёд!

Сам заложит руки в брюки,
Гордо встанет у межи...
— Вовка, брось ты эти штуки!
Ты возьми лопату в руки
Да пример нам покажи!

Он ответит, что «во-первых,
Ты мне действуешь на нервы,
Обойдётся, во-вторых,
Без советов без твоих,
В-третьих, знаю сам, как быть.
Должен я руководить!»

Раз на сборе порешили,
Что утиль мы соберём.
Все ребята притащили
Тряпки, вёдра, всякий лом.

Вова наш явился в срок,
Был он с нами очень строг.
Задавал он всем вопрос:
Что ты мало так принёс?

Знали Вовин мы обычай.
Тоже задали вопрос:
— Ну, а где твоя добыча
Что ты сам, дружок, принёс?

— Как я мог нести утиль,
В нём микробы, грязь и пыль?
Я, конечно, не могу,
Я здоровье берегу!

Тут сказали мы сурово:
— Всё понятно. Вот что, Вова:
Уходи домой, во-первых,
И не порти людям нервы,
Обойдёмся, во-вторых,
Без начальников таких;

В-третьих, вывод очень прост:
Отдыхай, пожалуйста.
Вывод прост: на этот пост
Будет новый староста!

Смокки — крысиная смерть

Б. Рябинин *Рисунки П. Кожевникова*

— Кого ты привёл?!

Всплеснув руками, мать возмущённо переводила взгляд то на меня, то на собаку.

Представьте себе существо невыразимо грязное, кудлатое, с шерстью неопределённого цвета, свалявшейся и висевшей клочьями, росшей столь буйно, что под нею с трудом можно было рассмотреть два карих, печально смотревших глаза.

Опустив голову и коротенький хвост, Смокки стояла посреди комнаты, широко расставив грязные лапы с изломанными когтями, не проявляя никакого интереса к окружающему.

— Ну, и красавица! Где ты взял её? Она же больная!..— ахала и охала мать, осматривая собаку.

В комнату вошла сестра.

— Это что за урод?

— Это не урод, а фокстерьер...

— Для чего ты привёл её к нам? — последовал второй неумолимый вопрос.

Сказать откровенно, вот о том, как могут встретить собаку мои домашние, я совсем и не подумал, решив взять Смокки.

Попробовал схитрить.

— Знакомые попросили меня, чтобы она пожила у нас...

— А ты уж и рад стараться! А как же Бенношка?

Впустили Бенно, который уже давно скрёбся за дверью, требуя, чтобы ему тоже доставили возможность посмотреть на «красавицу».

Горделиво напружиненный и насторожённый, не выказывая, однако, особых признаков враждебности, он принялся обнюхивать незванную пришелицу с головы до ног,— обычная у собак манера знакомиться.

Смокки немного оживилась. Глаза заблестели, хвостик поднялся; задрав кудлатую мордочку, она ткнулась ею в морду доберман-пинчера. Рядом с ним она выглядела совсем крошкой, а его холёный вид только ещё больше подчёркивал её безобразие.

Но оживления хватило ненадолго. Глаза потухли, хвост вернулся в прежнее положение. Смокки снова сделалась печально безразличной ко всему.

Прежняя хозяйка Смокки не любила собаку и, уезжая, бросила её на произвол судьбы. В жизни маленького отвергнутого существа началась длительная полоса невзгод и лишений.

Смокки отощала, курчавая шерсть её свалялась, покрылась грязью, из белой превратилась в серую с жёлтыми, как будто подпалёнными, пятнами. Глаза воспалились и стали слезиться.

Брезгливые люди морщились при виде Смокки. Она выглядела хуже самой последней дворняжки.

Я случайно увидел её и с первого взгляда понял, что передо мной чистейший фокстерьер, только чрезвычайно запущенный.

Как можно не интересоваться судьбой такой собаки? У последних хозяев её я осведомился лишь о кличке; всё остальное было ясно и так. Отдали мне её охотно.

Приём, который она встретила у меня дома, конечно, не мог не обескуражить меня, особенно, если учесть, что я целый день на работе и за собакой должны приглядывать сестра и мать, но решил не сдаваться.

Унылая и равнодушная, простояла она минут пятнадцать.

Вдруг висячие ушки её дернулись и насторожились. Обрубленный кучерявый хвостик вновь прыгнул вверх и больше уже не опускался. Мгновение Смокки прислушивалась, затем с прытью, какой от неё никто не ожидал, бросилась в угол, где стоял шкаф с посудой.

Между шкафом и стеной была узкая щель. Смокки втиснулась в неё, так что наружу осталась торчать только её куцая кочерыжка, и замерла.

— Что это она?.. — недоумевали женщины.

— Крыс почуяла!

Я торжествовал: наконец-то хоть какое-то проявление жизни в этом забитом существе! Но признаться, что Смокки останется у нас «совсем», так и не решился.

Бенно уселся против шкафа и, глядя на Смоккин обрубок, принялся ждать, что будет дальше. В комнате стало тихо.

Мать и сестра ушли по своим делам. Я тоже скоро покинул комнату. На какое-то время о Смоккином присутствии просто позабыли. Прошло часа полтора или два.

И вдруг тишину нарушил отчаянный писк. Я поспешно выглянул в дверь. Хвост Смокки судорожно дёрнулся, и она, как вытолкнутая пружиной, выпрыгнула на середину комнаты. В пасти у неё болталась мёртвая крыса.

Крыс было много в нашем доме. Мы не могли выжить их никакими средствами. В большом старом здании с подвалом, с бесчисленными тёмными углами и закоулками, где хранится всякая рухлядь, избавиться от них очень трудно. Нередко эти отвратительные нахальные создания шмыгали в тёмном коридоре под ногами, пугая людей. Замечено, что в отдельные годы крыс бывает особенно много. Потом они куда-то исчезают. У нас они, кажется, не переводились никогда. Но вот появилась Смокки — и всё изменилось. Крысам не стало житья.

Смокки ловила их повсюду. Целыми часами высиживала она неподвижно где-нибудь в углу у крысиной лазейки. Однако излюбленным местом для охоты долгое время оставалась щель за шкафом.

Иногда крыса пыталась спастись бегством. Смокки кидалась за нею. В ловлю ввязывался доберман. В доме начинался полный тарарам. С грохотом летели стулья, с этажерки валились книги, случалось, со стола падала и разбивалась посуда. Но крыса неизменно оказывалась в острых зубах Смокки.

Охота не прекращалась круглые сутки. Кончилось это полным изгнанием крыс из нашего дома.

Наступил перерыв в охотничьих подвигах Смокки. Обитатели дома хвалили собаку, не могли нахвалиться. Вот тебе и Смокки, вот тебе и грязнушка! Теперь мне и заикнуться никто не дал бы, чтоб отдать Смокки в другие руки. Мои мать и сестра не чаяли в ней души.

Смокки начала заметно поправляться. Она округлилась, налилась мускулами, совсем другой стала шерсть, перестали гноиться глаза.

В первый же день, как она поселилась у нас, я вымыл её тёплой водой с мылом. И тогда она явилась в своём настоящем окрасе, превратившись из серожелтой в белую. Только голова и хвост были пепельно-серыми, отчего, повидимому, она и получила кличку «Смокки». В переводе на русский это значило: «пепельная». Лишние, непомерно длинные, свалявшиеся космы её я выщипал [1], после тщательно расчесал всю чистым гребнем, и Смокки стала элегантным, с курчавой бородой и усами, жесткошерстным фокстерьером.

Теперь каждый мало-мальски понимающий толк в фоксах любовался ею.

Изменился и нрав собаки. У неё появились живость, желание поласкаться. Она даже научилась нежиться. Когда топилась печь, Смокки садилась перед открытой дверцей и, жмурясь, смотрела прямо на жарко пылавшие дрова. Время от времени она сладко потягивалась, потом, когда жар становился непереносим, повёртывалась к огню спиной и, порой выгибая её, могла сидеть так бесконечно.

---

[1] Жесткошерстные фокстерьеры, так же как и эрдель-терьеры, не линяют, а их выщипывают два раза в году, оставляя усы и бороду на морде и мохнатые ноги. В промежутках между щипками они обычно сильно обрастают и превращаются в кудлатых овечек; именно такой предстала передо мной Смокки, когда я впервые увидел её.

На улице Смокки была необыкновенно резва. Вислые ушки всегда приподняты настороже, обрубленный хвостик торчит кверху, подёргиваясь, как заводной. Вся напружиненная, задыхаясь от стесняющего её ошейника, Смокки азартно тащит хозяина за собой. Я едва удерживаю в руках поводок — с такой силой тянет его Смокки.

Но вот прогулка окончена. И Смокки притихла, куда девались её живость и резвость! Она делалась совершенно неузнаваемой: тихая, покорная.

Очевидно, прошлые невзгоды всё же отложили свой след, поэтому в помещении она никогда не играла, не резвилась. Так, попрыгает немного на меня, когда я приду домой, выражая свою радость, и — всё.

Мы с Бенно затеем возню, а она смотрит на нас внимательно, следит с интересом за всем, поблескивая из-под мохнатых «насупленных» бровей живыми умными глазками, но чтобы сама поиграла — ни-ни! Не заставишь ни за что. В этом отношении она представляла редкое исключение, не походя ни на одного знакомого мне фокстерьера.

Дома одни лишь крысы были способны пробудить ее активность.

Со временем выяснилось, что не только крыс она умеет ловить так мастерски.

Как-то отправились мы на прогулку. По обыкновению, я вёл Смокки на поводке, Бенно бежал впереди. Шли мирно, никого не собирались задевать. Вдруг, откуда ни возьмись, с карниза ближнего дома, точно камень, свалился большой серый кот. С свирепым шипением, задрав трубой распушённый хвост, он вскочил на спину Бенно.

Мгновением позднее прыгнула Смокки. Она буквально «сняла» кота со спины добермана. Изогнувшись змеёй, кот впился когтями и зубами в мордочку Смокки. Но она ловко стряхнула его с себя, хотя сама была немногим больше кота; не давая ему опомниться, тут же атаковала его и... бедный кот! Что я ещё могу сказать? Наверное, он никак не рассчитывал, нападая на добермана, что всё так быстро и так плохо для него кончится.

Это была какая-то напасть. Я вовсе не желал зла кошкам;

но они, как нарочно, сами набегали на нас. Уже в нескольких домах соседи не досчитывались своих любимиц. Узнай они, кто виновник гибели кошек, не сдобровать бы моей Смокки. Не помогли бы и её прежние заслуги.

Все фоксы невероятные драчуны и забияки. Не отстала в этом отношении и Смокки. С Бенно у них установилась дружба с первого дня. Но насчёт других собак...

Раз из соседнего двора выскочила овчарка и бросилась на Бенно. Доберман мог бы и сам за себя постоять, но просто не успел это сделать. Его опередила Смокки. Подскочив на всех четырёх лапах, как мячик, она впилась овчарке прямо в нос.

Испугавшись за Смокки — много ли такой козявке надо! — я, оторвав её от овчарки, поспешно подхватил на руки. Но не тут-то было! Смокки вырвалась и, злей прежнего, с неукротимой отвагой и энергией и, как всегда, молчком, ещё раз повторила ту же операцию с носом овчарки. Не ожидавший такого наскока, бедный пёс взвыл от боли (нос — самое чувствительное место у собак) и, поджав хвост, пустился наутёк, преследуемый Бенно. Бенно даже не довелось померяться с ним силами. Ай да «козявка»! Муха испугала слона!

Это маленькое существо обладало неудержимой храбростью, и позднее я имел возможность ещё не раз убедиться в её бесстрашии.

Известно, что фоксы могут самоотверженно защищать хозяина и способны обратить в бегство несравнимо сильнейшего противника. Глядя на Смокки, я частенько раздумывал над тем, что такая собачка могла бы с успехом быть использована для службы связи, в кавалерии, например. Портативная — можно сделать удобную клетку-корзинку, приторочил на седло — и марш-марш, поехали. Пустили с донесением — она несётся, как пуля; убить трудно, поймать ещё труднее. А повстречался враг — ого, она сумеет постоять за себя! Наша Смокки наглядно демонстрировала это.

А дома, дома... ну кто бы мог подумать, глядя на неё дома, что эта тихоня может проделывать такие штуки?!

Терпению у Смокки могла поучиться любая собака.

Моя сестра, в то время студентка института, готовила дип-

ломный проект, просиживая над ним дни и ночи. Смокки усаживалась тут же рядышком на стуле и, глубокомысленно уставясь на бумаги, способна сидеть так целыми часами. Иногда глаза её смыкались, и она начинала дремать, но со стула не уходила.

— Смокки! — окликнет её сестра.

Смокки встрепенётся, поспешно раскрыв глаза, и, как ни в чём не бывало, опять примется внимательно смотреть на чертежи.

Приближалась весна. В окнах выставили зимние рамы. И вот, с наступлением тёплых дней, Смокки начала вести себя как-то странно.

Она попрежнему подолгу сидела на стуле рядом с работающей студенткой, но иногда внезапно начинала проявлять признаки сильного беспокойства. Вскакивала на лапы, ёрзала, тянулась мордочкой к чертежам. Даже повизгивала от волнения.

— Что с тобой, Смокки? — отрываясь от работы, с недоумением спрашивала сестра.

Смокки немного успокаивалась, опять чинно усаживалась на стуле, но — ненадолго. Через некоторое время всё повторялось сначала. Один раз Смокки так увлеклась своими непонятными переживаниями, что даже положила лапу на чертёж, за что тут же с позором была изгнана со своего наблюдательного пункта.

Несколько дней сестра не разрешала ей садиться около себя. Потом постепенно сменила гнев на милость, и Смокки опять водворилась на заветное место.

Прошёл день или два, и вдруг однажды Смокки, точно её ужалила пчела, сорвалась со стула и прыгнула прямо на чертежи. Бумаги полетели на пол, флакон с тушью повалился на бок, неплотно заткнутая пробка выскочила из горлышка, и только по счастливой случайности чёрное жирное пятно не расползлось по чертежу... Сестра вскочила испуганно, не понимая, что это значит.

Смокки же... азартно ловила муху! Оказывается, она уже давно с напряжённым вниманием следила за этими крохотными, быстро бегающими по чертежу созданиями, обуреваемая

желанием схватить их; а мы-то не догадывались, что с нею! Пришлёпнув муху лапой, Смокки аппетитно слизнула её языком и, удовлетворённая, спрыгнула со стола.

Как-то у себя на службе я разговорился с председателем подшефного колхоза. Каким-то образом речь зашла о Смокки. Я рассказал о её крысоловных подвигах.

Председатель слушал меня с живейшим интересом.

Когда я замолчал, он сказал:

— Дай ты нам хоть на недельку эту самую... Смокку! Заели нас проклятые хомяки. Сколь убытку от них терпим — не сосчитать!

Он просил так настойчиво, что я согласился.

В ближайший выходной день я отвёз Смокки в колхоз, наказав беречь её и особенно следить, чтобы ей не попадались кошки. При мне собаку закрыли в хлебном амбаре, почти свободном в эту пору от зерна, а несколько ребятишек остались на всякий случай дежурить около дверей.

Ровно через неделю, в следующее воскресенье, я снова поехал в колхоз, захватив с собой добермана.

Председатель встретил меня смущённо. С минуту он мямлил что-то неопределённое, а потом, наконец, признался, что Смокки потерялась. Ищут, но найти не могут.

Из дальнейшего разговора выяснилось следующее.

Наутро — после того, как я уехал, оставив Смокки,— открыв амбар, колхозники обнаружили в нём десятка полтора задушенных и валявшихся в разных углах крыс. Это была работа Смокки. Сама она сидела у норы, сделанной крысами в полу амбара, и караулила очередную добычу. Она была так увлечена своим занятием, что даже отказалась принять пищу, только полакала молока, вместительную плошку с которым поставили для нее около порога.

Поперёк Смоккиного носа красовалась глубокая свежая царапина — напоминание о той битве, которая, видимо, происходила тут ночью. В остальном вид у неё был самый боевой. Она дружелюбно помахала хвостиком пришедшим проведать её людям и снова удалилась в тёмную глубину амбара.

Она провела в первом амбаре двое суток, удавив за это время не менее трёх десятков крыс. Столько же во втором и третьем. Таким образом, меньше чем за неделю она очистила от хищников все основные зернохранилища колхоза.

Последнюю ночь, председатель, вполне удовлетворённый работой Смокки в хозяйственных помещениях артели, собирался оставить её у себя в квартире, как вдруг накануне выходного дня на колхозной птицеферме была обнаружена пропажа нескольких кур. По признакам, птичник посетила лиса. Возле стены остался небольшой подкоп, через который она проникла в помещение, на земле валялись перья и виднелись следы крови.

Председатель решил испытать способности Смокки на лисе.

Лисий подкоп зарыли и поместили фокстерьера в курятник.

Правда, не обошлось и тут без греха. Сразу же с порога Смокки так резво бросилась в гущу птицы, что, прежде чем её успели остановить, она уже придушила двух несушек.

Однако председатель вполне резонно решил, что это ещё не дорогая цена за лису. Кур перевели в соседнее помещение, и Смокки осталась в одиночестве. По расчётам председателя, лисица должна была явиться ночью за очередной добычей и тут её и накроет Смокки.

Но наутро курятник, где закрыли собаку, оказался пуст. Подкоп был разрыт. Смокки исчезла. В тревоге председатель разослал повсюду колхозников искать беглянку, но её и след простыл.

Вместе с председателем и Бенно я отправился на место происшествия. Я надеялся, что Бенно, так кстати захваченный мною с собой, поможет в розысках, и не ошибся.

Учуяв в курятнике знакомый запах Смокки, доберман-пинчер заволновался, забегал, напряженно обнюхивая стену и особенно подкоп. Я вывел его к наружной стороне лазейки. Тыча рукой в разрытую землю, настойчиво повторял:

— Смокки, Смокки... ищи!

Бенно закружился на месте, затем, не отрывая носа от земли, быстро побежал от птичника к лесу. Я, сопровождаемый несколькими колхозниками с председателем во главе, едва поспевал за ним.

Доберман привёл нас к оврагу, скрытому в лесной чаще. Обрывистые склоны его поросли молодыми сосёнками и пихтами, вокруг шумел густой сосновый бор.

Под узловатыми, извившимися, будто змеи, корнями большой сосны Бенно отыскал узкую нору, уходившую под землю. При виде её колхозники обрадованно разъяснили мне, что это лисья нора, да я и сам понимал это.

Значит, Смокки преследовала дерзкую похитительницу по пятам! Теперь в этом можно было не сомневаться. Но где же она, наша бесстрашная Смокки? Не нашёл ли свой конец маленький увлекающийся фокстерьер в борьбе с хитрым и значительно более крупным и сильным хищником? Лиса — не крыса и не кошка... Правда, фокстерьеров применяют для охоты на лисиц, но в этом случае они обычно действуют не в одиночку, а целой сворой.

— Надо найти другие выходы норы,— распорядился председатель.— А у этой разложить костёр. От дыма лиса вылезет наружу.

После долгих поисков среди корней молодой пихты, действительно, нашли ещё одну лазейку, едва заметную под скрывающим её хворостом. Колхозники оцепили нору, развели огонь. Скоро тёмное отверстие лазейки затянуло едким сизым дымом.

В норе кто-то завозился. Послышалось яростное фырканье, потом чиханье и из-под корней появилась... кудлатая мордочка Смокки!

Выглядела она уморительно. От глинистой почвы из белой превратилась в рыжую, глаза, ноздри, губы окаймлены комочками сырой земли. Залепленный глиной язык висел, как грязная тряпка. Учащённое дыхание с шумом и свистом вырывалось из пасти.

Но главное, что она была жива, невредима! Увидев меня и Бенно, она радостно попрыгала на нас, затем, по своему обыкновению быстро успокоившись, села с умильным видом, как бы спрашивая: «А ну, что прикажете делать дальше?»

Когда первое возбуждение, вызванное её появлением, улеглось, вспомнили, а где же лиса? Из норы больше так никто и не появился.

— Надо разрыть! — сказал председатель.— Доконать! А то от неё всё равно житья не будет. Раз повадилась ходить за курами, не отстанет, пока всех не перетаскает. На другое место переселится, а за добычей — жди, придёт.

Сбегали за лопатами. Нора оказалась очень глубокой. Своими извилинами она уходила далеко под корни деревьев. У землекопов по лицам катился пот; они рыли, сменяя друг друга. Наконец, узкий длинный лаз расширился. В глубине перед самым логовом лежала задушенная лиса. Своим телом она закрывала четырёх, тоже мёртвых, лисят. Смокки справилась со всеми пятерыми.

С трофеем в виде пяти лисьих шкурок мы возвращались обратно. Ну, Смокки— отличилась! Все разговоры вертелись около неё. Конечно, вспомнили опять про передушенных ею крыс.

— Сколь вреда от них терпим! — сокрушённо заметил один из пожилых колхозников, почти из слова в слово повторяя однажды высказанную мне жалобу председателя.— Отрава их не берёт. Зачем им отраву брать, когда вокруг еды — ешь, не хочу, зерна горы...

— Кажинный год, как семена с осени в закрома засыпать, так процент «на крыс» высчитывать,— заметил другой.— Ровно подать какую платим...

— А зачем терпеть? Почему бы вам не завести парочку-другую таких? — показал я на Смокки.— Они бы управились. Щенков я помог бы вам достать. От той же Смокки...

— От неё? — сказал первый колхозник, уважительно взглянув на Смокки.— Не плохо бы. Настоящая крысиная смерть!.. Как скажешь, председатель?

Председатель ответил, почесав в затылке:

— Надо подумать...

С вечерним поездом я с Бенно и Смокки вернулся домой.

Лето

Е. Ружанский *Рисунки В. Яковлева*

Что такое лето?
Это —
Года лучшая пора;
И прогулки,
и беседы
У весёлого костра.

Зреют ягоды, плоды.
Разрастаются сады.

Это наших пионеров
Коллективные труды.

Мы шиповник собираем,
На реке коней купаем,
Ловим ящериц, жуков
И ужей, и мотыльков.

Поныряем —
и на пляже
Отдохнуть у речки ляжем.
Хорошо, как никогда:
Солнце,
воздух
и вода!

Здесь под солнышком горячим
Загораем на песке,
И судачим,
и рыбачим
С длинной удочкой в руке...

Что такое лето?
Это —
Года лучшая пора!
Ярким солнышком согрета,
Любит лето детвора.

САД

А. Кукарский *Рисунки А. Артемьева*

Возле школы пионеры
Посадили клёны,
Чтобы перед окнами
Сад шумел зелёный.

Чтобы сердце радовал,
И порою вешней
Первый гость крылатый
Прилетал в скворешню.

Случай в сумке

Сказка

О. Кваша *Рисунки М. Заводчикова*

Первоклассница Надя уснула.

Надина школьная сумка в этот вечер стояла, как всегда, на месте, возле тумбочки, но почему-то была не закрыта, и из неё выглядывали букварь и задачник. В спешке Надя не складывала, а толкала в сумку школьные вещи, как пришлось, и буквенная касса вместе с указкой попала в середину задачника.

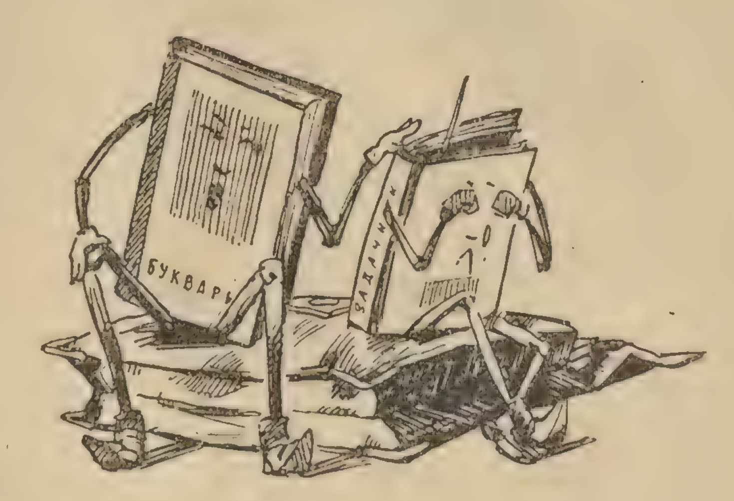
От этого бедный задачник никак не мог закрыться и уснуть. Он чувствовал себя как мальчик, съевший перед сном слишком

много арбуза: живот его распирала буквенная касса, а указка давила в самое сердце. Вздыхая, задачник всё время шептал:

— Сколько... Сколько будет давить?

Букварь, который знал много, сказал, зевая на каждом слоге:

— Это тво-и за-клад-ки. При-вы-кай к ним.

— А сколько закладок можно класть в одно место? Сколько закладок кладут тебе между двумя листочками? — спросил задачник.

Но букварь, который знал много, совсем не умел считать, он сказал:

— Надя умеет считать. Она спит. Надя — школьница. Школьница плохо сложила книги. Меня сунула косо. Торчи, букварь, косо!

Тут букварь, который никогда в жизни не плакал, не удержался и заголосил.

Но Надя крепко спала и ничего не слышала.

Тогда задачник тоже заплакал и спросил:

— Если плачут две книги, то сколько получится слез?

Букварь ответил:

— Надя умеет считать. Она спит. Спи и ты, задачник...

— Если у меня живот болит, как будто я съел арбуз, то сколько будет болеть мой живот?

Тогда букварь вспомнил, что делала Надя, когда её соседка по парте мешала ей на уроке: он протянул руку и громко, на всю сумку, сказал:

— А задачник мешает мне спать!

Задачник испугался, что его накажут, и замолчал.

С первого сентября задачник и букварь жили в одном отделении новой Надиной сумки, но дружбы у них не получалось. Букварь знал очень много, он любил рассказывать и терпеть не мог, когда его рассказ прерывали каким-нибудь вопросом.

Однажды рассказывал он задачнику про кота и мышку. Хорошо так рассказывал:

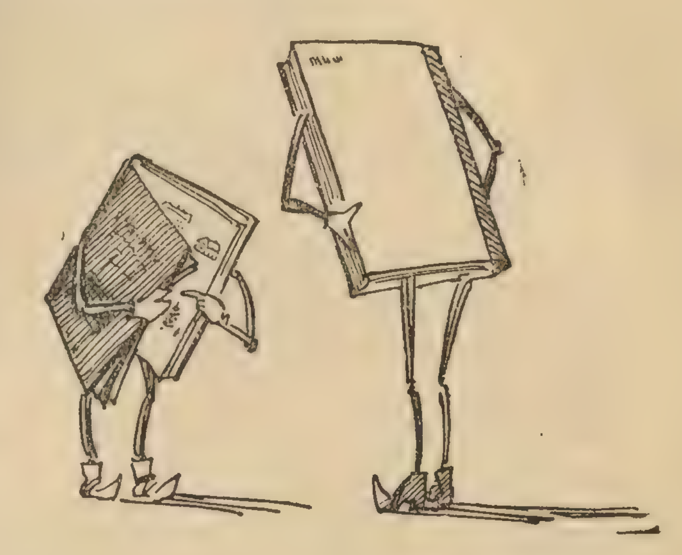
— Утро. Тихо-тихо. У норки мышка. У мышки норка. Кот Пушок ловит мышку. А мышка...

Тут задачник перебил:

— А сколько лапок у кошки и у мышки вместе?

В другой раз задачник сам стал рассказывать что-то тоже про котят:

— Играли три котёнка, подбежал ещё котёнок...

Задачник даже показал их у себя на картинке. Все разные: беленький, серенький и чёрненький. Вот они мирно играют клубком ниток, а к ним подбегает ещё котёнок, может быть, совсем чужой... Что ж будет дальше? И вдруг:

— Сколько всего стало котят?

От такого вопроса букварь почувствовал себя так, как будто его облили чернилами.

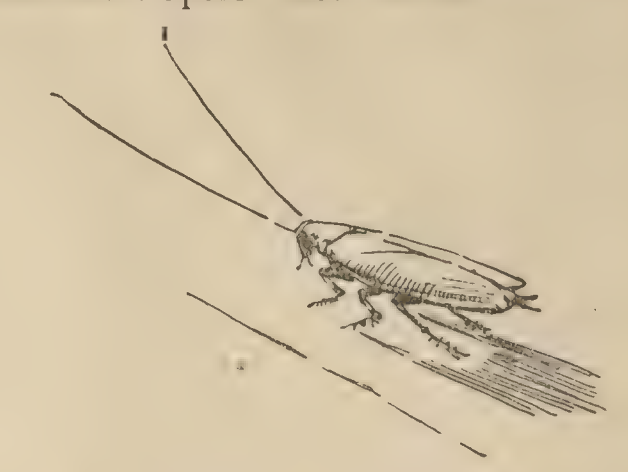
Букварь очень любопытен и первое время часто заглядывал к задачнику в картинки. Так вот, только заглянет букварь к задачнику в картинки, а тот сразу и спрашивает:

— А сколько здесь шариков, орехов, мячей?

А у букваря сразу в глазах зарябит и всё перемешается,— не поймешь, где орехи, а где мячи. Решил букварь совсем к задачнику в картинки не заглядывать и правильно сделал: к середине года у задачника почти и картинок не стало, остались одни только цифры...

Когда букварь закрыл глаза, задачнику ещё сильнее захотелось спать.

Но тут он услышал какие-то звуки. По сумке взбирался таракан Тар и во все своё тараканье горло пел песню:

— Я таракан,
Бью в барабан.
Сюда, тараканы, смело!
Свет не горит,
Школьница спит,
Завтрак она не доела...
Быстро бегом,
Путь нам знаком.
Берись, тараканы за дело!

От страха и отвращения листочки букваря задрожали, но он не хотел показаться Тару трусом. Плотно сжав листы обложки, он закричал как можно громче:

— Куда ушла наша кошка? Бери, Мура, Тара!

Тар хорошо знал, что у Нади в квартире нет кошки. Он не испугался и сказал, поводя усами.

— Слушай, ты, букварь, ведь ты сейчас врёшь, хоть и много знаешь!

— Сам Тара придавлю,— закричал букварь.

Испугался Тар. «Полезу,— думает,— я лучше на кухню, может, там хоть одну немытую ложку найду, хоть чайную».

Таракан уполз в кухню, букварь и задачник, наконец, уснули.

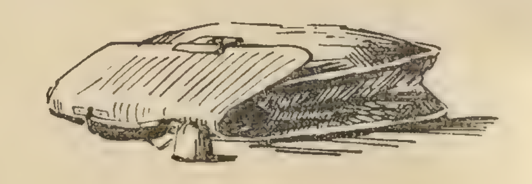
Но сон их был тревожным.

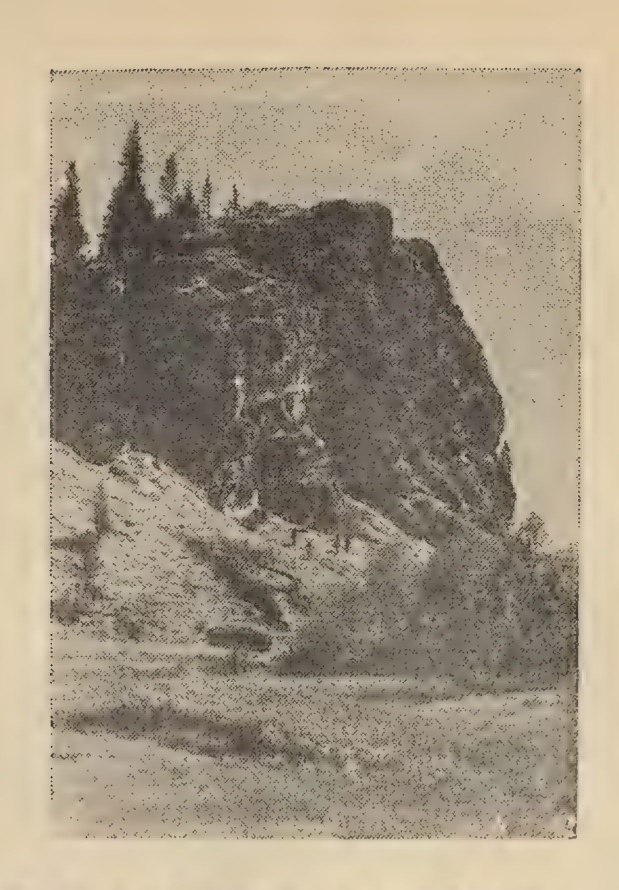
Трудно спать книге, поставленной косо, а ещё труднее спать книге, если в неё положили указку и буквенную кассу. Задачник и во сне всё время спрашивал:

— Сколько?... Сколько?...

А букварь даже закричал:

— Школьница, перед сном проверь свою сумку!

АЛИКАЕВ КАМЕНЬ

М. Уралец

Вы, ребята, конечно, любите родной Урал, любите его горы, скалы, леса, синеющие дали, его пруды, озёра и реки. Сколько красивых мест на Урале, как интересно его прошлое!

За городом Красноуфимском, недалеко от Дома отдыха «Сарана», возвышается величественная группа скал — Аликаев камень. Скалы Аликаева камня поднимаются над небольшой горной речкой грандиозной отвесной стеной, словно грозная крепость. Вершины утёсов царят над окрестностями, и с них открывается вид на синеющие горы, на зелёное море лесов, на вьющуюся причудливыми петлями речку. Скалы прорезаны посередине глубоким ущельем, по которому можно сползти по круче с самой вершины до русла реки. Впадины, гроты, пещерки придают этому месту особую таинственность. По народным преданиям, Аликаев камень являлся пристанищем разбойника Аликая и его дружины.

Аликай — лицо историческое. Это — заводский мастеровой, восставший против гнёта заводчиков и их прихвостней. Он бежал в горы, организовал дружину вольницы, которая совершала лихие набеги на заводских управителей, купцов и царских чиновников. Аликай стал легендарным народным героем, память о котором сохранилась на долгие годы.

Об Аликае сложено много легенд. Одну из них рассказывал старый колхозник Александр Таланцев.

В легенде говорится, что сын бедняка-татарина Аликай убежал от злой неволи в горы, набрал удалую дружину и стал совершать лихие набеги на купеческие караваны, на заводских управителей и казну. Население стояло горой за Аликая, местные власти были бессильны бороться с ним. Народной вольницей были разгромлены два войска, посланные московским царём. Но третье, несметное царское войско окружило Аликая у скалы. Чтобы не сдаваться царским слугам, Аликай бросился с вершины скалы, которая теперь носит его имя.

Б. Дижур *Рисунок Н. Мамчича*

Я хочу рассказать вам, ребята, об одном веществе, без которого никто из нас не может прожить и несколько мгновений.

Оно окружает нас повсюду. Оно не имеет ни запаха, ни вкуса, ни цвета. Оно невидимо и неощутимо. Чаще всего мы забываем о его существовании, хотя беспрерывно пользуемся им: во сне и наяву, во время работы и во время отдыха, в младенчестве, в зрелом возрасте и в глубокой старости.

Что же это за вещество? Без чего человек не может прожить?

Без пищи? Да. Она очень нужна. Но некоторое время можно обойтись без нее.

Когда я была совсем маленькой девочкой, к моему отцу в гости приходил его друг. Отец говорил, что это революционер, недавно выпущенный из тюрьмы. Возмущённый безобразным

отношением царских тюремщиков к заключённым, он объявил голодовку. Тринадцать дней он отказывался от пищи. От отца же я слышала о голодовках, которые длились и дольше.

Человек при этом теряет силы, слабеет, но не умирает.

Труднее обойтись без воды. Но для выносливого человека и это возможно.

Кто не слыхал о путешественниках, много дней изнывающих в пустыне от жажды, но настойчиво двигающихся вперёд.

А без воздуха?

Самый здоровый человек не может не дышать.

Не дышать — это значит, не жить.

Первый вдох новорождённого сопровождается криком. И он радует нас.

— Ребёнок жив! — говорим мы.

И, наоборот, с тревогой следим за тяжело больным: жив ли он?

Потому что остановка дыхания — смерть.

Не случайно, желая определить своё отношение к человеку или к какому-нибудь предмету, мы говорим: он нужен мне, как воздух!

Воздух нужен не только нам. В нём нуждаются животные и растения. Вот почему изучением воздуха издавна интересуются учёные разных специальностей: ботаники, физики, химики, врачи.

Теперь воздух хорошо изучен. Мы знаем, что это смесь газов. Даже школьники младших классов знают названия этих газов: азот, кислород, углекислый газ.

Вдыхая в себя воздух, мы большую его часть выдыхаем обратно без изменения. Кислород же остается в наших лёгких, переходит в кровь.

Тончайшие кровеносные сосудики словно сеткой покрывают мозг, подводят кровь к мышцам, к коже и внутренним органам. И каждая клеточка нашего тела беспрестанно получает свежий приток кислорода.

Для чего же он нужен? Какова его роль в организме?

Клетки нашего тела хочется сравнить с крохотными кладовыми. В них хранятся запасы жира, сахара, крахмала белка.

Но кладовая это не обычная! Запасы в ней непостоянны. Они всё время находятся в движении: расходуются, вновь пополняются. И в этом беспрерывном изменении состава клеток участвует кислород.

Каждая мельчайшая частичка «продуктов» нашего тела, словно аккумулятор, заряженный энергией.

Освободить эту энергию — вот в чём задача кислорода. И деятельный газ прекрасно справляется со своими обязанностями. Он неутомимо трудится. Нет ни одного часа в нашей жизни, когда в клетках тела не действовал бы кислород.

Но лучше всего роль его будет понятна, если представить себе бегущего человека.

Отличается ли его дыхание от обычного?

Конечно, отличается. Чем быстрее он бежит, тем усиленнее дышит. А почему? Он старается набрать в свои лёгкие как можно больше кислорода. Ведь при беге расходуется необычно много энергии, а без кислорода она не может образоваться. А как бы это заглянуть в живой организм? Посмотреть, какую перестройку там производит кислород? Возможно ли это?

Наши глаза устроены так, что многое происходящее вокруг нас остается для нас невидимым. Но наука даёт человеку дополнительное зрение. Микроскоп помогает рассмотреть строение клеток. А там, где бессилен микроскоп, вступает в работу всевидящий глаз химии. Многие тайны природы открылись благодаря химическому анализу.

Всё, что происходит в теле бегущего человека, учёным известно. Они исследуют его кровь до бега и после бега. По её составу видны изменения, происшедшие в теле за этот срок.

После бега кровь засорена ненужными, отработанными продуктами. Это—результат деятельности кислорода. Он побывал в клетках бегуна, соединился там с частичками сахара и освободил из них энергию. А то, что осталось от бывшего сахара, током крови унесётся в почки, в потовые железы и выбросится вон.

Исследуют ученые и воздух, который мы выдыхаем. В нём много углекислого газа и водяных паров, но совсем нет кислорода. Правильнее будет сказать, что нет свободного кислорода! Потому что в связанном виде он присутствует.

В воде он связан с водородом. В углекислом газе — с углеродом. Но в таком состоянии он не может служить для дыхания. Соединившись с углеродом или водородом, кислород как бы утратил свои личные свойства. Они могут проявиться только при каких-либо исключительных обстоятельствах. Если, например, сквозь воду пропускать электрический ток, она разложится на два глаза. Один из них, лёгкий, горючий,— водород, а другой — знакомый нам кислород.

В природе очень много веществ, в составе которых имеется связанный кислород. У него «общительный» характер. Он легко вступает во всевозможные «химические дружбы».

Представим себе такую картину. По темнеющему лесу идёт человек. Он торопится потому, что ночь близится, а до ночлега ещё далеко. Он почти бежит, но темнота надвигается с ещё большей скоростью. Путник теряет направление и решается переночевать в лесу.

И вот он выбирает сухую ложбинку, кое-как в потёмках собирает хворост, ломает ветви, разводит костёр. Не сразу разгораются сырые хвойные ветви. Но вдруг вспыхивают, и пламя поднимается вверх яркими красными языками.

Это кислород воздуха вступил в работу. Путник согревается, кипятит воду, ест испечённую в горячих углях картошку и засыпает.

А костёр постепенно гаснет. Там, где ещё недавно была гора хвороста и ветвей, остаётся небольшая кучка золы.

Куда же девались материалы, составлявшие дерево? Они превратились в дым, пепел, золу.

Если всё это подвергнуть химическому анализу, то откроется одна из интересных тайн природы. Но, чтоб её открыть, надо было бы сжигать дерево не на костре, а в каком-нибудь закрытом сосуде, откуда не ушёл бы ни один пузырёк дыма.

Учёные так и делали, желая определить, какие вещества входят в состав дерева. Исследуя всё, что остается после его горения,— дым, золу, пепел,— они нашли много углерода, калия, кальция, серы, фосфора, магния, железа. Но все эти вещества в золе и дыме оказались соединёнными с кислородом.

Во время горения кислород окислил все эти вещества, превратил их в окислы: в окислы железа, магния, кальция...

Но образование окислов в природе не обязательно сопровождается таким бурным горением, какое мы наблюдаем, сжигая дерево. Кислород действует и иначе.

Каждый знает, что на влажной железной пластинке быстро появляются жёлтые пятна ржавчины. Случалось, что при раскопках находили старинные железные ножи насквозь проржавевшие. Это тоже работа кислорода. Он соединяется с железом и превращает его в окисел железа — в ржавчину.

Люди научились предохранять железные предметы от действия кислорода. Покрывают их лаком, краской или особыми нержавеющими сплавами.

Но невозможно ведь защитить все железные руды в природе! И кислород отыскивает железо, окисляет его, разрушая твёрдые горные породы.

Не только железные руды страдают от действия кислорода. Медь, свинец, ртуть да и множество других металлов не могут устоять против окислительного влияния этого вездесущего деятеля. Он проникает в горные породы и не уходит оттуда, пока не превратит металлы в окислы.

Только платина, золото и серебро не поддаются воздействию кислорода. Потому-то и назвали их благородными! Они не ржавеют, не окисляются. Они являются редким исключением в природе — не дружат с кислородом.

Свободно летающий кислород — могущественный деятель природы. Он постоянно в движении и всюду производит работу, оправдывающую свое название **кислород.** В живых организмах **окисляет** вещества клетки. Принимает участие в горении и **окисляет** вещества дерева. Он проникает и в твёрдые горные породы и **окисляет** металлы.

Так образуются в природе бесчисленные соединения, содержащие кислород в связанном виде. А свободный кислород? Откуда он получается?

Раздумывая над исторической судьбой этого газа, крупнейший учёный нашей страны Владимир Иванович Вернадский пришёл к интересному выводу:

— Посмотрите,— указывает он,— где и когда больше всего скапливается кислорода? Загляните в солнечные дни в вод-

ные бассейны, богатые зелёными водорослями. Множество мелких и крупных пузырьков кислорода поднимается от растений. Они выделяются зелёными листьями.

Зелёный лист — эта таинственная природная лаборатория давно привлекала внимание учёных. В ней происходят очень сложные химические встречи. Сюда поступают вода и соли, которые насасывает корень из почвы. Сюда же в присутствии солнечного света проникает углекислый газ. Когда все эти вещества сталкиваются вместе, в листе происходит важная работа — образуются сахар, крахмал. А во время этой работы выделяется кислород.

Работу зелёного листа в течение нескольких веков изучали химики и ботаники. Зелёный лист — единственное место в природе, где из продуктов неживой природы — из воды и углекислого газа — образуются вещества живой природы: сахар, крахмал. Вот почему его работой интересовались химики. Ботаники же исследовали строение этой удивительной природной лаборатории.

Но Владимир Иванович Вернадский не ботаник и не химик. Он создал новую науку, которая называется геохимией. Эта молодая наука изучает жизнь химических элементов в воздухе, в воде, в земной коре, в живых организмах.

Никто из учёных до Вернадского не изучил с такой тщательностью жизнь и происхождение кислорода. Вернадский проследил все его пути.

— Там, где нет зелёного растительного покрова, куда не проникает солнечный луч, не может образоваться кислород,— говорил он.

— Например, вода артезианских колодцев. Она поднимается из глубоких земных слоев, где не могут жить растения. В ней и кислорода нет! А вот на дне океанов и морей всегда найдёшь свободный кислород.

И причина одна — деятельность глубоководных растений.

— Другого источника нет! — говорит Вернадский и доказывает это десятками примеров.

Зелёная ткань листа и солнце — вот кто, оказывается, родители свободного кислорода!

Созданный жизнью, он для жизни же и используется. Ни

человек, ни живстное, ни птица, ни большинство растений не могут жить без кислорода.

Он помогает нашим клеткам вырабатывать энергию и выдыхается уже не в свободном виде, а в виде углекислого газа.

Углекислый газ снова проникает в зелёный лист, освещённый солнечным светом. И снова пузырьки кислорода выходят из листа.

Так замыкается круг его путешествий.

С. Буньков, В. Турунтаев *Рисунок А. Артемьева*

Сколько кирпичей нужно для того, чтобы построить пятиэтажный дом? Очень много: полтора миллиона штук! И каждый из этих кирпичей укладывается особо. Полтора миллиона раз каменщик возьмёт в руку такой кирпич, полтора миллиона раз размажет своей лопаткой-мастерком раствор, полтора миллиона раз положит кирпич в ряд с остальными, прежде чем красавец-дом будет подведён под крышу.

Конечно, на строительстве дома работает не один каменщик, а целая бригада из двадцати-тридцати каменщиков, не считая рабочих других профессий: штукатуров, маляров, плотников. И всё равно дом строится очень долго — полгода, а иногда и целый год.

Что можно сделать, чтобы дома строились быстрее? Инженеры давно думали об этом. На многих наших стройках стали применяться шлакоблоки. Это крупные, раза в четыре крупнее обычного, кирпичи, которые изготовляются из каменноугольного шлака. На пятиэтажный дом их требуется раза в три-четыре меньше, чем обычных кирпичей. Следовательно, и строительство дома идёт гораздо быстрее.

А вот на некоторых улицах Москвы и Ленинграда уже сейчас дома строятся из таких громадных «кирпичей», которых на весь дом идёт всего несколько сотен штук.

Это уже не кирпичи, а целые конструкции, точнее, сборные железобетонные конструкции. Каждая из них — отдельная большая деталь здания: железобетонный блок для фундамента, весом в несколько тонн; целая стена высотой в один или даже два этажа и шириной в три-четыре метра; колонна, лестничный марш, лестничная площадка.

Для того, чтобы доставить такие детали к месту строительства, нужны очень мощные, большегрузые автомашины. Грузятся детали на автомашины с помощью подъёмных кранов и разгружаются по прибытии на строительную площадку — тоже кранами.

Башенные краны и подают детали на тот или иной этаж. Двое рабочих с помощью машиниста крана устанавливают стеновую панель, а электросварщики приваривают её к соседней. Для этого в каждой панели имеются стальные стержни, выступающие наружу. Затем швы между панелями заделывают раствором.

Через пятнадцать-двадцать минут кран поднимает следующую панель, которая легко, словно спичечная коробка, описывает в воздухе полукруг и опускается точно на своё место. В ней уже имеется готовое четырехугольное отверстие для окна. С наружной стороны она облицована изящной керамической плиткой или цветной штукатуркой, внутренняя её поверхность подготовлена для побелки.

Следующая деталь накладывается сверху, подобно большой крышке: это междуэтажное перекрытие. Его площадь равна площади комнаты. Сверху такое перекрытие вполне готово для того, чтобы на него можно было настилать паркет — пол будущей верхней комнаты. Снизу же оно представляет собой потолок и обрамлено красивым лепным бордюром с гипсовой розеткой посередине.

Растут квартиры очень быстро: через каждые пять-шесть дней дом поднимается на целый этаж. Всего же на его строительство затрачивается не более двух-трех месяцев.

Собственно, дом даже не строится, как это принято пони-

мать. Он собирается, подобно тому, как на заводе из многих деталей собирается экскаватор, велосипед или самолёт. На строительной площадке не видно ни каменщиков, ни плотников, ни штукатуров. Вместо них здесь трудятся монтажники и электросварщики — всего несколько человек. Их труд не требует применения большой физической силы, потому что всю тяжёлую работу выполняют машины и механизмы — башенные краны, самосвалы, сварочные аппараты, краскопульты. Рабочие лишь, как опытные дирижёры, управляют всем этим оркестром механизмов.

Дом хорош не только тем, что его можно быстро построить. Материал, из которого он сделан, железобетон, в сотни раз прочнее кирпича.

Что же такое железобетон?

Это строительный материал, который одновременно обладает свойствами и бетона и стали. Так же, как бетон, он не поддаётся разрушительному действию влаги. На него можно давить с огромной силой, и он выдерживает любой натиск.

Железобетон так же, как сталь, не поддаётся действию растяжения и, как бетон, почти не сжимается. Вот поэтому дома, построенные из железобетона, будут стоять века. Именно в таких домах — удобных, прочных и красивых — будут жить люди при коммунизме.

В стране сейчас работают два больших завода по выпуску сборных железобетонных конструкций — Люберецкий и Московский.

Пройдёмся по цехам одного из заводов, например, Люберецкого, посмотрим, что он собой представляет. Это гигант строительной индустрии. Главный корпус его вытянулся в длину более чем на четверть километра и занимает площадь почти в тридцать тысяч квадратных метров. В корпусе несколько цехов и отделений. Все операции по изготовлению железобетона выполняют здесь машины. А люди только управляют ими.

Вот один из цехов — бетоносмесительный. Это своеобразный завод-автомат. Транспортёры автоматически подают в бункера бетономешалок гравий, цемент, песок — всё то, что требуется для производства бетона. Автоматические весы строго отмеривают порции гравия, песка и цемента, как это предусмот-

рено рецептом. Затем машины перемешивают состав с водой. Через каждые четыре-пять минут очередная партия бетона поступает на конвейер.

Бетоносмесительный цех ежедневно выдает сотни тонн бетона, хотя здесь не работает и десяти человек.

Изумительную картину представляют собой конвейеры главного корпуса. Когда проходишь вдоль конвейерного пути, создаётся впечатление, будто все механизмы работают без участия человека: людей здесь почти не видно.

По рельсовым колеям друг за другом движутся плоские платформы, похожие на большие столы. Вот платформа остановилась возле одного из механизмов. И вдруг заработали механические щётки. Они, подобно тому, как заботливая хозяйка готовит стол, начинают чистить поверхность платформы. Когда на ней совсем не остается мусора и остатков бетона, автоматический разбрызгиватель смазывает её. Поверхность платформы становится гладкой и блестящей. Теперь на неё устанавливается деревянная опалубка — форма будущего изделия.

Платформа движется дальше. Вот она опять остановилась. На дно опалубки укладывается слой цветной штукатурки. Во время следующей остановки укладывается стальной каркас — арматура: та самая составная часть железобетонной конструкции, которая не поддаётся растяжению.

Арматура также изготовляется автоматически. Платформа стоит на вращающемся круге, а специальный механизм — пантограф — направляет стальную проволоку между деревянными колышками так, чтобы она располагалась в определённом порядке.

Автоматический бетоноукладчик заполняет форму бетоном. Автоматические вибраторы и штампы в течение пяти минут утрясают и формуют бетонную смесь.

Готовое, но пока ещё сырое изделие направляется в камеру твердения.

...Каждые две минуты с цеховых конвейеров сходят готовые железобетонные конструкции. Их остаётся только погрузить на автомашины и отвезти на строительную площадку.

Но где же всё-таки люди, которые приводят в движение чудесные механизмы завода?

Они — у пультов управления.

Рабочий-оператор центрального пульта, словно капитан на своём мостике, командует всеми механизмами. Перед его глазами на особом щите расположены гирлянды разноцветных лампочек: красных, зелёных, жёлтых. Зажглась зелёная лампочка —и оператор знает, что вагонетка подошла к камере твердения. Оператор легко нажимает на кнопку — ворота камеры твердения распахиваются, пропуская вагонетку.

На первый взгляд кажется, что работать на таком заводе просто. С одной стороны это так. Труд оператора не требует больших физических усилий. Зато человек, стоящий у пульта управления, должен обладать солидными знаниями в области физики, химии, математики, механики. Ведь управлять машинами на новом заводе потому и легко, что сами-то машины чрезвычайно сложны по своему устройству. А для того, чтобы завод работал чётко, слаженно, бесперебойно, люди, обслуживающие его, должны в совершенстве знать каждый механизм, изучить все его капризы. Быть готовым в любую минуту покорить механизмы своей воле — вот что требуется здесь от рабочего.

С каждым годом в нашей стране таких заводов будет всё больше и больше. В прошлом году Центральный Комитет Коммунистической партии и Советское правительство приняли специальное постановление о строительстве заводов сборного железобетона. За два-три года в строй вступит более четырёхсот заводов, из которых четыре будут такими же громадными, как Люберецкий.

В Свердловске тоже строится сейчас новый завод железобетонных изделий. Сначала его сооружала одна из строительных организаций. А осенью прошлого года комсомольцы этой строительной организации обратились ко всей молодёжи Свердловской области с горячими словами:

«Нам нужны плотники и арматурщики, слесари и штукатуры, бетонщики и кровельщики, рабочие многих других профессий.

Мы обращаемся с призывом к Вам, комсомольцы и молодёжь Свердловска и городов Свердловской области: идите работать к нам, на строительство завода железобетонных изделий.

Принять непосредственное участие в выполнении задачи, поставленной Коммунистической партией и Советским правительством,— что может быть выше этой чести!

В срок построим новое предприятие!

Мы ждём Вас, дорогие товарищи!»

Мысль первых строителей-комсомольцев соорудить завод своими силами зажгла сердца многих молодых людей. В райкомы и горкомы комсомола отовсюду стали поступать заявления. Комсомольцы просили оказать им доверие и направить на стройку.

Первого ноября на площадку строящегося завода прибыли первые добровольцы. Строительная площадка выглядела тогда неуютно. Повсюду были навалены груды серых камней. С низко нависшего над головой осеннего неба мелко моросил надоедливый дождь. Только два небольших фундамента чуть виднелись за пригорком, да поодаль стояло крошечное здание временной котельной. Вот, пожалуй, и всё, что увидели комсомольцы. На стройке не было ещё ни жилых зданий, ни столовой. Трудное это дело — начинать строительство большого завода на голом месте.

Но комсомольцы, когда решали пойти сюда, знали, что встретят на своём пути много трудностей, и были готовы к тому, чтобы преодолеть их.

Рите Тропиной, невысокой тёмноволосой девушке с живыми искорками в прищуренных глазах, всего семнадцать лет. Но в работе она ничуть не уступает остальным — умело орудует отбойным молотком, а когда нужно, киркой и лопатой. После смены, лишь на минутку забежав домой, чтобы переодеться, Рита спешит на занятия в вечерний техникум. Зимой она сдала все экзамены на «четыре» и «пять».

Когда победа достаётся легко, её не замечают. А вот, если человек её завоёвывает, преодолевает на своём пути все преграды, достигнутое становится особенно дорого.

Каждый из добровольцев должен был очень быстро овладеть профессией либо каменщика, либо плотника, либо бетонщика. Комсомольцы собрались, чтобы не просто построить завод, а ввести его в действие намного раньше срока. Потому-то каждый и стремился познать своё дело как можно быстрее. Николай

Исаков, например, уже через полтора-два месяца стал хорошим каменщиком, Александр Екимов — плотником.

Быстро научилась готовить фундаменты под цехи завода бригада бетонщиков Николая Иванова. Несколько позднее была сформирована другая бригада бетонщиков — Ивана Корнована. В ней двенадцать человек: двое опытных бетонщиков, в том числе сам бригадир Иван Корнован, и десять человек, прибывших на стройку по комсомольским путёвкам. Среди них были слесарь, шофёр, учётчик, токарь, гравёр. Но с первого же дня работы они показали, что могут и на строительстве работать с огоньком, по-комсомольски. Обе бригады стали соревноваться между собой. В дружном коллективе каждый чувствует себя на месте. Не было ещё случая, чтобы Евгений Комаров не справился со своим делом. Ни минуты не усидит на месте Игорь Давыденко. Вот бетон кончился, ящик опустел. Пока не подойдёт следующая машина с бетоном, можно немного отдохнуть, присев на ступеньку фундамента. Но Давыденко не сидит сложа руки. Смотришь, он уже бежит к бригадиру помогать ему разравнивать бетон в тумбе. При этом он не спрашивает, нужна ли его помощь. Он знает: умелые руки всегда нужны. Комсомольцы все как один стремятся оправдать высокое звание строителя ударной работой.

В строительстве Свердловского завода железобетонных изделий принимают участие не только те, кто пришёл сюда по комсомольской путёвке. Завод строят все комсомольцы Свердловска и области. Каждый из них считает своим долгом сделать что-то полезное для своей стройки. Осенью 1954 года молодые железнодорожники Егоршинского узла узнали о том, что эшелон с углем, направляющийся на стройку, задерживается в пути. Узловой комитет комсомола, выяснив причины, быстро принял меры, и эшелон в срок прибыл на место назначения.

Осенью же Поклевский домостроительный комбинат должен был изготовить для комсомольцев стройки тринадцать комплектов жилых домов. Комсомольцы комбината взяли шефство над выполнением почётного заказа. В короткий срок все тринадцать комплектов были готовы. Комсомольцы проследили и за их погрузкой в вагоны. А когда дома прибыли на стройку, комсомольцы каждого района Свердловска решили своими силами

построить по одному дому. Девять районов — девять домов! Каждое воскресенье приезжали сюда комсомольцы на работу. И вот уже целая улица пролегла неподалёку от строительной площадки. Тогда сюда пришли пионеры свердловских школ. Они решили оборудовать несколько комнат, в которых будут жить строители завода.

Ученики свердловской школы № 35 приняли в этом самое живое участие. В комсомольских группах и пионерских отрядах ребята сами готовили тумбочки, этажерки, вешалки, полочки. В подарок строителям собраны книги, вышиты салфетки, сделаны изящные абажуры.

Десятиклассники этой школы не только помогли строить жилые дома. Кто-то из них подал мысль о том, чтобы всё достопримечательное, что происходит на стройке, рассказы о труде лучших строителей комсомольцев заносить в дневник. Ребята назвали свой дневник «Летописью комсомольской стройки».

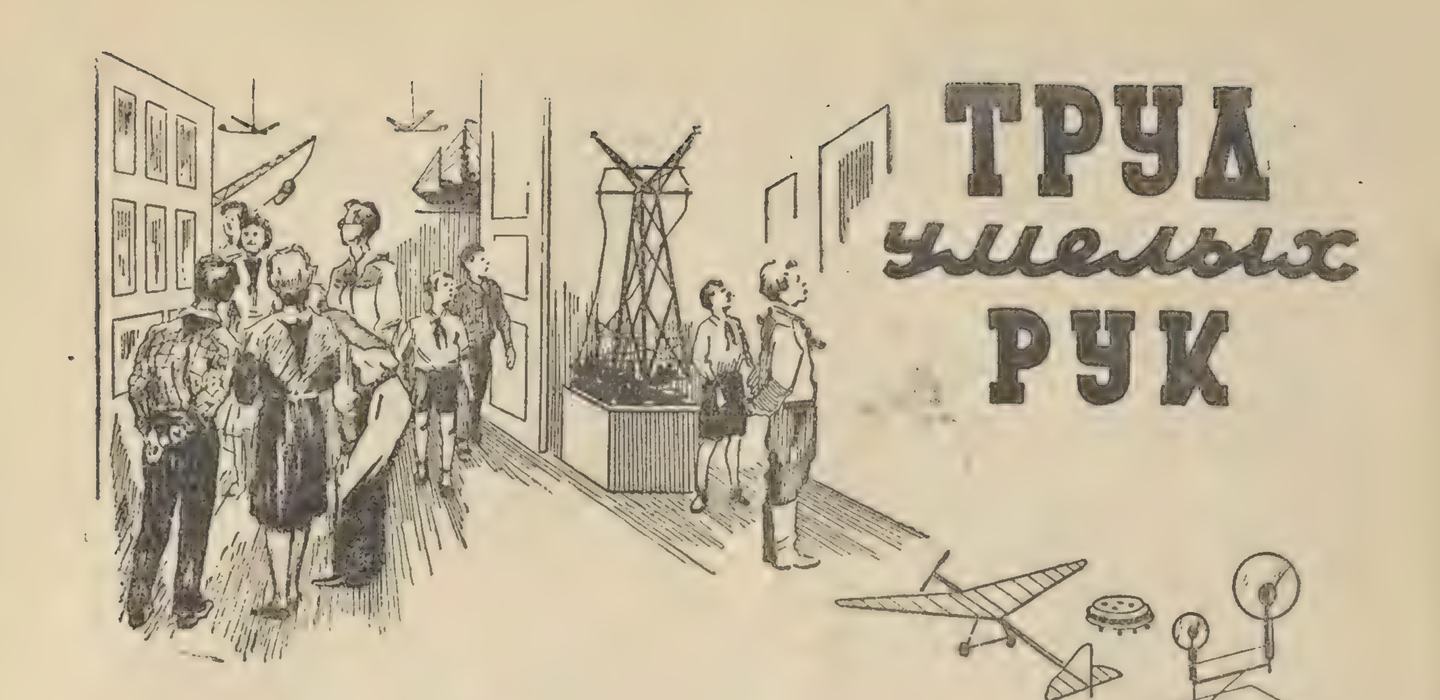
Строительство завода приняло небывалый размах.

Примеру свердловчан последовали комсомольцы многих других городов — Сталинграда, Челябинска, Киева, Ленинграда, где возводились такие же заводы сборного железобетона. Молодые патриоты пришли на эти стройки и объявили их комсомольскими. А ещё через некоторое время комсомольские стройки возникли в Москве, Минске, Красноярске, Первоуральске, Серове.

Все эти заводы взялись строить комсомольцы.

Свердловчане вступили в социалистическое соревнование с молодежью сталинградской и челябинской строек и в этом соревновании они держат первенство.

Отшумели январские жгучие ветры, миновали злые февральские морозы. А стройку и не узнать. Встали на свои места, оделись в кирпич стальные конструкции главного корпуса бетоносмесительного цеха. Скоро оживут конвейеры завода, и по шоссе, ведущему в город, двинутся грузовики с первой партией железобетонных изделий, изготовленных на этом заводе.

ТРУД умелых РУК

И. Казанцева

Весело, шумно и интересно было в дни весенних школьных каникул в Свердловском Дворце пионеров. В зрительном зале выступали лучшие участники художественной самодеятельности школ города, проходили встречи ребят со знатными людьми, а на втором этаже в нескольких залах и фойе была развёрнута выставка детского технического творчества и изобразительного искусства.

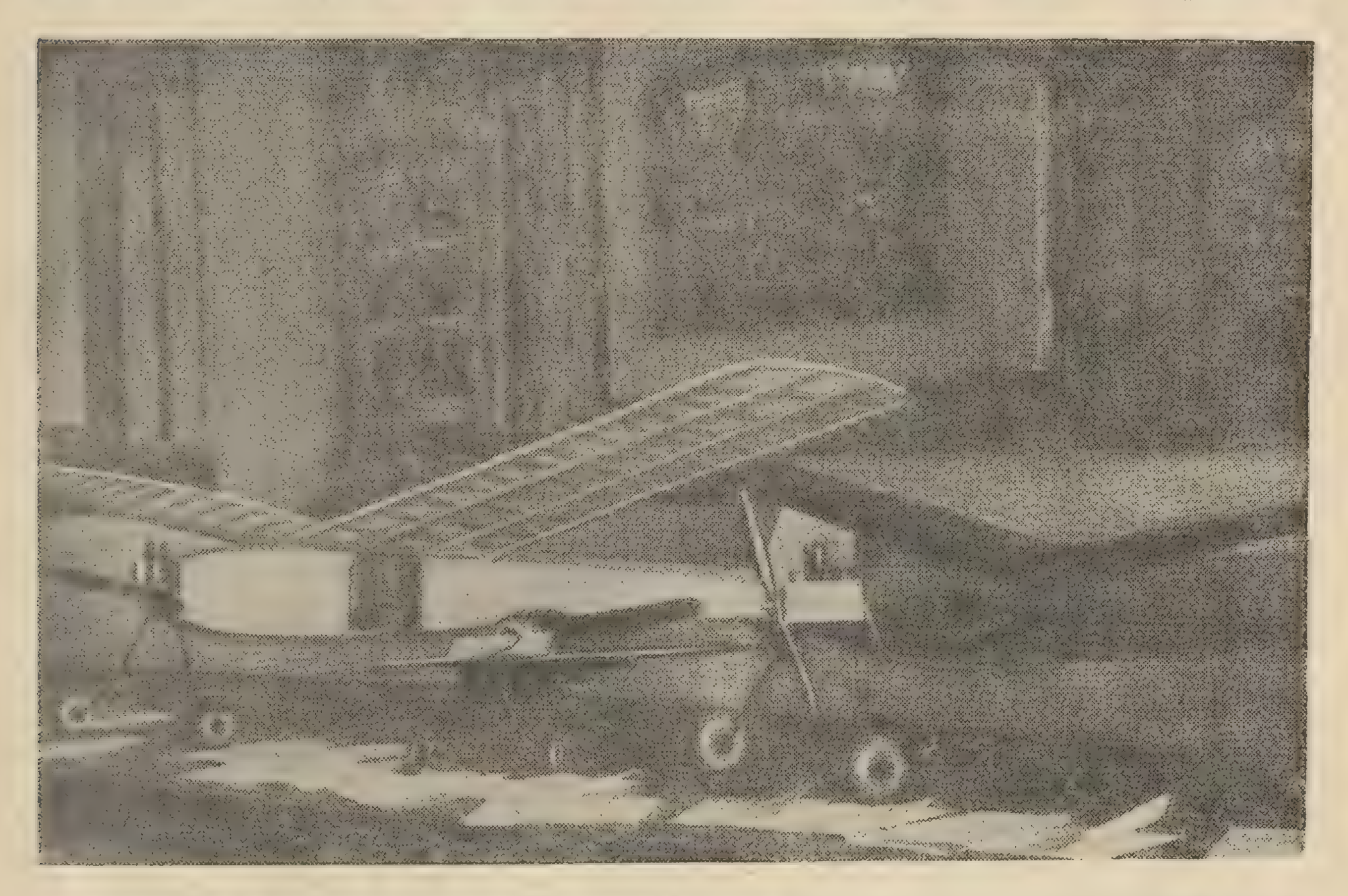
На выставке представлены лучшие работы юных техников, художников и вышивальщиц из школ, районных домов пионеров и детских домов города Свердловска.

С чего же начать осмотр?

Пойдёмте сначала в зал, где представлено творчество технических кружков Дворца пионеров (заведующая отделом техники Фаина Васильевна Шминке).

Слышно, как шумят моторы — это работают действующие модели юных машиностроителей. Часто тут играет музыка — это посетители пробуют, как действуют радиоприёмники и радиолы, сделанные ребятами. Представлены работы авиамоделистов, судостроителей, фотолюбителей, химиков.

Только в химических кружках Дворца пионеров занимается сто пятьдесят ребят. Юные химики-конструкторы построили

такие сложные модели, как доменная печь, завод для получения серной кислоты контактным способом.

Десятиклассница школы № 12 Алла Антонова уже четвертый год посещает кружок. Под впечатлением прослушанной лекции об атомной энергии у девушки возник интересный замысел, и, как-то придя на занятия, она предложила:

— Давайте попробуем сделать макет атомной электростанции!

Руководитель кружка Леонид Иванович Мясников и ребята заинтересовались этим предложением. Так появился на выставке детского технического творчества один из экспонатов, ото-

бражающий достижение современной техники — модель атомной электростанции. Глядя на неё, можно легко понять основной принцип получения атомной энергии для промышленных целей.

В процессе работы у юных химиков-конструкторов не всё шло гладко. Основной агрегат станции — атомный котёл сделан быстро, а вот с теплообменником пришлось долго повозиться: он всё время протекал, то в одном, то в другом месте. Да и окончательная сборка была нелёгким делом. На выставке около модели всегда много посетителей. С одинаковым интересом рассматривают её и взрослые и ребята.

В июне 1954 года в Советском Союзе была пущена первая промышленная электростанция на атомной энергии. Естественно, каждому хочется знать, как же работает такая электростанция

Топливом тепловой электростанции являются, в основном, уголь и нефть, топливом атомной электростанции — уран. Сжигая уголь и нефть в современных печах, мы получаем золу и дым, а в атомном котле (его ещё называют «чудо-печка») ядерное топливо — уран дает другой вид топлива — плутоний.

Посмотрите на одно из пособий, сделанных ребятами. На нём показано, как много ценных продуктов можно получить из угля и нефти. Это — бензин, смазочные масла, искусственный каучук, киноплёнка, взрывчатые и лекарственные вещества, пластмасса и духи, спирт и пищевые продукты. Тепловая электростанция поглощает сырьё этих продуктов, а использование атомной энергии позволяет его сохранить.

Атомную энергию на службу человеку, в науку, в технику, в здравоохранение, а не на цели истребительной войны — таков смысл нескольких плакатов выставки.

Вот ещё одна интересная модель — механизированная животноводческая ферма. Гудит гудок — это значит, наступает рабочий день на ферме. Начинается очистка помещения и подача кормов для коров.

Ферма имеет свою электростанцию, кормокухню и электровоз.

С любопытством и вниманием следят ребятишки младших школьных возрастов за тем, как бегает по подвесной дороге электровоз с вагончиком, заполненным зерном.

В создании этой модели принимали участие машиностроительный, строительный кружки и кружок картонажа и лепки. Работу консультировал старший преподаватель сельскохозяйственного института — Виктор Максимович Сапрыкин.

Такие фермы, в которых всё трудоёмкие процессы механизированы, будут построены в ближайшие годы в совхозах и колхозах Свердловской области.

Немало труда вложил в эту работу десятиклассник железнодорожной школы № 2 Рудольф Шорохов. Уже пять лет он посещает машиностроительный кружок. Сделанные им и его товарищами модели электротрактора и картофелесажалки в прошлом году демонстрировались на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке. Рудольф получил тогда серебряную медаль выставки.

Интересную работу — тональный генератор — сделал ученик 9-го класса школы № 45 Борис Сапожников. При помощи пяти переменных сопротивлений генератор настроен на пять

фиксированных частот. На таком же принципе основан современный электрический музыкальный инструмент — эмиритон.

Эдуард Римских и Василий Тимофеев из школы № 109 сделали «волшебный столик». Стоит только положить на такой столик звонок, никуда его не включая,— он зазвонит, а поставишь настольную лампу — зажжётся электрическая лампочка. Тут, конечно, ничего нет волшебного, и создатели «волшебного столика» охотно рассказывают, как он устроен.

Дело в том, что сам столик, покрытый шелковой скатертью, представляет собой стержневый трансформатор, при сближении с которым лампы или звонка катушки развивают напряжение и обеспечивают их работу. Этот занимательный прибор показывает законы индукции на переменном токе и распределение магнитного тока в стержневом трансформаторе.

В других залах среди экспонатов есть простые по устройству приборы, нужные для практических занятий на уроках физики и химии, вроде соленоида, магнитного сепаратора или модели получения щёлочи натрия. Есть и более сложные.

Радиолюбители представили добротно, красиво оформленные радиоприёмники различных устройств и схем, радиоприёмник с магнитофоном двусторонней записи, судостроители — несколько видов кораблей, от простого судна древних новгородцев до эсминцев, линкоров, крейсеров. Наверху, под потолком, слегка покачиваясь, реют десятки авиамоделей.

С интересом рассматривают школьники экспонаты выставки. Некоторые делают какие-то записи.

Из дальнего зала доносится странный шум, напоминающий урчание воды. Это, действительно, шумит вода. Она течёт по наклонному искусственному руслу реки. Путь ей преграждает цельнометаллическая плотина.

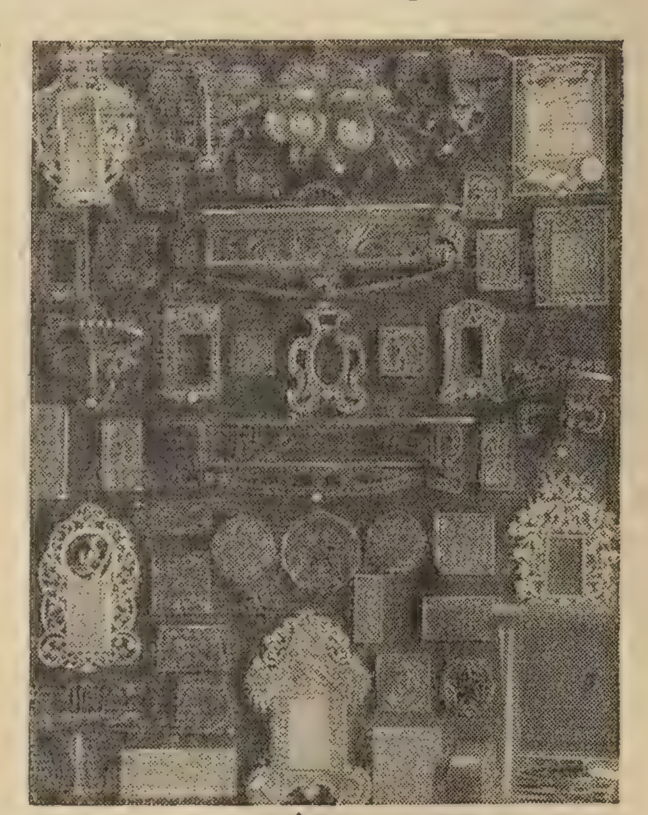
— Гидростанция вырабатывает самую дешёвую энергию,— рассказывает один из создателей этого макета.— Смотрите, куда она используется. В окнах маленьких домиков посёлка загорается свет. На колхозном поле начал работать электротрактор. (На модели он меньше спичечной коробки.) На другом берегу осветился огнями целый город, а в сквере, в фонтане забила струйка воды.

Аркадий Заславский. Пейзаж.
Изостудия Дворца пионеров.

Валерий Мишин. Этюд.
Изостудия Дворца пионеров.

Почти полгода 49 ребят из разных кружков Дома пионеров Кировского района старательно работали над созданием этой модели.

Учащиеся школы № 40 изготовили макет посёлка зерносовхоза «Березовский», Алтайского края, строящегося сейчас на целине, куда в числе первых 300 человек прибыли комсомольцы Свердловска, а учащиеся школы № 35 — макет Свердловского завода железобетонных изделий.

Ребята из школы № 9 любят заниматься в географическом и историческом кружках. На выставке они демонстрируют хорошо сделанные макеты — «Урал», показывающий природу нашего края — леса, горы, реки, «тропический лес» с его обитателями — тиграми, обезьянами, попугаями, змеями, «средневековый замок» и др.

А сколько здесь работ из кружков «умелые руки». Чего только ни делают ребята! Куски дерева они превращают в зверя, в чернильницу красивой формы, в забавную игрушку, а пластинки фанеры — в ажурную полочку, изящную рамку, красивую шкатулку, китайский фонарик с причудливым орнаментом. На доске из дерева специальным инструментом можно «написать» портрет и картину.

Художественная резьба по дереву — древнейшее искусство. Интересно, что ребята стараются обогатить традиционные формы новой современной орнаментикой, включающей в себя эмблемы Советской власти, эмблемы труда и Советской Армии.

Ребята из Дома пионеров Ленинского района хорошо сделали выжиганием по дереву иллюстрации к произведениям М. Горького. Выполненный ученицей 9-го класса школы № 5

Ирой Батолиной портрет Н. Островского получил первую премию среди работ кружков «Умелые руки».

На полке стоят четыре вазы. Можно подумать, что это работа искусных камнерезов. На самом деле, они из дерева и гипса, а потом покрашены специальным способом «под яшму».

В фойе Дворца выставлены 650 рисунков юных художников.

Среди работ выделяются натюрморты шестиклассников Г. Волкова и С. Плясуновой, интересны по замыслу работы «Впервые на сцене», «Здесь будет город заложен» (исследователи выбирают место для строительства нового города), «Тимуровцы — помощники» и другие. Девятиклассник В. Шипулин маслом написал пейзажи «На Шарташе», «На Верх-Исетском пруду». Удачным получился пейзаж у К. Злоказова. Умело пользуются акварелью О. Бурнатов и Н. Сысоева из школы № 68. Легкостью отмечаются этюды В. Другова из школы № 17. Им же хорошо написан натюрморт из овощей и осенних листьев.

Заглянем ещё в одну комнату Дворца пионеров. Здесь очень уютно: на стенах развешены картины, портреты, коврики на диванах много красивых подушечек, на столах — скатерти, дорожки, салфетки с художественной вышивкой гладью и машинной строчкой, стоят вязаные корзиночки, вазы с букетами искусно сделанных цветов — колокольчиков, роз, астр маков.

Очень удачно вышита гладью копия с репродукции картины Шишкина «Дубки». Ее выполнила ученица 9-го класса школы № 74 Галя Савиновских. Она уже пятый год занимается в кружке рукоделия во Дворце пионеров у Нины Николаевны Чекасиной и хорошо научилась вышивать. Её две сестры тоже любят рукодельничать и ходят в этот же кружок. Младшая — Тамара

Савиновских учится в 3-м классе, она вышила крестиком коврик — иллюстрацию к русской народной сказке «Репка».

Обращают на себя внимание несколько хорошо вышитых портретов: Владимира Ильича Ленина (коллективная работа рукодельниц Дома пионеров Октябрьского района), писателей

В. Маяковского (работа пятиклассницы И. Тыхтыловой) и М. Горького (работа пятиклассницы Н. Сапроновой).

Кружок кройки и шитья Дома пионеров Кировского района показывает платья различных фасонов, кофточки, фартуки, детские костюмчики. Сшитые вещи в основном предназначены для самих «портных», кое-что для младших братьев и сестёр, не забыты и куклы — для них особенно много нарядов.

В этой комнате часто можно видеть девочек, внимательно рассматривающих фасоны платьев или переснимающих красивые рисунки с подушечек, чтобы повторить их.

Зашёл сюда и юный фотограф. Он устанавливает аппарат и фотографирует уголок выставки. Снимок пойдёт в школьную стенгазету.

Рукоделия представили 67 школ, 5 домов пионеров и детдом.

Невозможно рассказать о всех экспонатах выставки: их около двух с половиной тысяч.

Все они свидетельствуют о настоящем мастерстве и неистощимой выдумке юных творцов. Труд, дерзание, упорство — вот что помогает осуществлению их больших творческих замыслов, вот что является залогом успеха.

ДЛЯ ШКОЛЬНОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Н. Садовый — *Рисунки В. Бубенщикова*

Трудное дело

В нашем классе, в среднем ряду, сидит мальчик у всех на виду. Ученик он вполне хороший, а зовут его Лёшей. Говорят про него пионеры:

— Хороши у Лёши манеры! Стариков уважает он, не то, что Оплошкин Семён.

Терпеть не могу я, ребята, вранья и честно скажу: Семён этот — я. Очень обижен я на ребят, что все они так про меня говорят. Мальчик я смирный и вежлив к тому же — ничуть зна-

менитого Лёши не хуже! Знаю я массу вежливых слов, уважаю взрослых и стариков. Таких, как я, немного найдёте...

Собрался я вчера в гости к тёте. Живёт она от нас километра за полтора, а стояла вечерняя пора. Пешком такую даль идти не годится. Надо, думаю, прокатиться.

Вижу, гремит по проспекту трамвай. Тут уж не зевай! Только вагон остановился, я за ручку уцепился и кричу в вежливом тоне:

— Эй, вы, в вагоне! Чего стоите на пути? Дайте ребёнку пройти!

Уступили мне дорогу, стал я вперёд пробиваться понемногу — туда, где детские места. А в трамвае — теснота. Едут студенты и инженеры, комсомольцы и пионеры, пехотинцы и моряки, инвалиды и старики.

Наступил я на ногу инвалиду.

— Не примите,— говорю,— за обиду!

Студенту помял чертёж и плакат.

— Простите,— говорю,— виноват!

Локтем задел ненароком гражданку, вышиб у неё с огурцами банку.

— Извините,— сказал и полез вперёд.

А тут заворчал на меня народ:

— Ишь,— говорят,— невежа какой!

Махнул я на них рукой, к детским местам пробился, незнакомой бабусе вежливо поклонился.

— Здравствуйте,— говорю,— бабуся, привет! Поскольку мест свободных в вагоне нет, освободите, пожалуйста, это местечко. Ехать мне недалечко...

Только бабуся хотела с места встать, а публика давай меня ругать! Едва остановился вагон, вытолкали меня из трамвая вон. А за что — до сих пор не догадался. Я ведь вежливым быть старался! Был учтивым в меру сил, никому как будто не нагрубил?

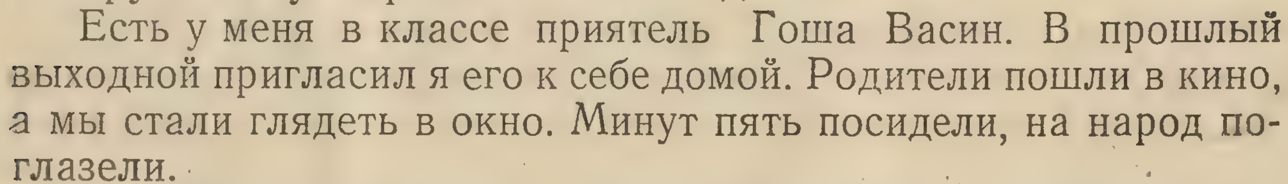
Видно, зря мне влетело.

Ох, вежливым быть — нелёгкое дело!

Как я стол чинил

Я — отличный работник: столяр и плотник, юннат и строитель, монтёр и радиолюбитель. Люблю я труд, что хочешь смастерю в пять минут.

Другие ребята любят болтать да шалить, а я — строгать да пилить. Не могу жить без труда! А тут стряслась такая беда.

Есть у меня в классе приятель Гоша Васин. В прошлый выходной пригласил я его к себе домой. Родители пошли в кино, а мы стали глядеть в окно. Минут пять посидели, на народ поглазели.

— Давай,— говорю я,— играть, на полюсе дрейфовать.

— Что ж,— Гоша говорит,— неплохая затея, надо только льдину найти побыстрее.

— А я льдину уже нашёл — старый письменный стол.

Чтоб больше стол походил на льдину, взвалили мы на него бабушкину перину, разбили на ней палатки, сделали флаг из

старой тетрадки, поставили на лёд зонтик-вертолёт, стулья-лебедки и пошли готовить метеосводки.

Только я в палатку забрался, стол взял и сломался.

— Караул! Треснула льдина!..

Сползла на пол бабушкина перина. Я тоже на пол упал. Полный аврал!..

Оправились от испуга немножко, смотрим, сломана у льдины ножка. Гоша говорит:

— Плохо наше дело: как бы нам с тобой не влетело!

А я ему:

— Без паники, Гошка! Будет у нас новая ножка. Видишь это полено? Я его обработаю отменно — обстругаю, обточу. Хочешь, и тебя научу.

Взял я рубанок, пилу, примерил полено к столу. Потом встал

к окошку и стал мастерить ножку. Построгал с полчаса, смотрю — что за чудеса, прямо как в сказке: стало полено не толще указки.

Гоша смеётся:

— Ну и ножка!

А я говорю:

— Помолчи немножко. Для стола эта палка не годна, а указка нам очень нужна. Будем показывать реки и моря...

Я слов не трачу зря. И времени зря не люблю терять. Взял ножик и стал строгать. Строгал-строгал, даже устал. Стружек на полу — целая гора. Ну, думаю, теперь шлифовать пора!

Достал наждачную бумагу да как на указку налягу! Она взяла и треснула пополам.

Гоша ворчит:

— Стыд и срам!

А я говорю:

— Никакого срама. Не хочу делать указку из хлама. Кому нужна этакая палка?

Опять пригодилась моя смекалка. Разрезал я палку на десять частей и наделал «чижиков» разных мастей. Кому по нраву эта игра — приезжайте ко мне с самого утра. «Чижика» вручу и мастерить научу. Не зря говорят, что Оплошкин Семён в любом деле силён. Золотые у меня руки — не терпят скуки, не любят баклуши бить, любят мастерить.

Л. Корепанов *Рисунки Ю. Лихачева*

Начали ребята игру придумывать. Кто говорит — в лошадок будем играть, кто — в прятки.

А Люба с Алёшей сказали, что самое интересное — построить дом, у дома садик посадить, а во дворе маленькие качели сделать, чтобы кукол качать.

Всем ребятам это понравилось. Выбрали они место для своей постройки и стали работу распределять, кому что делать.

Алёша говорит:

— Я буду дом строить:

Люба говорит:

— Я буду садик садить. А кто будет качели делать?

Витя говорит:

— Я не хочу качели делать. Я тоже хочу садик садить и дом строить.

Тогда качели делать согласился Коля.

— Если хочешь, Витя, будем вместе дом строить,— говорит Алёша.

— Нет, я хочу сам и дом строить, и садик садить. Я и без вас выстрою.

Отошёл он от ребят и начал свой дом строить.

И ребята за дело взялись.

Видит Витя, что у ребят и дом, и сад, и качели сразу делаются. Бросил он дом строить, начал сад садить. Посмотрел на Колю, а тот уже качели достраивает. Перестал Витя сад садить, стал скорей качели делать.

Закончили ребята работу и любуются. Какой красивый дом получился!

И в садике уютно. Жёлтенькие цветочки растут, деревья, сделанные из веточек, от ветерка покачиваются. Взял Коля куклу, посадил на дощечку и качает её, как на настоящих качелях.

А у Вити дом без крыши стоит, в саду две травки торчат, а для качелей только столбики вколочены.

За всё сразу Витя взялся, да ничего сделать не успел.

У светофора

Л. Авербах — *Рисунки Н. Крижановской*

Мама, стоп! Зажёгся красный.
Дальше двигаться опасно.
Посмотри,—
автомобили
По асфальту покатили...
Подождём чуть-чуть у клёна.
Нам сейчас зажгут зелёный.

Л. Авербах *Рисунки Н. Крижановской*

Мама сшила к майским дням
Лерику костюм матросский.
Якоря на рукавах,
Синий воротник в полоску.
Вот матроску он надел
И друзьям сказал степенно:
«Я не балуюсь теперь,
Я военный-превоенный!»

ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА

Расположите по вертикали название семи представителей животного мира, нарисованных вокруг текста так, чтобы из средних букв получилось название восьмого животного, которое будет ответом на зоологическую задачу.

СМОЖЕШЬ ЛИ ТЫ НАЗВАТЬ?

Эту игру нужно проводить у карты. Следует не только ответить на вопрос, но и показать, где находится вулкан, река, море, город. Это поможет запомнить географические названия, с которыми вы встретитесь в данной игре.

За каждый правильный ответ засчитывается одно очко. Кто даст больше правильных ответов и наберёт большее количество очков, тот окажется победителем географической игры. Для поощрения можно ввести премии.

1. Назовите город, являющийся портом пяти морей.
2. Назовите море, не имеющее берегов.
3. Назовите самое большое в мире водохранилище, созданное человеком.
4. Назовите самую большую в мире строящуюся гидростанцию.
5. Назовите самый большой в мире действующий канал.
6. Назовите самую высокую горную вершину в СССР.
7. Назовите самую высокую в мире горную вершину.
8. Назовите самую длинную реку в Европе.
9. Назовите самую длинную реку в мире.
10. Назовите самое большое озеро в мире.
11. Назовите самое глубокое озеро в мире.

12. Назовите самый большой океан на земном шаре.
13. Назовите самый высокий вулкан в СССР.
14. Назовите самый высокий вулкан в Европе.

По примеру данной игры и сам можешь составить географические игры. Например, **«Реки в СССР», «Столицы союзных республик»** и т. д.

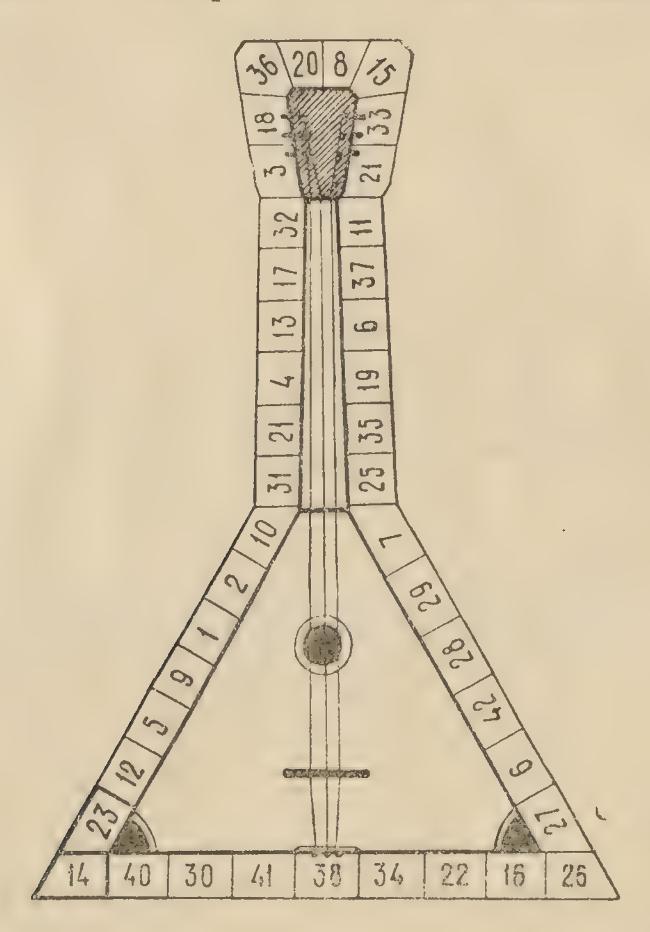
ПОИЩИТЕ!

На нашей картинке изображено пятнадцать таких предметов, в названиях которых достаточно заменить одну букву на букву «К», чтобы получилось другое слово. Назовите эти предметы!

БАЛАЛАЙКА

Если правильно определить слова, обозначенные цифрами, а затем заменить буквами соответствующие числа на ленте вокруг балалайки — вы прочитаете текст нашей задачи:

1, 2 — нота.

3, 4, 5 — музыкальный звук определённой высоты.

6, 7, 8 — вокальный коллектив.

9, 10, 11, 12 — верхняя и нижняя доски струнного музыкального инструмента, служащие для усиления звука.

13, 14, 15, 16 — быстрое колебательное движение частиц воздуха или другой среды, воспринимаемое слухом.

17, 18, 19, 20 — часть суток.

21, 22, 23, 24, 25 — страна света.

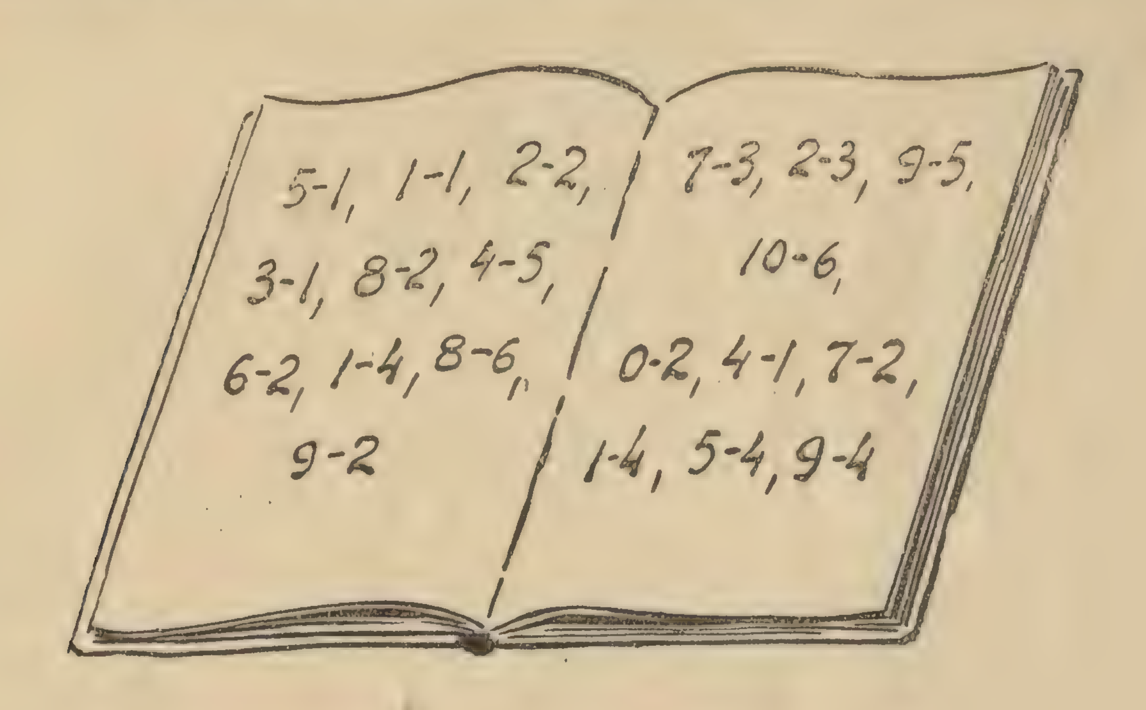
26, 27, 28, 29, 30 — музыкальное произведение.

31, 32, 33, 34, 35 — героиня одного из драматических произведений А. М. Горького.

36, 37, 38, 39, 40, 41, 42 — музыкальный инструмент.

ГОЛОВОЛОМКА

Найдите ключ и прочитайте на развёрнутых листах книги известную русскую народную пословицу.

ЮНЫМ ХУДОЖНИКАМ

Что и как рисовать летом

К. Охапкина *Рисунок Н. Крижановской*

Где бы мы ни были — в лагере, в деревне, в увлекательном походе — всюду тысячи чудесных мест, которые хочется зарисовать.

Ведь каждое дерево, куст, цветок имеют свою форму, цвет, характер. Не только в поле и в лесу, но и в скверике, в парке, просто во дворе найдётся много увлекательного для молодого художника, если он будет наблюдательным.

Воспользуемся советами, которые давал заслуженный деятель искусств академик живописи В. Н. Бакшеев юным художникам:

«Рисунок — основа живописи. Рисовать необходимо научиться прежде всего. Рисуйте всё, что встретится вам интересного: уголки природы, отдельные деревья, лодку, стоящую у берега, барки, фигуры людей, несложные постройки и так далее.

Обязательно надо делать рисунки, и притом рисунки законченные, проработанные, исчерпывающие, со всеми светами и тенями, чтоб рисунок был ясен по форме... надо очень строго относиться к работе, чтобы ни одна черта, ни один мазок не был положен приблизительно, надо давать себе ясно отчёт: если проводите черту, кладёте мазок, то почему именно так, а не иначе».

Принимаясь рисовать, прежде всего нужно выбрать подходящее место, при этом не стоит торопиться. Лучше потратить больше времени на поиски места, чем рисовать то, что не особенно нравится, или, что ещё хуже, перебегать с места на место, не доработав этюда.

Но вот облюбовано удобное место, солнце не печёт голову, перед глазами небольшая ёлочка, освещённая ярким светом, или что-нибудь другое, не менее интересное для рисования.

Теперь следует подумать, чем рисовать. Карандаш подходит больше для линейного рисунка, а уголь при рисунке, в котором передаются общие пятна.

На бумаге тонкой, чуть заметной линией намечаем горизонт. Всё, что ближе к нам, рисуем твёрдыми тёмными линиями, предметы, более удалённые, светлыми линиями, а задние планы только намечаем. Так, рисуя карандашом, мы учитываем основной закон живописи — закон перспективы, который выражается в том, что более отдалённые предметы кажутся меньшими по размеру и менее четкими по форме.

Ёлочку, которую мы выбрали, можно рисовать и карандашом, когда она чётко вырисовывается на солнце, и углём, когда на земле уже сгущаются тени. Оба рисунка помогут разобраться в том, как передавать различные состояния природы на одних и тех же предметах. Интересно также зарисовать эту ёлочку с различных расстояний: тогда мы поймём разницу между детализацией в рисунке первого плана и различной обобщённостью второго и третьего планов.

Потом можно поставить перед собой задачу ещё интереснее и сложнее: написать такую же ёлочку акварелью, стараясь как можно точнее передать форму и цвет в тени и на солнце.

Как рисовать акварелью

Акварель — простые, всем известные краски, которые растворяются водой. Они разноцветными кружками приклеены на овальной палитре. Набор акварельных красок бывает также в коробке, где каждая краска помещена в отдельную чашечку.

Для работы акварелью следует иметь несколько кистей разных размеров — тонкие и толстые — и одну большую кисть для смачивания бумаги.

Писать акварелью можно в альбоме из плотной бумаги — полуватмана или ватмана. Настоящие художники обычно пишут на отдельных листах, приклеенных по краям к планшету из фанеры. Перед наклейкой листа бумагу обычно смачивают с обратной стороны, чтобы она не коробилась при работе на ней водяной краской.

С лицевой поверхностью бумаги, на которой мы собираемся рисовать, следует обращаться очень бережно, так как любая царапина, сгиб, пятно могут испортить рисунок.

Контуры рисунка наносятся острым карандашом, очень легко, чтобы потом, при закрашивании даже самой светлой краской, карандашный след был незаметен. Пользоваться резинкой нельзя, чтобы не повредить поверхность бумаги, иначе краска на стертом месте будет ложиться неровно.

Если мы не совсем уверены в рисунке, следует его сделать на отдельном листке, всё уточнить и исправить, а потом перенести на бумагу, приготовленную для работы акварелью.

Для того, чтобы хорошо писать красками, необходимо сначала научиться рисовать карандашом без переделок. Всякие изменения в рисунке во время рисования приводят к тому, что теряется его свежесть, на листе появляется грязь, изменяется цвет.

Для этюдов акварелью следует выбирать простые мотивы, с которыми в смысле рисунка можно легко справиться. Например, мотив — земля, небо и дерево. Надо наметить контуры и брать с натуры локальные (основные) тона неба, земли и дерева. При работе всё время следует сравнивать цвета, тени и свет одних по отношению к другим.

При работе акварелью берут сначала светлые тона, чтобы позднее, нанося тона тёмные, можно было исправить некоторые неточности.

Чтобы научиться точному рисунку и правильно передавать тона, попробуем нарисовать с натуры этюд. Выберем что-нибудь самое обыкновенное, например, листок тополя, василёк или ромашку.

При рассмотрении мы убедимся, что давно нам знакомый предмет оказался сложнее и интересней, чем мы до этого думали. Мы раньше не обращали внимания на тонкие жилки, из которых как бы соткан лист. Мы увидим вдруг, что одноцветный василёк имеет разные оттенки,— по краям, где цветок освещён солнцем, он гораздо светлее, чем внутри. А как подобрать цвета, чтобы найти тон тычинок!

Как рисовать растения

Для воспитания чуткости глаза к краскам, для воспитания вкуса следует делать этюды отдельных растений. Всем известно, с какой любовью писал растения известный русский художник Шишкин. Широко известен этюд ветви работы Александра Иванова, где ничего не написано, кроме ветки с листьями на фоне неба, но зритель сразу может понять, что эта ветка растет высоко, что она удивительно свежая, что вокруг неё и далеко вдали — тёплый, пропитанный солнцем воздух.

Своими акварельными рисунками растений, выполненными совершенно точно по цвету и по рисунку, известен художник прошлого века Федор Толстой. Он умел нарисовать каплю воды на листке растения так, что вода казалась настоящей.

Рисовать растения лучше всего на одноцветном, неярком фоне, чтобы не усложнять рисунок окружающей обстановкой.

Возьмём две ромашки, одну, повёрнутую венчиком к нам, другую, чуть отклонённую в сторону. Первая как бы впишется в круг, внутри — меньшим кругом будет её жёлтая срединка. У второй ромашки художник должен найти соотношения между частями изображаемого цветка, правильное отношение цветов, потому что лепестки, которые нам видны с обратной стороны, будут иметь свою окраску, а на зелёной головке и стебельке

будут светлые отсветы (рефлексы) от белых лепестков. Рефлексы и тени будут и на фоне, скажем, плотной коричневатой бумаги, которую мы поместили по ту сторону ромашек.

Возьмём ещё один пример: попробуем нарисовать небольшую веточку липы. Приколем её недалеко от себя на какомнибудь одноцветном фоне так, чтобы нам хорошо было видно расположение листьев. Мы замечаем, что даже на одной ветке у листьев не всегда одинаковый размер. Есть листья больше, есть чуточку меньше; ещё присмотревшись, видим, что самые большие листы находятся на средине ветки.

Форма листьев и их положение на ветке по отношению к другим листьям также неодинаковы. Есть листок, который свернулся в трубку, есть лист, объеденный червем; один расположен к нам своей «лицевой» стороной, другой повёрнут боком, а третий повернулся так, что нам видна его обратная сторона.

Теперь эта ветка липы представляется нам сложной комбинацией форм и положений листьев. Так, имея цель нарисовать эту ветку, мы увидели больше, чем увидел бы человек, не имеющий этой цели. А умение видеть и наблюдать является важным условием для всякого, желающего рисовать.

При рисовании с натуры необходимо строго придерживаться определённой системы в работе.

Всякая зарисовка начинается со схемы: вот основная ветвь, вот веточки меньше, отходящие от неё, на этой схематичной «ветке» размещаем группы листьев. Три листа рядом, один из них выше двух других,— образуется правильный треугольник, остальные группы листьев имеют другую форму. Установив пропорции отдельных частей ветки и проработав последовательно все группы листьев, принимаемся за поиски каждого отдельного листа и белых, пушистых кисточек — цветов липы. Они расположены то на зелёном фоне листьев, то в воздухе.

Положение листьев в пространстве также не одинаково. Вот лист, повёрнутый к нам «лицевой» стороной. Как же его рисовать? Надо найти простую форму, которая была бы близка форме листа. Так липовый лист легко впишется в круг, и только с обеих сторон у окончания листка большие овальные выемки. А край листа! Он тоже имеет свой интересный узор.

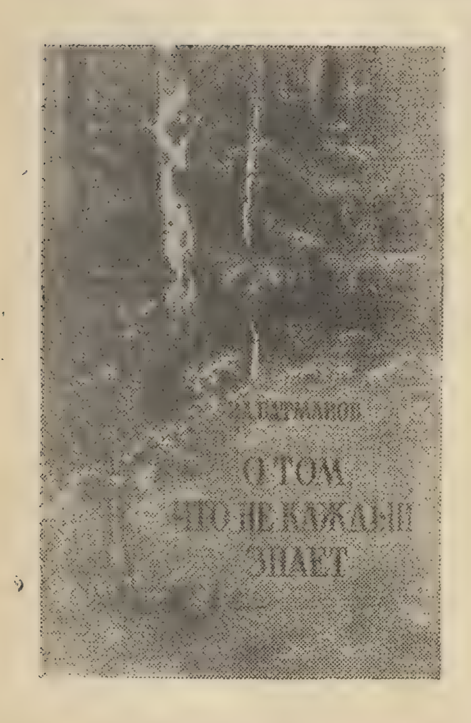
Итак, серьёзно поработав над этим этюдом, сначала сделав рисунок карандашом, потом на отдельном листе альбома уже акварелью, мы убеждаемся, что форма листьев, расположение и даже размер не повторяются. Они не будут одинаковы и по цвету. Мы улавливаем сложное взаимоотношение света, теней, различных цветовых рефлексов.

Интересно работу над таким же этюдом повторить через некоторое время. Повторный рисунок должен быть значительно лучше.

Совершенство в рисунке и в колорите (подборе цветов) возможно только на основе длительной и систематической работы.

В 1954—1955 годах Свердловское Книжное Издательство для вас, ребята, выпустило ряд книг. Вот они:

«О ТОМ, ЧТО НЕ КАЖДЫЙ ЗНАЕТ»

Многие из вас очень любят читать обо всём, что связано с какими-либо тайнами, происходящими в далёких странах. Но тайны можно найти, не пускаясь в дальние путешествия.

Книга уральского писателя В. Батманова «О том, что не каждый знает» рассказывает, как много можно узнать об окружающей природе, раскрыть её тайны, если быть внимательным и терпеливым. Природу автор называет книгой. Но не каждый может читать эту книгу. «Этому, как и всему, нужно учиться».

В книге шесть очерков. В них писатель приоткрывает перед нами некоторые страницы природы.

«Ранней весной,— читаем мы,— пробираемся по раскисшему полю. Ноги вязнут, обувь облеплена грязью. И внезапно нога чувствует твёрдую почву, легко и свободно двигаемся дальше». Что это? Откуда на раскисшем поле твёрдая почва? Вот вам и тайна. Попробуйте разгадать её.

А слышали вы про клопа-наседку? Этого клопа можно найти летом на листьях берёзы. «Наседка! Сразу возникает представление о квохчущей курице, окружённой выводком цыплят. Но при чём тут клоп? А присмотритесь к нему»...

Осенью вы идёте по лесу и на берёзе замечаете как будто гусеницу. Но потрогайте ветку, и гусеницы не станет, а вместо неё вы увидите голый сучок ветки.

Познакомившись с этой книгой, ребята, вы узнаете увлекательные вещи, которые пригодятся вам.

«ГОЛУБЫЕ ДОМИКИ»

Свердловский писатель Б. Рябинин написал сборник интересных рассказов «Голубые домики». Их герои — животные и птицы.

«В доме у нас настоящий зверинец,— так начинается первый рассказ «Ёжка».— Есть у нас весёлая шустрая собачка Мушка. Есть у нас большой рыжий кот Мурзик. Это очень заслуженный, всеми уважаемый кот. Ещё есть у нас белый и пушистый, как комок ваты, котёнок Пушок. А недавно нам принесли ежа».

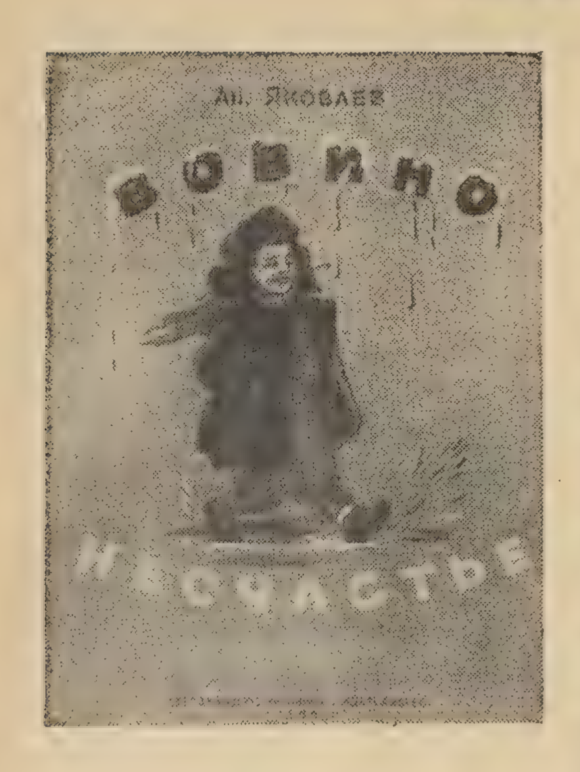
В книге есть ещё дворовый пёс Пират («Наш Пират»): «Пират — чёрный, косматый и на вид страшный. Но страшный он только для тех, кто захочет его обидеть или вздумает непрошенным забраться во двор, в сад».

О грачонке Петьке говорится в рассказе «Грачи прилетели»: «Петька оказался очень занятным и любопытным существом... Он совал свой нос всюду, куда только удавалось дотянуться».

В рассказе «Буся — лентяй» есть два кота: Буська и Котька. «Котька был очень хороший кот. Он ловил мышей не только дома, но и у соседей. А чистюля какой! Моется, моется, и всё ему кажется мало». Зато Буська был невозможнейший лентяй: всё только спал да ел. Ему даже играть было лень.

Какие со всеми героями произошли приключения, вы узнаете, прочитав эту книгу.

«ВОВИНО НЕСЧАСТЬЕ»

«Вовик, ты поедешь или раздумал?»

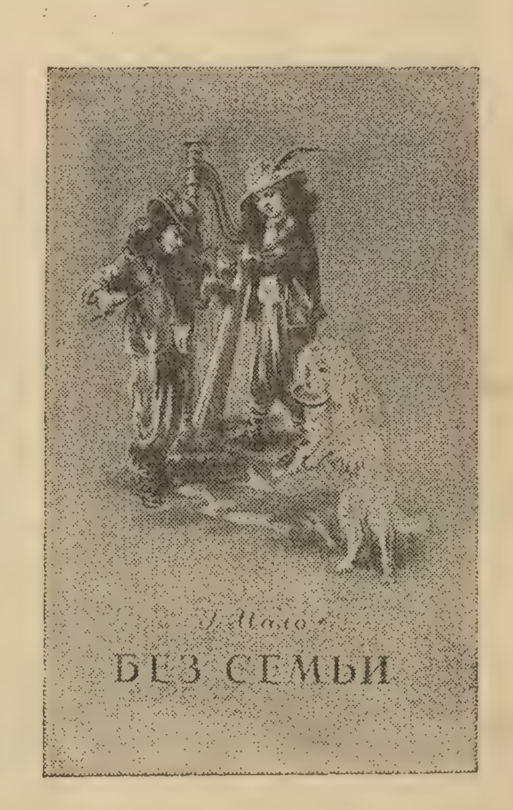
Эти слова разбудили Вову. Он открыл глаза и радостно улыбнулся.

— Сейчас, мама. Я быстро.

Сегодня Вова едет с папой в Москву к бабушке. Ах, как хорошо! Вова начинает одеваться. Но вечером, раздеваясь перед сном, Вовик всю свою одежду пораскидал где попало. Еле находит Вовик штанишки, ботинки. Одеться надо было быстро, а он забыл об этом, заметил на столе большой карандаш. «Шлёпая незашнурованным ботинком, Вова подошёл к столу» и принялся рисовать. Мама послала его умываться. Умыться надо было тоже быстрее, но Вовика заинтересовали брызги, и он стал играть водой. Потом Вовик пошёл в садик, отнести записку воспитательнице, но...

Прочитав книгу «Вовино несчастье» свердловского писателя Анатолия Яковлева, вы узнаете, поехал ли Вова в Москву.

«БЕЗ СЕМЬИ»

«Я найдёныш,— так начинается рассказ о жизни маленького мальчика Реми.— Но до восьми лет я этого не знал и был уверен, что у меня, как и у других детей, есть мать, потому что, когда я плакал, какая-то женщина нежно обнимала и утешала меня и слёзы мои тотчас же высыхали». Это была матушка Барберен.

Деревушка, где жили Реми и его

матушка, была одной из самых бедных деревень центральной Франции. Мужчины этой деревни ходили на заработки в Париж. В Париже много лет работал и муж матушки Барберен. Оттуда он возвратился инвалидом. «Я искалечен,— говорит он,— нас ждёт нищета... Работать я не могу, денег у нас нет. Корова продана. Можем ли мы кормить чужого ребенка, когда нам самим нечего есть». Так Реми узнаёт, что у него нет родителей. Но он нежно любит матушку Барберен, ему страшно остаться без неё. Ведь ему только восемь лет!

Нужда делает Барберена безжалостным, и он продаёт Реми бродячему артисту Виталису. Для Реми начинается новая жизнь, полная невзгод и лишений.

Многое увидел Реми, скитаясь по Франции, многому научился.

Обо всём этом рассказывается в повести «Без семьи», написанной в конце прошлого века известным французским писателем Гектором Мало (1830—1907 гг.).

Мысленно следуя за мальчиком, мы узнаём о нравах и обычаях того времени. Перед взором читателя проходят образы: жестокого Гарафоли, эксплуатирующего купленных детей; бесчестного Дрисколя, который согласен ради денег пойти на любое преступление; коварного Джеймса Миллигана, мечтающего завладеть имуществом своих племянников.

Мир, в котором живёт Реми, страшен. Это капиталистический мир. В нём всё решают деньги.

В этом мире тяжела и безрадостна жизнь простого народа.

Трудно живётся шахтёрам Варса. Шахтёр дядя Гаспар приглашает к себе Реми и его друга Маттиа поужинать. Реми надеялся «хорошо и сытно поесть». «К моему великому разочарованию, попировать в этот вечер нам не удалось. Правда, мы сидели за столом, сидели не на земле, а на стульях, но горячего не было и ужин продолжался недолго». Реми знакомится со старым шахтёром, которого зовут «учителем». «Учитель» жил в бедном, печальном местечке. Снимал он нечто вроде погреба у одной старой женщины, вдовы шахтёра, погибшего во время обвала. На самом сухом месте он устроил себе постель; но это было только относительно сухое место, потому что на деревянных ножках кровати росли грибы».

Встречается Реми с садовником Акеном. Трудолюбивый честный Акен разорён и вынужден сесть в долговую тюрьму. Многие родители, чтобы не умереть от голода, продают своих детей. Жестокому Гарафоли продан Маттиа, проданы его товарищи.

Благородный Виталис, некогда знаменитый певец, скитается по Франции и умирает в нужде и безвестности.

Очень тепло в книге описаны животные: умный пудель Капи, непослушный пёс Зербино, Дольче и обезьянка Душка.

С тех пор, как написана книга «Без семьи», прошло много лет. Попрежнему во Франции царит капитализм, попрежнему жизнь простого народа тяжела. Но трудящиеся Франции мечтают о другой жизни и борются за неё.

ДВЕ КНИЖКИ

Переизданы две книжки Свердловской писательницы Е. Хоринской «Сказки» и «Спичка-невеличка».

В «Спичке-невеличке» говорится о мальчике, который очень любил играть спичками. Однажды родители оставили его дома с маленькой сестрёнкой. Этот мальчишка закрыл девочку в комнате, а сам забрался на чердак и завёл там костёр. Дом загорелся. И плохо бы кончилась забава этого мальчишки, если бы на помощь не поспешила пожарная команда.

В книжку сказок вошли сказки: «Про дедушку-привередушку» и «Про девушку-семиделушку».

Надоело деду ездить в поле, и решил он туда послать старуху. Дескать, пусть-ка она узнает, каково в поле работать. А дома делать нечего, и он славно отдохнёт за день...

И жила девчонка. За много дел она бралась сразу, но никогда ни одного дела не доводила до конца.

Постарайтесь, ребята, узнать о том, как домовничал дед и что случилось с девушкой-семиделушкой.

Все книжки, о которых здесь сказано, иллюстрированы. Рисунки делали свердловские художники: Е. Гилёва, В. Васильев, В. Волович и другие.

ОТВЕТЫ К РАЗДЕЛУ «В ЧАСЫ ДОСУГА»

Зоологическая задача

зе Б ра
ги Е на
пин Г вин
ол Е нь
хо М як
в О л
пе Т ух

По вертикали получилось БЕГЕМОТ

Сможешь ли ты назвать?

1. Москва, 2. Саргассово море, 3. Рыбинское море (80×120 км), 4. Куйбышевская гидроэлектростанция (2 миллиона квт), 5. Беломоро-Балтийский канал (227 км), 6. Пик имени Сталина на Памире (7495 м), 7. Джомолунгма (Эверест) на Гималаях (8882 м), 8. Волга (3690 км), 9. Миссисипи (с Миссури 6230 км), 10. Каспийское море (395 000 кв. км), 11. Байкал (1741 м), 12. Тихий (179 679 000 кв. км), 13. Сопка Ключевская на Камчатке (4850 км), 14. Этна на острове Сицилия (3263 м).

Поищите!

Дом-доК, стол-стоК, стул-стуК, луг-луК, пол-Кол, бант-Кант; сосна-сосКа, возы-Козы, тачка-Качка, лом-Ком, репа-реКа, пила-пиКа, чашка-Кашка, бочка-Кочка, метла-метКа.

Балалайка

Ре, тон, хор, дека, звук, день; север; рондо; Васса; литавры. Текст задачи: В. В. Андреев — создатель русских народных оркестров.

Головоломка

Ключ головоломки заключается в том, что в каждом сочетании цифр первая обозначает наименование цифры, то есть пять, один, два и т. д., а вторая цифра, стоящая через тире, указывает которую букву по счёту в данном названии цифры нужно взять. Например, 5—1, что означает букву «П» в слове **«пять»**; 4—5 означает пятую букву в слове **«четыре»**, то есть букву **«Р»** и т. д.

В нашей задаче записано: «ПОВТОРЕНЬЕ — МАТЬ УЧЕНЬЯ».

СОДЕРЖАНИЕ

ОЧЕРКИ

ДЛЯ ШКОЛЬНОЙ САМОДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

В ЧАСЫ ДОСУГА

5 р. 20 к.

СВЕРДЛОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1955